А. И. Вдовин, В. З. Дробижев

РОСТ РАБОЧЕГО КЛАССА СССР 1917-1940 гг.

Издательство
«Мысль»
Москва
1976

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В $\frac{10604-182}{004(01)-76}$ 63-76

ВВЕДЕНИЕ

В октябре 1917 г. российский пролетариат открыл новую эпоху мировой истории. Свергнув эксплуататоров, рабочий класс России первым в истории покончил с наемным рабством и перестал быть пролетариатом, т. е. классом, лишенным средств производства. Он победил в социалистической революции, проложил дорогу к коммунизму, по которой идут теперь многие народы.

С каждым шагом на пути коммунистического строительства возрастала руководящая роль рабочего класса во всех сторонах жизни советского общества. Преобразуя страну, рабочий класс менялся и сам. Увеличивалась его численность, неизмеримо вырос культурно-технический уровень рабочих, другими становились соотношения между старыми и новыми кадрами, между различными отраслевыми и профессиональными отрядами и т. д.

Рост рабочего класса — понятие очень широкое. Под этим термином понимаются не только количественные, но и глубокие качественные изменения, преобразование всей экономической, политической и духовной сферы жизни класса. В настоящей работе основное внимание уделяется лишь одной стороне проблемы — росту рабочего класса за счет новых пополнений в годы борьбы за построение социализма. В центре внимания авторов — период социалистической реконструкции народного хозяйства. Именно на это время приходится значительное обновление рядов рабочего класса. Расширенное воспроизводство рабочего класса осуществлялось не только на его собственной основе, но и за счет вовлечения в его ряды представителей непролетарских и полупролетарских слоев населения.

Изучение невиданного по своим масштабам процесса воспитания людей в социалистическом духе, который шел на строительных площадках, в цехах фабрик и заводов одновременно с созданием экономической мощи СССР, имеет большое научное и политическое значение. Конкретно-исторический анализ хода расширенного воспроизводства рабочего класса углубляет представления об изменениях, происходивших в его составе и обус-

ловивших возрастание ведущей роли рабочего класса в развитии советского общества.

Всестороннее изучение опыта, накопленного советским рабочим классом, помогает правильно решать многие практические задачи, стоящие сейчас перед советским народом. Характеристика новых пополнений важна не только в плане исследования истории самого рабочего класса, но и с точки зрения анализа межклассовых отношений в советском обществе, исследования социальной структуры общества в целом, без знания которой, как говорил В. И. Ленин, «нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности» [1].

Важное значение имеет изучение избранной проблемы и в плане борьбы с современной буржуазной идеологией. Буржуазные советологи фальсифицируют историю советского рабочего класса, отрицают его ведущую роль в обществе, в искаженном свете представляют динамику социального развития рабочего класса.

Задачу данной работы авторы видят в следующем: проанализировать количественную и качественную характеристики новых пополнений рабочего класса, выяснить место новых пополнений в структуре рабочего класса, их влияние на класс в целом, раскрыть процесс превращения новых рабочих в кадровых. В центре внимания — фабрично-заводские рабочие — ведущий отряд рабочего класса.

Задачи работы определили и ее структуру. В первой главе раскрываются методологические принципы исследования, дается анализ историографии и источников по теме. Вторая глава посвящена обобщенной характеристике изменений численности рабочего класса в первое послеоктябрьское десятилетие. В специальной главе анализируется количественный рост рабочего класса в годы довоенных пятилеток. При этом главное внимание уделяется численности новых пополнений, их социальному составу, проблеме развития республиканских отрядов рабочего класса. В заключительной главе рассматриваются основные направления деятельности КПСС и Советского правительства по социалистическому воспитанию новых пополнений рабочего класса, делается попытка охарактеризовать условия и сроки превращения новых рабочих в кадровых.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 186.

1

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКИ

Важнейшие принципы изучения численности и социального состава рабочего класса в трудах В. И. Ленина

Развитие советского рабочего класса в переходный период шло по линии всестороннего укрепления его руководящей роли в жизни общества, значительного возрастания численности и упрочения социальной сплоченности. Новые пополнения рабочего класса оказывали большое влияние на облик класса в целом. Поэтому анализ проблемы роста рабочего класса тесно связан с рассмотрением его социальной структуры. Важнейшие методологические указания на сей счет содержатся в трудах В. И. Ленина.

В соответствии с учением марксизма-ленинизма место людей в общественном производстве, обусловливающее их положение в системе производственных отношений, является основой разделения всего общества на классы. Исчерпывающее определение класса дано В. И. Лениным в работе «Великий почин» (1919 г.). «Классами, — писал он, — называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли обществен-

ного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»[1].

Классы являются основой социальной структуры общества вплоть до полного построения коммунизма. Внутри классов в свою очередь существуют различные социальные слои, при выделении которых В. И. Ленин считал необходимым учитывать критерии, выражающие «основные экономические признаки этих групп, как различных *классовых* элементов...»[2]. Иначе говоря, это те же классовые признаки и критерии, но в «их градации по разным степеням количественного и качественного выражения»[3].

Однако выделение определенного числа слоев внутри каждого класса не означает, что вторичный уровень социально-классовой дифференциации образует мелкую сетку, которая накладывается на более крупную классовую и совпадает с ней. Такое представление о структуре класса было бы далеко не полным. Правильно отражая наиболее зримые черты социальной структуры общества в статике и четкой отдифференцированности одного класса (слоя) от другого, оно не раскрывает картины живого социального организма в его движении — постоянном процессе воспроизводства и обновления, постоянном взаимодействии отдельных элементов структуры между собой.

Учет всей сложности различных переходов и связей между отдельными слоями и классами — непременный принцип ленинского анализа развития социальной структуры общества. В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920 г.) содержится замечательный пример ленинского подхода к изучению социальной структуры рабочего класса в капиталистическом обществе. «Капитализм не был бы капитализмом, — писал В. И. Ленин, — если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто наполовину снискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому кре-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 503.
[3] *В. С. Семенов.* Капитализм и классы. М., 1969, стр. 65.

стьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.; если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п.»[4].

Собственно рабочий класс («чистый пролетариат», «сам пролетариат», живущий на средства, добываемые только продажей своей рабочей силы) Ленин отграничивает от «массы переходных типов», единство которой состоит в том, что составляющие ее люди лишь на какую-то долю живут продажей рабочей силы, а другую часть средств черпают в собственном хозяйстве. «Масса переходных типов» образует пограничный слой, обладающий признаками граничащих классов. Этот слой имеет большое значение при исследовании структуры как пролетариата, так и других трудящихся классов, прежде всего крестьянства. Не случайно, рассматривая крестьянство, В. И. Ленин выделяет в нем в качестве одной из основных социальных групп пролетарские и полупролетарские слои. Анализируя рабочий класс, В. И. Ленин указывал на полупролетариат, органически связанный с промышленностью. «В нашей пропаганде и агитации, — писал он, — мы постоянно натыкаемся на рабочих-крестьян, т. е. фабричных и заводских рабочих, которые сохраняют связи с деревней, имеют там родню, семью, ездят туда»[5]. Это та часть рабочих, которая в отличие от «чистого» пролетариата «еще не порвала с землей, покрывает отчасти свои расходы продуктами своего земледельческого хозяйства... и образует... тип наемных рабочих с наделом...»[6].

Методологическое значение этих важнейших ленинских указаний состоит, на наш взгляд, в необходимости в ходе социального анализа выделять собственно пролетариат и переходные слои.

Социальное движение в переходных слоях в конечном счете может идти в двух направлениях — в сторону «чистого» пролетариата и от него, поэтому можно говорить о двух слоях: «формирующемся» и «выделяющемся». Наличие переходных слоев отражает динамику классовой структуры общества.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 58—59.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 238.
[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 583.

Складываясь на почве экономических отношений, социально-классовое деление пронизывает все сферы жизни общества, в частности политическую и идеологическую, общественное сознание, область быта, общественную психологию и т. д. Это положение касается не только общества в целом, но и отдельных классов. Уровень экономического развития отдельных слоев класса находится в тесной связи и в значительной мере определяет степень социальной развитости этих слоев, способность их представителей осознавать свое место в обществе, выражать интересы всего класса и участвовать в борьбе за их осуществление. Известно, что процесс превращения «класса в себе» в класс «для себя» начинается с наиболее развитых слоев рабочего класса.

Ф. Энгельс, имея в виду связь между экономической и социальной развитостью отдельных слоев рабочего класса, писал, что «уровень развития различных рабочих находится в прямой зависимости от их связи с промышленностью... следовательно, промышленные рабочие лучше всех сознают свои интересы, горнорабочие уже хуже, а сельскохозяйственные рабочие ещё почти совсем их не сознают. Мы обнаружим эту зависимость также и в рядах самого промышленного пролетариата: мы увидим, что фабричные рабочие — эти первенцы промышленной революции — с самого начала и до настоящего времени являлись ядром рабочего движения и что остальные рабочие примыкали к движению в той мере, в какой их ремесло захватывалось промышленным переворотом»[7]. Как видим, здесь речь идет не просто о профессиональных различиях. Ф. Энгельс подчеркивает, что рабочий класс подразделяется на отдельные слои в зависимости от того, насколько рабочие различных профессий по условиям и организации труда приближаются к промышленным пролетариям, ибо условия фабричного труда предъявляют наиболее высокие требования к уровню развития рабочей силы и вместе с этим к уровню развития рабочего вообще.

Фабрично-заводская промышленность в большей степени и быстрее, чем другие отрасли производства, «обобществляя труд, в то же самое время, механизмом самого

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 260.

процесса «обучает, объединяет и организует рабочий класс», обучает борьбе, организует его «возмущение», объединяет для «экспроприации экспроприаторов», для захвата политической власти...»[8].

Характеризуя процесс превращения крестьянина в рабочего, В. И. Ленин отмечал, что он заканчивается лишь в условиях фабрично-заводской промышленности: «...крупная машинная индустрия производит полный и решительный переворот в условиях жизни промышленного населения, отделяя его окончательно от земледелия...»[9] Она создает «особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей, как материальных, так и духовных»[10].

К передовым слоям фабрично-заводских рабочих В. И. Ленин относил металлистов. Он называл металлистов наиболее сознательными, наиболее культурными пролетариями, которые играют роль авангарда «по отношению к рабочим остальных отраслей промышленности»[11].

В. И. Ленин учил видеть помимо фабрично-заводского пролетариата еще и «пролетариат вообще», среди которого фабрично-заводские рабочие являются самыми развитыми в классовом отношении. Известно, с какой резкостью обрушился В. И. Ленин на Н. Ф. Даниельсона, когда тот пытался истолковать К. Маркса таким образом, будто бы «степень прогрессивной работы капитализма измеряется... числом фабрично-заводских рабочих!!!»[12]. В. И. Ленин говорил, что это означало «повторять (*и даже утрировать*) ошибку мещанских российских экономистов, начинающих капитализм прямо с крупной машинной индустрии»[13]. Судить о «миссии» капитализма по числу фабричных рабочих в корне неверно, писал он, потому что «эта «миссия»

[8] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 322; см. также: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 772—773.

[9] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 541.

[10] Там же, стр. 547.

[11] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 391; т. 24, стр. 100; т. 30, стр. 314.

[12] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр 323.

[13] Там же, стр. 325.

выполняется развитием капитализма и обобществления труда вообще, созданием пролетариата вообще, — по отношению к которому фабрично-заводские рабочие играют роль только передовых рядов, авангарда. Бесспорно, конечно, что революционное движение пролетариата зависит и от числа этих рабочих, и от концентрации их, и от степени их развития и т. д., но все это не дает ни малейшего права *сводить «объединяющее значение» капитализма к числу фабрично-заводских рабочих.* Это значит до невозможности суживать идею Маркса» [14].

Кроме наиболее развитых фабрично-заводских рабочих существуют менее развитые слои. В. И. Ленин указывал на «наиболее неразвитые слои и элементы пролетариата и полупролетариата, каковы, например, чернорабочие, затем прислуга в городах, полупролетарии в деревнях и т. п.» [15]. Обыкновенно это хуже всех оплачиваемая часть рабочих, в значительной степени необученные, неквалифицированные рабочие. К менее развитым слоям В. И. Ленин относил и часть фабрично-заводских рабочих [16]. Менее развитые слои пролетариата В. И. Ленин часто объединял в одно целое и тогда говорил о массах, под которыми понимал «всю совокупность трудящихся и эксплуатируемых капиталом, особенно наименее организованных и просвещенных, наиболее угнетенных и наименее доступных организации» [17].

Как видим, существует прямая связь между экономическим и социальным развитием отдельных слоев рабочего класса. Однако характер этой связи таков, что «экономическое положение не оказывает своего воздействия автоматически...» [18]. Причастность отдельного рабочего к разряду металлистов вовсе не означает, что он в силу этого высоко сознателен и активен в борьбе за рабочее дело. Речь идет об общей закономерности, когда экономически развитые слои рабочего класса являются в то же время и самыми передовыми в плане классового сознания, социальной психологии и общественного поведения. Эти слои отличаются наибольшей

[14] Там же, стр. 328—329.
[15] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 404.
[16] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 314.
[17] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 193.
[18] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 39, стр. 175.

сплоченностью, способностью к организации, пониманием задач, стоящих перед классом, и готовностью бороться во имя общей цели, т. е. обладают теми чертами, которые более всего соответствуют объективному положению класса в обществе и данного слоя внутри класса. Поэтому В. И. Ленин считал, что передовые слои рабочих выражают интересы класса в целом. «Когда в Париже в 1871 году было восстание парижских рабочих, — говорил он в связи с этим, — немалое число рабочих других городов боролось против них в войсках белогвардейцев и подавляло парижских рабочих. Это не мешало сознательным социалистам утверждать, что парижские коммунары представляют собой весь пролетариат, т. е. все, что есть лучшего, честного, в войсках же белогвардейцев были отсталые слои рабочих» [19].

В. И. Ленин придавал важное значение делению рабочих на более и менее развитые слои и в плане классового сознания, психологии и поведения. «...Именно в силу существования различий по степени сознательности и степени активности, — писал он, — необходимо провести различие по степени близости к партии» [20]. Однако если в соответствии с экономическими признаками В. И. Ленин выделял в первую очередь «чистый» пролетариат и переходные слои, то в данном случае в соответствии с критериями идеологического и социально-психологического порядка В. И. Ленин подразделял весь пролетариат на три части. В конкретных условиях 1899 г. В. И. Ленин выражал соотношение этих частей следующим образом: «За численно небольшим слоем передовиков идет широкий слой средних рабочих... за средним слоем идет масса низших слоев пролетариата» [21].

В Отчетном докладе ЦК РКП(б) VIII съезду партии (март 1919 г.) В. И. Ленин, характеризуя советский рабочий класс тех лет, говорил о «неимоверно тонком» слое рабочих, управлявших Россией в то время, о том, что этот слой «надорвался, переработался, сделал больше, чем мог», и поэтому было необходимо

[19] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 10.
[20] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 245.
[21] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 269—270.

«привлечь к советской работе рабочих и крестьян, стоящих на уровне середняка или даже ниже этого уровня» [22].

В 1920 г. В. И. Ленин делает критические замечания на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода», которые имеют важное методологическое значение для исследования состава рабочего класса. Прочитав положение книги: «В переходный период анализ нельзя ограничивать предпосылкой сплошной однородности класса», В. И. Ленин подчеркивает слово «предпосылкой» и замечает на полях: «Не в «предпосылке» дело (это идеальное) [,] а в *материальном: нет* этой сплошной однородности» [23].

В. И. Ленин, таким образом, отмечал неоднородность рабочего класса и в послереволюционную эпоху, требовал от партии строить свою идейно-воспитательную и практически-организационную работу исходя из этой неоднородности, добиваясь всемерного усиления сплоченности и единства пролетарских рядов.

Каково же соотношение делений рабочего класса на слои по экономическим (с одной стороны) и по идеологическим и социально-психологическим (с другой стороны) признакам?

Памятуя о том, что экономическое положение не оказывает своего воздействия автоматически, можно все-таки утверждать, что передовые и средние слои рабочих с точки зрения идеологической и социально-психологической были одновременно и наиболее развитыми в экономическом плане.

Если подходить к основным слоям рабочего класса с учетом их экономических, а также идеологических и социально-психологических характеристик, то выделяемые при этом слои предстанут в следующем виде.

Высший слой рабочего класса является настоящим авангардом класса, который значительно отличается от остальной массы рабочих уровнем своей профессиональной подготовки, гораздо более длительным стажем работы на предприятиях, принадлежностью к наиболее развитым индустриальным отраслям производства, а главным образом в силу высокой степени осознания

[22] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 145.
[23] См. Ленинский сборник XI, стр. 393.

классовых интересов («Сознательный рабочий должен знать, что он представитель класса» [24], — говорил В. И. Ленин), своей высокой активностью в производственной, политической и других областях. Именно из этого наиболее передового, авангардного слоя кадровых рабочих Коммунистическая партия черпает свои основные кадры. «Получается такая вещь, — говорил В. И. Ленин, — что партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата...» [25] Не случайно партия и авангард рабочего класса часто упоминаются В. И. Лениным как синонимы: «Партия — сознательный, передовой слой класса, его авангард» [26]. Таким образом, высший слой рабочего класса в массе своей организован в партию рабочего класса или является непосредственным резервом партии.

Средний слой объединяет всех остальных «чистых» или кадровых рабочих, отвечающих главному признаку кадрового рабочего: отсутствие собственных средств производства и иных источников дохода, кроме как от работы на предприятии; определенный стаж работы, необходимый для усвоения психологии рабочего класса. Средний слой составляет ближайший резерв Коммунистической партии.

Состав низшего слоя более сложен. Он включает в себя наименее развитую в экономическом плане часть «чистого» пролетариата — необученных, имеющих незначительный производственный стаж рабочих.

Известно, что «под «пролетарием» в экономическом смысле следует понимать исключительно наемного рабочего, который производит и увеличивает «капитал» и выбрасывается на улицу, как только он становится излишним для потребностей возрастания стоимости «господина капитала»...» [27]. Однако одного звания «чистый пролетарий» недостаточно для того, чтобы считаться рабочим в широком социально-психологическом плане. Совершенно очевидно, что вчерашний выходец из мелкобуржуазных слоев, сегодня работающий на фабрике, став рабочим по форме, еще не усвоил пролетарской психологии. В. И. Ленин считал необходимым «опреде-

[24] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 370.
[25] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 203.
[26] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 34.
[27] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 628.

лить понятие «рабочий» таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта»[28]. Поэтому будет вполне закономерно отнести к низшему слою тех «чистых» рабочих, которые в силу разных причин не усвоили еще психологию своего класса.

К низшему слою относится также основная масса пограничных, полупролетарских по своему экономическому положению слоев рабочего класса. Прежде всего это слой «формирующихся» рабочих, который может быть значительным при расширенном воспроизводстве рабочего класса за счет непролетарских слоев населения. Естественно, что положение полурабочего-полухозяина затрудняет формирование пролетарского сознания. Многие из этих рабочих, так же как и мелкие хозяйчики, «в силу самых условий их жизни стремятся выйти в хозяева...»[29], или по крайней мере не оставляют еще такую надежду. Только у «чистого» пролетариата условия жизни, отражающие его объективное положение в производстве, таковы, что, «отнимая всякую надежду на превращение в хозяина, заставляют стремиться к полному изменению всех основ капиталистического общественного строя»[30].

В капиталистической России примером полупролетарских слоев являлись довольно многочисленные отряды полурабочих-полукрестьян в городах и полукрестьян-полурабочих в деревне, причастность которых к низшему, наиболее неразвитому в классовом отношении слою неоднократно отмечалась В. И. Лениным[31]. В 20-е годы это в основном рабочие, сохраняющие связь с землей. В 30-е годы, когда связь с землей у вновь вливающихся в рабочий класс крестьянских пополнений очень быстро разрывалась, слой полурабочих-полухозяев практически перестал существовать.

---

[28] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 20.
[29] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 136.
[30] Там же.
[31] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 404.

От «формирующихся» следует отличать отряды рабочего класса, состоящие из работников, находящихся в стадии перехода из рядов рабочего класса в другие социальные группы общества. К ним относятся, например, некоторые представители «чистых» пролетариев, перешедшие к занятиям в мелкособственническом кустарном или сельском хозяйстве. Другим примером в условиях капитализма может служить «рабочая аристократия», экономической базой существования которой являются привилегии в оплате труда.

Рабочая аристократия, по словам В. И. Ленина, — это подкупленная «на средства империалистской сверхприбыли» часть обученных, высококвалифицированных рабочих из некоторых отраслей промышленности[32]. Создавая привилегированные разряды рабочих, капитализм получает возможность отколоть их от широкой массы пролетариата, от его интересов и идеологии. Таким образом, рабочая аристократия выступает как «обуржуазившиеся рабочие»[33]. В составе класса «рабочая аристократия» занимает место отсталых слоев. Хотя отсталость ее является отсталостью особого свойства, суть не меняется: рабочие, относящиеся к отсталым (в классовом смысле) слоям, утратили или, несмотря на длительное пребывание в рядах класса, так и не приобрели основных его качеств в экономической, идеологической и социально-психологической областях. Наличие такого рода отсталого слоя в составе класса оказывает в известных случаях исключительное влияние на весь ход классовой борьбы пролетариата за свои конечные цели.

Как видим, низший слой рабочего класса довольно сложен по своему составу. Постоянная обязанность партии и передовых рабочих по отношению к этому слою состоит в том, чтобы поднимать его до уровня развитых слоев рабочего класса[34]. При целенаправленной работе партии по изменению условий жизни низших слоев рабочего класса и их классовому воспитанию основная масса этих слоев недолго остается в подобном положении. После победы Великой Октябрьской рево-

---

[32] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 168.
[33] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 322.
[34] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 245.

люции В. И. Ленин считал, что в прошлом неразвитые слои рабочих вскоре встанут в ряды активных борцов за социализм[35].

Необходимость постоянной работы по развитию сознания низших слоев рабочего класса рассматривалась В. И. Лениным в неразрывной связи с более широкой работой по перевоспитанию в социалистическом духе всех слоев населения, не освободившихся еще от пережитков прошлого. «Историческая задача пролетариата, — писал В. И. Ленин, — переваривать, переучивать, перевоспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство...»[36]

Подводя итоги рассмотрению ленинских принципов анализа социального состава рабочего класса, можно заключить, что в соответствии с критериями экономического порядка в нем необходимо выделять слой «чистого» пролетариата (в свою очередь подразделяющийся на экономически более или менее развитые группы) и переходные слои. Применение экономических, идеологических и социально-психологических критериев, взятых вместе, позволяет судить о рабочем классе как о единстве трех различающихся по степени развитости слоев.

Рост рабочего класса и даже его простое воспроизводство предполагают постоянное вовлечение в ряды класса новых пополнений. Какое место занимают новые пополнения в структуре класса? Ответить на этот вопрос однозначно вряд ли возможно. Место новых пополнений зависит и от характера воспроизводства класса, и от социального состава источников, на основе которых это воспроизводство осуществляется.

В том случае, если рабочий класс воспроизводится на собственной основе (т. е. за счет семей кадровых рабочих), переходных слоев не образуется. Новые рабочие, вливаясь в различные по степени развитости отрасли производства и рабочие коллективы, получают хотя и различные, но благоприятные возможности для воспитания истинно рабочих черт и продвижения из низших слоев класса в высшие в минимально короткие сроки.

[35] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 249.
[36] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 107.

Примерно такая же ситуация создается, когда в ряды рабочих вливаются новые пополнения из других классов, но переход сопровождается быстрым разрывом связи этих рабочих с непролетарскими источниками существования.

При сохранении на какое-то время старых экономических связей новые рабочие попадают в разряд полупролетариев, и их воспитание в духе рабочего класса в этом случае намного усложняется.

Во всех перечисленных случаях «новые рабочие» представляют собой недавних выходцев из других классов и социальных слоев, силой общественного развития перемещенных в состав рабочего класса, но продолжающих еще некоторое время сохранять экономические и другие, в том числе наиболее живучие, психологические связи со своими прежними классами и социальными слоями. («Новые» в этих случаях означает «еще не приобретшие необходимых пролетарских классовых качеств».) Выходцам из семей рабочих тоже необходима известная школа крупного производства для утверждения и закрепления в их поведении, психологии и сознании истинно рабочих черт.

Таким образом, «новым» рабочего можно считать с момента начала работы и до тех пор, пока и по своему экономическому положению в производстве, и по степени усвоения социальной психологии он не достигнет уровня, необходимого для того, чтобы его можно было отнести к кадровому рабочему.

Среди многообразных проявлений поступательного развития рабочего класса важное значение имеет количественный рост рабочего класса, его численность. Анализу этой проблемы В. И. Ленин уделял большое внимание, он решительно выступал против народников, пытавшихся всячески преуменьшить численность и роль рабочего класса. В книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин исследовал численность рабочих не только крупной промышленности, но и других отрядов пролетариата в их неразрывной связи.

Придавая большое значение численности рабочего класса, В. И. Ленин вместе с тем резко выступал против попыток только количеством определить силу класса. Идеологи меньшевиков социальную мощь рабочего

класса определяли исключительно его численностью. Они считали, что наступление пролетарской революции и строительства социализма станет возможным лишь при условии количественного превосходства рабочего класса над всеми прочими классами общества, вместе взятыми. Это утверждение совершенно игнорировало объективную закономерность развития общества, согласно которой сила пролетариата «в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения»[37]. Положение каутскианцев и русских меньшевиков игнорировало качественные характеристики конкретного количества. В. И. Ленин показал, что в реальной жизни возможна ситуация, когда многочисленный класс может уступить по силе малочисленному. «51% (αα) пролетариата *меньше*, чем 20% (ββ) пролетариата, *если* в αα больше империалистского заражения и сопротивления мелкой буржуазии»[38]. Фразы о меньшинстве и большинстве ничего не решают, если при этом забываются такие факторы, как сознательность, организованность, революционность, решимость, твердость, непреклонность пролетариата[39]. Численность, отмечал еще К. Маркс, «только тогда решает дело, когда масса охвачена организацией и ею руководит знание»[40].

В. И. Ленин подвергал критике и тех (в частности, Бухарина), кто, впадая в другую крайность, не придавал должного значения численности рабочего класса. Он указывал, что при оценке реальной силы рабочего класса в обществе необходимо учитывать целый ряд взимосвязанных факторов: численность, роль в экономике страны, связь с массой трудящихся, организованность[41].

Партия всегда придавала большое значение проблеме численности пролетариата. Так, в середине 20-х годов после восстановления довоенной численности рабочего класса одной из главных стала задача обеспечения его дальнейшего роста. Увеличение численности рабочего класса, и особенно его промышленного ядра,

---

[37] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 13.
[38] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 458.
[39] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 249.
[40] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 10.
[41] См. Ленинский сборник XI, стр. 391.

справедливо рассматривалось как важное условие успешного строительства социализма в СССР. Об этом, в частности, говорилось в выступлении И. В. Сталина на собрании актива Московской организации РКП(б) 9 мая 1925 г.: «Сейчас у нас имеется около 4 миллионов индустриального пролетариата. Этого, конечно, мало, но это все же кое-что для того, чтобы строить социализм и построить оборону нашей страны на страх врагам пролетариата. Но мы не можем и не должны остановиться на этом. Нам нужно миллионов 15—20 индустриальных пролетариев, электрификация основных районов нашей страны, кооперированное сельское хозяйство и высоко развитая металлическая промышленность. И тогда нам не страшны никакие опасности»[42].

Таким образом, одним из важнейших методологических принципов в изучении рабочего класса является рассмотрение количественных и качественных аспектов его роста в их диалектической взаимосвязи. В. И. Ленин выступал против любых проявлений одностороннего подхода к данной проблеме, против придания самодовлеющего значения каждому из двух аспектов роста рабочего класса, против искусственного противопоставления их друг другу. Социальная политика КПСС опирается на ленинское теоретическое наследство. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии при оценке места и роли рабочего класса в современном социалистическом обществе отмечалось, что место рабочего класса в социалистическом обществе определяется не только его численностью, которая может меняться в зависимости от развития экономики; ведущее положение рабочего класса во многом определяют его революционность, дисциплинированность, организованность и коллективизм, общая культура, образованность и политическая активность[43].

Изучение истории роста рабочего класса СССР на основе ленинских принципов анализа является важнейшей задачей советских историков.

---

[42] *И. В. Сталин.* Соч., т. 7, стр. 132.
[43] См. «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 73.

Историография

Изучение проблем роста рабочего класса СССР началось уже в первые послеоктябрьские годы. Развитие советской историографии этого вопроса шло по пути освоения ленинской концепции, принципов и методов анализа роста рабочего класса, важнейших методологических указаний, содержащихся в партийных документах.

Советские историки в последние годы много сделали в области историографического обобщения исследования истории рабочего класса [44]. Особый интерес представляет монография И. Е. Ворожейкина «Очерк историографии рабочего класса СССР». (М., 1975). Автор весьма обстоятельно рассмотрел основные книги и статьи, посвященные истории рабочего класса. В его монографии большое место уделяется анализу ленинских принципов изучения ведущего класса советского общества, методам исследования такой важной проблемы, как изменения в численности и составе советских рабочих.

Имеющиеся историографические труды дают нам возможность сконцентрировать внимание лишь на тех работах, которые имеют самое прямое отношение к теме настоящего исследования.

Одним из первых приступил к рассмотрению изменений в рабочем классе Советской России С. Г. Струмилин [45]. В статье «Состав пролетариата Советской России в 1917—1919 гг.» автор широко использовал материалы промышленной и профессиональной переписи 1919 г., анкеты обследования рабочих, проводившегося Народным комиссариатом труда, данные единовременного учета рабочих на начало 1919 г. В статье были

[44] *В. М. Селунская.* Разработка некоторых вопросов классовой структуры советского общества в новейшей историографии. — «История СССР», 1971, № 6; *Л. М. Зак, В. С. Лельчук, В. И. Погудин.* Строительство социализма в СССР. Историографический очерк. М., 1971; *В. С. Лельчук.* Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М., 1975 и др.

[45] «Два года диктатуры пролетариата в 1917—1919 гг.». Сб. М., 1919.

приведены сведения о профессиональной структуре рабочего класса, об изменениях в его половом и возрастном составе, о численности новых пополнений.

Важные материалы о рабочем классе публиковались в первые годы Советской власти в журналах «Статистика труда», «Вестник труда» и др. В 1919 г. появилась статья С. Колокольцева «Изменения в рабочей армии Петрограда» [46]. На основе анализа данных статистического отдела Петроградского областного Комиссариата труда автор пришел к выводу о том, что до середины 1918 г. шло сокращение численности рабочих. С осени этого года начался обратный процесс — рост рядов рабочего класса.

В 1920 г. была опубликована брошюра руководителя отдела рынка труда Народного комиссариата труда А. М. Аникста, который одним из первых в нашей литературе подверг детальному анализу новые пополнения рабочих, пришедшие в промышленность перед первой мировой войной. Он отметил появление слоев «полурабочих», указывал, из каких элементов они складывались. «Рабочая масса, — писал А. Аникст, — увеличилась женщинами и подростками, вынужденными пойти на фабрику ввиду мобилизации кормильца семьи. Все эти элементы образовывали кадры так называемых «военных» рабочих, получернорабочих, наполовину обученных» [47].

В том же году в журнале «Вестник труда» была опубликована еще одна работа А. М. Аникста — «Вопрос о рабочей силе в 1920 г.». Она привлекает внимание прежде всего постановкой вопроса о состоянии рабочего класса к началу гражданской войны, об источниках пополнения рядов рабочего класса, о распределении рабочих по различным профессиональным группам.

В начале 20-х годов А. Г. Рашин, широко используя данные заводской статистики, результаты демографической и профессиональной переписей, попытался дать обобщенное представление о количественных и качест-

[46] «Статистика труда», 1919, № 1—4.

[47] *А. Аникст.* Организация распределения рабочей силы. М., 1920, стр. 51.

венных изменениях в составе рабочего класса Советской России за все годы гражданской войны [48].

Период социалистической реконструкции народного хозяйства ознаменовался резким усилением внимания к изучению социального облика советского рабочего класса.

Среди работ, вышедших в первые годы индустриализации, следует отметить статью П. Беренделина «О новых слоях рабочего класса» (1927 г.). В ней подчеркивалась чрезвычайная важность этого вопроса. По мнению автора, успех руководства рабочим классом со стороны партии зависел от того, насколько быстро удастся перевоспитать его новые слои в социалистическом духе. От этого же зависел и успех борьбы партии против оппозиционных группировок, поскольку оппозиционная идеология в основных вопросах строительства социализма в значительной мере отражала «идеологию отсталой части, преимущественно новых рабочих» [49].

В соответствии с источниками пополнения П. Беренделин различал в составе новых рабочих четыре категории: бывших крестьян, выходцев из мещанского сословия и интеллигентского разночинства города, детей рабочих и старых рабочих, вернувшихся на производство за последние два-три года. В ходе социалистического воспитания новых пополнений необходимо было учитывать особенности каждой из этих категорий.

Автор попытался на примере ряда ленинградских предприятий установить объем массы новых пополнений. К «новым» при этом он отнес рабочих, которые пришли на производство за последние три-четыре года [50].

Определенный интерес представляет также статья М. Брудного «Наши разногласия и неоднородность пролетариата» (1927 г.). В ней идет речь о социальной структуре рабочего класса, сделана попытка установить место новых пополнений в этой структуре и показать их отличие от других основных слоев.

---

[48] *А. Г. Рашин.* Динамика рабочего класса в промышленности за 1913—1922 гг. — «Динамика рабочего класса в промышленности за 1913—1922 гг. и вопросы заработной платы». М., 1923.

[49] *П. Беренделин.* О новых слоях рабочего класса. — «Под знаменем коммунизма», 1927, № 2, стр. 72.

[50] Там же, стр. 70—72.

По мнению М. Брудного, вопросы социальной структуры рабочего класса имели в то время особую важность потому, что одной из причин существования оппозиции являлась неоднородность пролетариата. Практическую цель изучения социального состава рабочих автор видел в том, чтобы овладеть «самим механизмом дифференциации» и посредством правильной экономической политики в области труда и использования всех идеологических ресурсов общества «сплотить всех пролетариев в «класс для себя» и вырастить политическое единство всех групп рабочего класса» [51].

Неоднородность пролетариата при капитализме и в переходный период к социализму, по М. Брудному, возникает из-за того, что в процессе расширенного воспроизводства рабочего класса в его ряды постоянно приходят все новые пролетаризирующиеся массы, которые «целиком или почти целиком находятся в плену старых идеологических наслоений». Реально экономически потерянная собственность еще продолжает «существовать» в голове бывших собственников, а мелкособственническая оценка общественных явлений применяется ими в пролетарской обстановке. «Этот факт уже достаточен, — считал автор, — для того, чтобы констатировать постоянную основу дифференцирования рабочего класса» [52].

В конце 20-х годов вышло несколько работ, касающихся не только проблем рабочего класса в целом [53], но и таких, в которых рассматривались отдельные его отряды. В. Никольский и Н. Семенов посвятили свои исследования фабричным рабочим, проживающим в деревнях, П. Г. Москатов написал статью о сезонных рабочих [54]. Эти работы имели вполне определенную практическую направленность, в них содержались рекомен-

---

[51] *М. Брудный.* Наши разногласия и неоднородность пролетариата. — «Большевик», 1927, № 19—20, стр. 61.

[52] Там же, стр. 50.

[53] *В. Шмидт.* Положение рабочего класса в СССР. М.—Л., 1928; *Д. Мануильский.* Классы, государство, партия в период пролетарской диктатуры. М.—Л., 1928; *К. Я. Розенталь.* Экономический строй и классы в СССР. М., 1929.

[54] *В. Никольский.* К вопросу о рабочих, живущих в деревнях. — «Большевик», 1927, № 4; *Н. Семенов.* Лицо фабричных рабочих, проживающих в деревнях. М., 1929; *П. Москатов.* Заметки о работе с сезонниками. — «Большевик», 1928, № 6.

дации по воспитательной работе среди указанных отрядов рабочих. Поэтому исследователи обращали большое внимание на особенности психологии изучаемых слоев рабочего класса.

Современники начального периода индустриализации пытались уяснить и отразить наиболее характерные черты и сложность процесса воспитания человека новой социалистической формации. В частности, говорилось о необходимости показывать становление социалистического сознания через борьбу нового со старым. Верно отмечалось, что новое, революционное не побеждает повсеместно и сразу. Завоевав прочные позиции в одной или нескольких сферах жизни, оно некоторое время сосуществует вместе со старым, привычным в других. Например, черты новой психологии, отличающие людей в обстановке производства и утвердившиеся в сфере политического сознания, нередко уживаются со старыми привычками в быту, семейных отношениях и пр.[55]

В 1929 г. в Баку вышла брошюра С. Гутина и Г. Барутчева «Материалы о новых кадрах рабочих бакинской промышленности». Выводы авторов основывались главным образом на данных специального обследования ряда предприятий. Новыми при этом условно назывались «рабочие, поступившие за последние три года на одно из обследованных предприятий и имевшие до того не более чем трехлетний производственный стаж... Если стаж нового рабочего был меньше одного месяца, такой рабочий исключался из числа объектов исследования. Таким образом, минимальный стаж нового рабочего равен одному месяцу, а максимальный — 5—6 годам»[56]. Авторы не объясняют, почему для определения нового рабочего необходимо брать именно такой стаж, непонятно также, почему из числа новых рабочих исключаются рабочие со стажем до одного месяца.

Авторы подсчитали, что количество новых рабочих составляло по Азербайджану в среднем 14% от числа всех занятых в промышленности, транспорте и строительстве. Был установлен состав новых пополнений по

---

[55] *М. Рафаил.* За нового человека. Л., 1928.

[56] *С. Гутин, Г. Барутчев.* Материалы о новых кадрах рабочих бакинской промышленности. Баку, 1929, стр. 14.

полу, происхождению, грамотности, связи с землей. Однако ценность этих сведений значительно снижается из-за произвольно определенных исходных понятий исследования.

Более интересны наблюдения авторов над психологией новых рабочих и условиями ее изменения. Так, характеризуя отношения новых рабочих к производству, авторы указывали, что оно «во многом зависит от того, в какую среду попадает рабочий... Если он на предприятии с квалифицированными старыми рабочими, то сознательное отношение к производству вырабатывается у него гораздо быстрее, чем в других случаях». Когда же в составе рабочих какого-либо предприятия новых рабочих оказывается много, а прослойка кадровых рабочих среди них незначительна, то «обыкновенно интересы производства воспринимаются ими лишь спустя очень долгий промежуток времени»[57].

Большое значение для научной разработки истории рабочего класса СССР имела 1-я Всесоюзная конференция историков-марксистов, состоявшаяся в декабре 1928 — январе 1929 г. В докладе А. М. Панкратовой на этой конференции была поставлена задача конкретного изучения состава и структуры рабочего класса в дооктябрьский и послеоктябрьский период[58].

Определенный интерес с точки зрения изучения новых пополнений рабочего класса представляет обсуждавшийся на конференции доклад А. Шохина о юношеском пролетарском движении. В нем, в частности, были поставлены важные вопросы о месте рабочей молодежи в структуре класса и особенностях ее политического и социально-психологического облика.

Одна из особенностей молодежи как социальной группы, по мнению автора, состоит в том, что она «переживает определенную незакрепленность в структуре класса», экономически неустойчива. Труд молодежи носит или характер труда подсобного, или находящегося в стадии получения квалификации. Отсюда меньшая «идеологическая оформленность» и классовая выдержанность молодежи, большая подверженность влиянию

---

[57] Там же, стр. 19, 22—23, 48—51.

[58] *А. М. Панкратова.* Проблемы изучения рабочего класса в России. — «Труды первой Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. 1. М., 1930.

чуждой идеологии. Следующую особенность автор видит в том, что экономический гнет и воздействие буржуазных надстроек (школа, церковь, армия) в капиталистическом обществе молодежь чувствует острее, чем старшие поколения. В составе молодежи, как и в рабочем классе в целом, подчеркивал А. Шохин, имеются передовые и отсталые элементы [59].

А. Шохин правильно отмечал, что вливающейся в состав рабочего класса молодежи необходимо пройти школу классового воспитания. Но образование прослоек среди молодежи он слишком прямолинейно ставил в зависимость или от экономических, или от семейных и психологических факторов. Различие в темпах классового воспитания определенных отрядов рабочей молодежи (отдельных молодых рабочих) во многом зависит от того, насколько классово развиты те отряды пролетариата, в которых молодежь проходит школу воспитания, какие факторы экономического, идеологического и психологического порядка влияют на молодого рабочего помимо тех, которые воздействуют на него на производстве, и т. д.

Вскоре после конференции историков-марксистов начал выходить журнал «История пролетариата СССР». В первых номерах этого журнала были опубликованы теоретические статьи А. М. Панкратовой, П. Н. Лепешинского и Б. Л. Маркуса. Наибольший интерес в историографическом плане по теме нашего исследования представляет статья Б. Л. Маркуса [60].

В статье были сформулированы принципы, которыми следовало руководствоваться при изучении структуры любого класса. При этом автор опирался на указания, содержавшиеся в речи И. В. Сталина на VII расширенном пленуме ИККИ (ноябрь 1926 г.). И. В. Сталин указал на три основных слоя в рабочем классе, которые необходимо было учитывать коммунистическим

[59] *А. Шохин.* Закономерность в развитии юношеского пролетарского движения. — «Труды первой Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. 1.

[60] *А. М. Панкратова.* Проблема изучения истории пролетариата. — «История пролетариата СССР», 1930, № 1; *П. Н. Лепешинский.* Пролетариат и его партия в эпоху диктатуры пролетариата. — Там же, № 2; *Б. Л. Маркус.* К вопросу о методах изучения социального состава пролетариата СССР. — Там же.

партиям в интересах успешной борьбы с оппортунизмом и буржуазным влиянием на пролетариат:

«Один слой — это основная масса пролетариата, его ядро, его постоянная часть, это та масса «чистокровных» пролетариев, которая давно уже порвала связи с классом капиталистов. Этот слой пролетариата является наиболее надежной опорой марксизма.

Второй слой — это недавние выходцы из непролетарских классов, из крестьянства, из мещанских рядов, из интеллигенции. Это выходцы из других классов, недавно только влившиеся в состав пролетариата и внесшие в рабочий класс свои навыки, свои привычки, свои колебания, свои шатания. Этот слой представляет наиболее благоприятную почву для всяких анархистских, полуанархистских и «ультралевых» группировок.

Наконец, третий слой — это рабочая аристократия, верхушка рабочего класса, наиболее обеспеченная часть пролетариата с ее стремлением к компромиссам с буржуазией, с ее преобладающим настроением приспособления к сильным мира, с ее настроением «выйти в люди». Этот слой представляет наиболее благоприятную почву для откровенных реформистов и оппортунистов» [61].

В этой характеристике социальной структуры рабочего класса капиталистического общества И. В. Сталин делает упор на те особенности, которые вытекают из условий воспроизводства рабочего класса и многообразия его связей с другими слоями общества, не задаваясь целью дать подробную характеристику всех элементов структуры рабочего класса.

Социальные слои внутри рабочего класса, писал Б. Л. Маркус, необходимо выделять в соответствии с экономическими признаками, лежащими «в основе либо подчинения, сочетания, отождествления, либо наоборот — длительного противопоставления группой рабочих своих узких групповых, частных интересов интересам всего класса». В рабочем классе капиталистического общества Маркус отмечал слой «чистых» рабочих, слой «формирующихся» рабочих и слой рабочей аристократии. В составе рабочего класса переходного периода он считал возможным выделить также три слоя:

[61] *И. В. Сталин.* Соч., т. 9, стр. 10—11.

слой кадровых, «чистокровных» пролетариев, слой «формирующихся» рабочих и «численно незначительный, но по своей роли требующий серьезного внимания слой «рабочих» в кавычках, непосредственно связанный с буржуазией»[62]. На неправомерность выделения последнего слоя в составе рабочего класса переходного периода уже обращалось внимание в литературе[63]. Нельзя механически распространять представления о социальной структуре буржуазного общества на переходный период от капитализма к социализму.

Слой «формирующихся» рабочих, писал Б. Л. Маркус, — это «недавние выходцы из мелкобуржуазной среды города и деревни, сохраняющие с этой средой либо определенную экономическую связь в виде своего хотя бы мелкого сельского или кустарного хозяйства, либо поддерживающие по крайней мере бытовые и психологические связи, неизжитые при кратковременном производственном стаже». Особые группы в этом слое составляли выходцы из городской мелкой буржуазии или бедняцко-середняцких слоев крестьянства, не обладавшие длительным производственным стажем, вне зависимости от наличия у них связи с землей; рабочие, являвшиеся владельцами собственного индивидуального середняцкого хозяйства, незазисимо даже от их пролетарского происхождения; рабочие пролетарского происхождения, обладавшие даже бедняцким хозяйством или состоящие членами колхоза, но не имевшие длительного производственного стажа.

Отличительной чертой всех этих рабочих, писал Маркус, было то, что они «приносят с собой на производство узкие, мелкособственнические настроения, желание использовать фабрику на себя, свои временные интересы они противопоставляют часто интересам класса». Однако, что касается сущности происходящих в слое «формирующихся» рабочих перемен, то «ходом исторического развития этот слой все больше и больше ассимилируется с основным слоем «чистого» пролетариата. В решающих исторических боях он становится

[62] «История пролетариата СССР», 1930, № 2, стр. 32, 63—64.
[63] *О. И. Шкаратан.* Проблемы и методы изучения социального состава советского рабочего класса. — «Из истории рабочего класса СССР». Сб. Л., 1962.

по одну сторону с авангардом, с ядром пролетариата, с основной его массой»[64].

Б. Л. Маркус остановился и на характеристике процесса превращения новых рабочих в кадровых. В частности, он отметил сокращение его длительности в условиях диктатуры пролетариата, подчеркнув, что для разных отрядов «формирующихся» рабочих она будет различной. Часть из них (например, бывшие батраки, беднота) сравнительно ближе, а часть дальше от слоя «чистых» пролетариев, и «соответственно этому первая поддается гораздо более быстрой переделке и полному перевоспитанию». В сокращении срока перевоспитания новых рабочих Б. Л. Маркус видел залог того, что слой кадровых рабочих «не растворится, не разводнится, не потеряет своей ведущей роли даже в условиях быстрого численного роста пролетариата в целом».

Усилия по превращению новых рабочих в кадровых, по мнению автора, необходимо сосредоточивать на двух направлениях, воздействуя как на сознание, так и на материальную основу сознания — экономическое положение людей.

Как видим, статья Б. Л. Маркуса содержит ряд важных положений. Однако нам представляется ошибочным один из основных принципов, в соответствии с которым предлагается рассматривать структуру любого класса. «Когда речь идет об изучении социальной структуры одного какого-либо класса,—писал он,— под этим подразумевается такое рассмотрение его различных, экономически различающихся друг от друга слоев, которое позволило бы уловить: а) основную массу данного класса, б) те слои, которые проникают в его среду из других классов, и в) наконец, те слои, которые выделяются из его среды (отходы к другим классам, деклассирование)»[65].

Б. Л. Маркус был прав, когда утверждал, что подход к изучению внутреннего строения любых классов должен быть идентичным. Принципы выделения основных слоев одинаковы. Однако требование выделять пограничные слои и «основную» массу в качестве глав-

[64] «История пролетариата СССР», 1930, № 2, стр. 38, 64.
[65] Там же, стр. 51—52, 64, 32.

ных слоев в любом классе не всегда осуществимо. Не случайно, провозгласив всеобщность предлагаемого метода, Б. Л. Маркус показывает его практическое применение лишь в отношении к рабочему классу, условия воспроизводства которого в тот период действительно позволяли видеть в его составе игравшие большую роль «выделяющиеся» и «проникающие» слои.

В схеме Б. Л. Маркуса, по нашему мнению, абсолютизирован один из подходов к изучению социальной структуры общества, когда выделяемые элементы класса получают свое обоснование лишь в особенностях их воспроизводства. Образование наряду с «собственно классом» также и пограничных слоев можно констатировать лишь в тех случаях, когда какой-либо класс в процессе своего воспроизводства пополняется за счет других и формирует другие, отличающиеся от него социальные группы. Чем ярче выражены эти процессы, тем больший отпечаток накладывают они на облик того или иного класса. Исходя из этого можно понять большой интерес исследователей к пограничным слоям, например, к слою полурабочих-полукрестьян, к слою рабочей аристократии в составе пролетариата в период капитализма, поскольку их наличие определяет особенности классовой борьбы рабочего класса. Слой «формирующихся» рабочих был довольно значителен и на отдельных этапах переходного от капитализма к социализму периода в нашей стране. Естественно повышенное внимание к этому слою в те годы. Но существенное изменение условий воспроизводства рабочего класса и изменение социальной структуры общества в целом показало ограниченность метода изучения социальной структуры, предложенного Б. Л. Маркусом.

В составе рабочего класса переходного периода Б. Л. Маркус различал «чистокровный пролетариат», «формирующихся рабочих с определенными чертами их мелкобуржуазного прошлого» и выходцев из эксплуататорской среды. Но уже в таком наполнении схема потеряла свою первоначальную логичность, так как два последних слоя, строго говоря, проникали в среду рабочего класса из других классов и должны были в соответствии с принципами классового деления, предложенными самим Б. Л. Маркусом, относиться к одному слою «формирующихся» рабочих.

В начале 30-х годов были сделаны успехи в конкретно-историческом изучении вопроса о новых пополнениях рабочего класса. Они были связаны с разработкой материалов переписей 1918 и 1929 гг.[66], выборочных переписей 1929—1931 гг.[67], профсоюзной переписи 1932—1933 гг.[68], а также сведений профсоюзов о вступлении новых членов[69] и др. Богатейшие данные всех этих обследований позволяли судить о существенных сдвигах в рабочем классе в годы первой пятилетки, сделать первые обобщения о составе новых пополнений по полу, возрасту, уровню образования, источникам пополнения, связи с землей и т. д.

Несмотря на то что речь о новых пополнениях ведется буквально в каждой из работ, обобщающих указанные материалы, а в ряде исследований термины «новые рабочие», «новые пополнения рабочих» вынесены в заголовки, нельзя сказать, что проблема новых пополнений за 1929—1933 гг. была решена. Почти во всех работах сами понятия «новые пополнения», «новые рабочие» оставались весьма неопределенны. М. Т. Гольцман и Л. М. Коган прямо заявляли об ус-

---

[66] *Ф. Заузолков.* К характеристике социального состава рабочего класса СССР. — «Большевик», 1929, № 22; *А. Г. Рашин.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. Предварительные итоги переписи металлистов, горнорабочих и текстильщиков в 1929 г. М., 1930; *его же.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР в диаграммах и таблицах. Итоги переписи металлистов, горнорабочих и текстильщиков 1929 г. М., 1930; «Перепись рабочих и служащих 1929 года», т. I. Металлисты СССР. М., 1930; *Я. Кваша* и *Ф. Шофман.* К характеристике социального состава фабрично-заводских рабочих СССР. — «Пути индустриализации», 1930, № 1, 2; *Е. Люслих.* Влияние образования и стажа на эффективность труда. — «Плановое хозяйство», 1930, № 7—8; «Состав рабочей молодежи». М., 1931; *М. Гильберт.* К вопросу о составе промышленных рабочих в СССР в годы гражданской войны. — «История пролетариата СССР», 1934, № 3; 1935, № 1.

[67] *Б. Рейн.* Потомственные пролетарии. Л., 1930; *М. Гольцман.* Состав новых рабочих. — «Ударник», 1932, № 3—4; *М. Авдиенко.* Сдвиги в структуре пролетариата в первой пятилетке. — «Плановое хозяйство», 1932, № 6—7.

[68] *М. Т. Гольцман* и *Л. М. Коган.* Старые и новые кадры пролетариата. По данным переписи 13 профсоюзов, произведенной в 1932—1933 гг. М., 1934.

[69] *М. Гольцман.* Состав новых рабочих. — «Ударник», 1932, № 3—4; *Н. Евреинов.* Новые кадры и задачи профсоюзов. — «Вопросы профдвижения», 1933, № 5; *И. Ильин.* Лицо новых пополнений ленинградского пролетариата. — «Вопросы профдвижения», 1933, № 10.

ловности терминов «старые» и «новые кадры»[70]. Когда же авторы вынуждены были более определенно говорить о размерах новых пополнений, они обычно оперировали цифрами роста рабочего класса за последние три-четыре года. Сколько-нибудь серьезного обоснования такой подход не получил.

Сложность положения исследователей в данном вопросе понятна. Переписи не давали прямых критериев для разграничения новых и старых рабочих. Решить этот вопрос можно было, лишь указав всесторонне обоснованные сроки перевоспитания в фабрично-заводских условиях новых рабочих. А именно в этом вопросе в то время было много неясностей, хотя все были единодушны в том, что при Советской власти этот процесс идет значительно быстрее, чем в условиях капитализма.

Прямые указания на размеры новых пополнений, не прошедших еще школы крупного производства, были довольно редки и носили приблизительный характер. Вот один из примеров. «На наших предприятиях и сейчас еще, — писал Ж. Меерзон в 1931 г., — находится в среднем от 1 до 2% затесавшихся чуждых, классово враждебных элементов. Довольно значительны слои недостаточно устойчивых, не переварившихся еще в фабричном котле, тесно связанных нередко с мелкобуржуазным хозяйством. Их считают в среднем около $^1/_4$ состава рабочей массы»[71].

Процесс перевоспитания новых пополнений рабочего класса освещался в ряде работ. Одни из них носили популярный характер[72], в других этот процесс находил более глубокое освещение. Я. Лейбман и Б. Маркус, в частности, сделали попытку показать многообразие факторов, ускорявших процесс «переваривания» в начале 30-х годов по сравнению с предшествующим временем[73].

Одним из таких факторов являлось социалистическое соревнование. После 1929 г. быстро росло число

[70] *М. Т. Гольцман и Л. М. Коган.* Старые и новые кадры пролетариата, стр. 5.

[71] *Ж. Меерзон.* В борьбе за промфинплан 1931 г. — «Партийное строительство», 1931, № 1, стр. 24.

[72] *Л. Ган.* В заводском котле. Л., 1930.

[73] *Я. Лейбман, Б. Маркус.* Борьба за повышение производительности труда. — «Большевик», 1932, № 3.

работ, посвященных этой тематике. Первыми выступили журналисты, которые освещали отдельные стороны трудовой деятельности фабрично-заводских коллективов[74], затем появились работы исследовательского характера[75].

Обращает на себя внимание статья М. М. Розенталя «О социалистических формах труда». В ней приведены довольно полные данные о составе строителей Днепрогэса в 1931 г. и отмечены особенности воспитания рабочих на стройке.

Сведения о составе, писал автор, целиком подтверждают положение о том, что «рабочие (особенно в связи с ростом нашего строительства и втягиванием в промышленность все новых и новых слоев населения) не представляют собой некоего сплошного однородного массива, с одинаковой психологией, одинаковыми навыками труда, с одинаковым пониманием своих обязанностей и т. д. Поэтому, когда речь идет о переделке психологии рабочих, о социалистическом воспитании, ни в коем случае нельзя забывать сложности этого процесса». Новые формы труда, новая товарищеская дисциплина рождаются и растут «только из борьбы различных противоположных тенденций, различных психологий, привычек и навыков при ведущей роли главной, решающей тенденции — формирования социалистического труда на базе социалистических отношений»[76].

В этой статье верно отмечены основные черты процесса формирования новой психологии в области отношений рабочих к труду и правильно выделяются три слоя рабочих (передовики, средний, низший). Характерно, что новые рабочие не составляют особого отсталого слоя в рабочей среде; автор подчеркивает, что наряду с новыми ко второму и к третьему слою относится также незначительная часть старых рабочих, которые, образно говоря, закоснели в отсталости.

[74] *Е. Микулина.* Соревнование масс. М.—Л., 1929; *М. Досов.* Трехгорка на ситцевом фронте. М.—Л., 1929; *К. Булыжник.* Ударные бригады на работе. М.—Л., 1930.

[75] *М. Шульман.* Наши достижения на фронте социалистического соревнования. М.—Л., 1930; «Социалистическое соревнование в промышленности СССР». Сб. статей под ред. Я. М. Бинемана. М., 1930; *А. Стоклицкий.* Поступью миллионов. М.—Л., 1931.

[76] *М. Розенталь.* О социалистических формах труда. — «Под знаменем марксизма», 1931, № 9—10, стр. 220, 223.

Процесс превращения новых рабочих в кадровых рассматривался также в исследованиях, посвященных анализу текучести рабочей силы и состояния трудовой дисциплины. В этих работах вскрывалась связь негативных явлений с отсталыми слоями новых пополнений рабочих, содержались практические рекомендации по ускорению их перевоспитания [77].

С середины второй пятилетки внимание к изменениям в составе рабочего класса, а вместе с этим и к проблеме новых пополнений начало постепенно ослабевать. Объективной основой такого явления было значительное снижение темпов количественного прироста рабочего класса за счет непролетарских элементов и ослабление их отрицательного воздействия на весь рабочий класс. Наиболее трудное время в освоении рабочим классом большого числа новых пополнений было позади. Рабочий класс добился больших успехов на пути укрепления социального единства своих рядов.

В этот период на первое место по своей значимости стали выдвигаться проблемы, связанные с освоением построенных предприятий, с повышением культурно-технического уровня широких масс рабочих, в том числе и влившихся в ряды рабочего класса в годы первой пятилетки [78]. Заметен рост числа исследований, посвященных трудовой деятельности рабочих, их борьбе за повышение производительности труда, возникновению и развитию социалистического соревнования и его высшему в тот период этапу — стахановскому движению. Среди них наиболее крупной явилась работа М. З. Эскина, выдержавшая два издания [79].

[77] *М. Вовси* и *Р. Шостак*. К вопросу о текучести рабочей силы в промышленности (по материалам одного обследования). — «Пути индустриализации», 1930, № 14; *Ф. Ракино*. Постановка работы с новыми слоями рабочих. — «Партийное строительство», 1931, № 13; *Вл. Черный*. О задачах профсоюзного актива по преодолению пережитков капитализма. — «Ударник», 1932, № 7—8; *Д. П. Вавилов*. Текучесть рабочей силы и меры борьбы с нею. — «Ударник», 1932, № 13; «О борьбе с прогулами». — «Большевик», 1932, № 21 (передовая); «Текучесть рабочей силы и задачи профорганизаций». — «Вопросы профдвижения», 1933, № 1—2; *В. Никольский* и *И. Ванштейн*. Работа с отсталыми группами рабочих. — «Вопросы профдвижения», 1933, № 9.

[78] *Ив. Кузьминов*. Освоение новых заводов и новой техники и проблема кадров. — «Проблемы экономики», 1935, № 5; и др.

[79] *М. З. Эскин*. Основные пути развития социалистических форм труда. Изд. 1. М., 1935; Изд. 2. Л., 1936.

Основная политическая задача второй пятилетки, сформулированная на XVII партийной конференции как «полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества» [80], ориентировала исследователей прежде всего на анализ изменений, происшедших в переходный период в положении каждого из трудящихся классов советского общества и взаимоотношений между классами.

Этим проблемам были посвящены, в частности, философские и социологические работы М. Корнеева, Т. Ищенко, И. Варейкиса, П. Юдина, М. Рубинштейна, П. Олешинского, А. Стецкого [81]. В самой общей форме в них находил дальнейшее развитие и вопрос об условиях превращения новых рабочих в кадровых.

Следует отметить статью А. Цукерника (1935 г.), трактующего проблемы рабочего класса в конкретно-историческом плане. Задавшись целью «установить влияние моментов, характеризующих субъект труда (возраст, стаж, образование, участие в новых формах труда и т. д.) на производительность труда горнорабочих», автор пришел к интересным выводам. Он установил, в частности, «что, чем выше по отдельным группам обследованных горняков было их участие в соцсоревновании, тем выше была производительность труда как участвовавших в нем, так и каждой группы в

[80] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8 (далее — «КПСС в резолюциях...»), т. 5, стр. 36.

[81] *Т. Ищенко*. Критика бухаринской теории классов и классовой борьбы и вопрос о классах в СССР. — «Под знаменем марксизма», 1931, № 4—5, стр. 74; *М. Корнеев*. Вторая пятилетка и уничтожение классов. — «Под знаменем марксизма», 1932, № 1—2; *П. Олешинский*. Диктатура пролетариата меняет лицо рабочего класса. — «Под знаменем марксизма», 1935, № 1, стр. 29; *И. Варейкис*. Социализм и самодеятельность масс. — «Большевик», 1935, № 17; *М. Рубинштейн*. Люди советской страны. — «Большевик», 1935, № 20; *М. Корнеев*. О ликвидации классов в СССР. — «Большевик», 1936, № 9; *А. Стецкий*. О ликвидации классов в СССР. — «Большевик», 1936, № 11; *П. Юдин*. Об уничтожении эксплуататорских классов в СССР. — «Большевик», 1937, № 22; и др.

целом»[82]. Аналогичным оказался и характер связи между величиной партийной прослойки и производительностью труда рабочего коллектива. В выводах А. Цукерника тезис об ускорении процесса перевоспитания отсталых слоев новых рабочих находил свое конкретное подтверждение.

И. И. Кузьминов высказал важное суждение о сроках превращения новых рабочих в кадровых. «За 3—4 года, — писал он, — мы успешно разрешили как первую часть задачи — мобилизацию миллионных масс новых рабочих, так и труднейшую часть — перевоспитание их в духе социалистического труда, превращение их в сознательных и квалифицированных работников социалистической промышленности»[83]. Однако развернутого обоснования это положение в статье не получило.

Е. С. Варга обратил внимание еще на один аспект изучения проблемы новых пополнений. Одну из причин отставания производительности труда советских рабочих от выработки рабочих капиталистических стран в 1937 г. он видел в большом числе недавних крестьян, пришедших в промышленность в годы первой пятилетки и не успевших еще приобрести достаточную квалификацию[84].

В конце 1937 г. вышел небольшой сборник «Рабочий класс СССР», составленный из напечатанных в центральных газетах статей М. И. Калинина, Н. М. Шверника, А. Петрова, М. Матвеева и ряда рассказов рабочих. В них показывались отличия советского рабочего класса от пролетариата капиталистической России. В интересной заметке, которую написал для этого сборника рабочий И. Манида, говорилось о новых отношениях между людьми, сложившихся на заводах, и благотворном влиянии этих отношений на вновь приходящих в производство рабочих[85].

После окончания переходного периода возникла возможность изучения истории рабочего класса (в том числе и проблемы новых пополнений) в целом за весь период. Первыми обобщающими работами такого рода были историко-экономическое исследование Б. Л. Маркуса «Труд в социалистическом обществе» (М., 1939 г.) и монография И. И. Кузьминова «Стахановское движение — высший этап социалистического соревнования» (М., 1940 г.).

Книга И. И. Кузьминова хронологически как бы продолжала работы М. З. Эскина. В ней дан краткий очерк истории социалистического соревнования от первых коммунистических субботников до начала движения новаторов и весьма обстоятельно показано его развитие во второй и начале третьей пятилеток, что было очень важно для характеристики условий процесса превращения новых рабочих в кадровых. Но, как уже неоднократно отмечалось в историографических обзорах, и в книгах М. З. Эскина и в монографии И. И. Кузьминова была недостаточно раскрыта роль Коммунистической партии как организатора и вдохновителя массового соревнования и ее борьба за воспитание нового коммунистического отношения к труду[86], а стало быть, недостаточно раскрыта и роль партии в процессе воспитания новых пополнений рабочего класса.

Значительно большее значение для дальнейшего изучения проблемы новых пополнений имела монография Б. Л. Маркуса. В ней были затронуты многие вопросы темы.

Б. Л. Маркус писал, в частности, что при определении численности вновь поступающих в народное хозяйство рабочих за какой-либо период необходимо принимать во внимание замену выбывших по разным причинам из числа занятых за это же время, т. е. учитывать смертность, инвалидность, уход на пенсию, на учебу, возврат в деревню, в домашнее хозяйство и т. д. Из материалов книги видно, насколько важен такой подход к определению численности новых пополнений.

Так, по расчетам Б. Л. Маркуса, для того чтобы в период 1926—1929 гг. достигнуть прироста рабочих и

[82] *А. Цукерник.* Рабочие кадры и производительность труда в угольной промышленности Донбасса. — «Проблемы экономики», 1935, № 5, стр. 133, 136.

[83] *И. Кузьминов.* Освоение новых заводов и новой техники и проблема кадров. — «Проблемы экономики», 1935, № 5, стр. 36.

[84] *Е. Варга.* Производительные силы капитализма и социализма за 20 лет. — «Большевик», 1937, № 16, стр. 56.

[85] *И. Манида.* Новое среди рабочих. — «Рабочий класс СССР». М., 1937, стр. 45—46.

[86] См., например: *Р. П. Дадыкин.* Рабочий класс СССР в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (некоторые итоги изучения проблемы). — «Вопросы историографии рабочего класса СССР». М., 1970, стр. 181.

служащих на 3,7 млн. человек, необходимо было привлечь 5—5,5 млн. человек. За годы второй пятилетки контингенты рабочих и служащих в государственных предприятиях и учреждениях увеличились на 4 млн. Для достижения такого прироста было вовлечено 8—9 млн. новых рабочих и служащих[87]. В других своих работах Б. Л. Маркус приводил данные о размерах новых пополнений за первые две пятилетки[88].

В работах философов Ф. В. Константинова, С. Пичугина и других, вышедших в предвоенные годы и посвященных вопросам коммунистического воспитания, показывались основные черты процесса изменения сознания новых пополнений рабочего класса[89]. Г. Ф. Александров и Г. С. Васецкий сущность этого процесса сформулировали таким образом: «В ходе развития социалистической промышленности в ряды рабочего класса вливались миллионы бывших крестьян, кустарей. Все эти новые отряды рабочего класса в крупном социалистическом промышленном производстве перевоспитывались в коммунистическом духе, очищали свое сознание от многих пережитков капитализма, становились сознательными, активными строителями социализма»[90].

Великая Отечественная война на время приостановила интенсивную разработку истории рабочего класса.

После разгрома фашистской Германии история рабочего класса вновь стала одной из центральных тем исследования. В первые послевоенные годы вышел ряд популярных работ о советском рабочем классе[91].

---

[87] *Б. Л. Маркус.* Труд в социалистическом обществе. М., 1939, стр. 148, 212.

[88] *Его же.* Социалистическое воспроизводство рабочей силы и ее использование. — «Проблемы экономики», 1940, № 3, *его же.* Неисчерпаемые резервы повышения производительности труда. — «Производительность труда в промышленности СССР». Сб. М.—Л., 1940.

[89] *С. Пичугин.* О решающем значении коммунистического воспитания трудящихся. — «Под знаменем марксизма», 1939, № 4; *Г. Александров, Г. Васецкий.* О преодолении пережитков капитализма в сознании людей — строителей коммунизма. — «Большевик», 1939, № 4; *Ф. Константинов.* Ленин о коммунистическом воспитании трудящихся. — «Большевик», 1940, № 7; и др.

[90] «Большевик», 1939, № 4, стр. 23.

[91] *П. М. Цветков.* Рабочий класс СССР. М., 1946; *П. Г. Москатов.* Героический рабочий класс нашей родины. М., 1946; *П. Москатов, И. Баранов.* Славный путь рабочего класса нашей Родины. М., 1952.

В исторических трудах были продолжены две основные линии исследования, сложившиеся в предвоенные годы: изучение рабочего класса как объекта (численность, состав, материальное положение, культурно-технический уровень и т. д.) и как субъекта истории (трудовая и политическая деятельность, руководящая роль в обществе и т. д.).

В первой половине 50-х годов вышли из печати работы П. М. Богачева о численности и изменениях в составе рабочего класса в годы первой пятилетки[92]. Историки приступили к систематическому изучению состава рабочего класса периода второй пятилетки[93]. Г. Н. Евстафьев, А. П. Финаров, Р. П. Дадыкин, С. Р. Гершберг и другие посвятили свои исследования творческой активности рабочих масс в годы реконструктивного периода[94].

Со второй половины 50-х годов начался новый этап в освещении истории рабочего класса, резко возросли число и проблематика исторических исследований. Новейший историографический этап характеризуется появлением сводных трудов по истории рабочего класса, углубленным анализом региональных отрядов рабочих, сочетанием всестороннего изучения рабочего класса как объекта и субъекта исторического процесса.

В 1970 г. была опубликована книга Л. С. Гапоненко «Рабочий класс России в 1917 г.», обобщающая достижения в изучении решающей роли рабочего класса в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. В монографии дается всесторонняя характеристика российского пролетариата в 1917 г., его численности, профессионально-квалификационного и от-

---

[92] *П. М. Богачев.* Рост рабочего класса СССР в годы первой пятилетки. — «Вопросы истории», 1953, № 8; *его же.* Изменения в рабочем классе СССР за годы первой пятилетки. — «Ученые записки Академии общественных наук при ЦК КПСС». Вып. 18. М., 1954.

[93] *А. Т. Зелин.* Изменения в рабочем классе СССР в период второй пятилетки (1933—1937). Диссертация. М., 1953.

[94] *Г. Н. Евстафьев.* Социалистическое соревнование — закономерность и движущая сила экономического развития советского общества. М., 1952; *А. П. Финаров.* Социалистическое соревнование на предприятиях в начале первой пятилетки. — «Вопросы истории», 1953, № 6; *Р. П. Дадыкин.* Начало массового социалистического соревнования в промышленности СССР. М., 1954; *С. Р. Гершберг.* Руководство Коммунистической партии движением новаторов в промышленности (1935—1941). М., 1956; и др.

раслевого состава, степени организованности и политической активности. Л. С. Гапоненко мобилизовал большой статистический материал, который позволяет использовать его исследование в качестве исходного пункта для анализа последующего роста советского рабочего класса.

Истории рабочего класса в первые годы Советской власти посвящены монографии Д. А. Баевского, Е. Г. Гимпельсона, Г. А. Трукана[95]. Если Д. А. Баевский и Г. А. Трукан в основном сосредоточили свое внимание на анализе государственной и трудовой деятельности рабочих, то Е. Г. Гимпельсон главный акцент сделал на исследовании численности и состава рабочего класса в годы гражданской войны.

Развитие рабочего класса СССР в годы восстановления народного хозяйства с наибольшей полнотой показано в монографии А. А. Матюгина[96]. Автор этой весьма содержательной книги раскрыл процесс консолидации рядов рабочего класса в 1921—1925 гг.

Л. С. Рогачевская подвергла комплексному изучению историю рабочего класса на одном из важных этапов развития советского общества — начальном периоде социалистической индустриализации[97].

В 1975 г. появилась обобщающая работа по истории советского рабочего класса — коллективная монография «Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк (1917—1973)», в которой в научно-популярной форме излагаются все основные факты развития советского рабочего класса. Эта книга отражает современный уровень историографии рабочего класса.

Большое место в современной историографии заняли труды, в которых раскрываются социальная политика Советской власти в первые послереволюционные годы, изменения в численности и составе рабочих в период гражданской войны. М. И. Зимина проанализировала формы и методы распределения рабочей силы в годы гражданской войны[98]. Проблемы роста рабочего класса в 1918—1920 гг. освещаются также в исследованиях локального характера о рабочих определенных районов. Это монографии Л. Б. Генкина о ярославских рабочих, Е. М. Скляренко о рабочем классе Украины, Г. С. Куцего о рабочих Дальнего Востока, Ю. С. Кулышева и В. И. Носача, О. И. Шкаратана о питерских рабочих[99]. В эти же годы появляются работы, в которых источники и формы пополнения рядов рабочего класса стали предметом специального исследования[100].

Среди них следует особо отметить монографию А. М. Панфиловой, в которой достаточно полно проанализированы формы пополнения рабочего класса в годы

---

[95] *Д. А. Баевский.* Рабочий класс в первые годы Советской власти. 1917—1921 гг. М., 1974; *Е. Г. Гимпельсон.* Советский рабочий класс. 1918—1920 гг. Социально-политические изменения. М., 1974; *Г. А. Трукан.* Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975.

[96] *А. А. Матюгин.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). М., 1962.

[97] *Л. С. Рогачевская.* Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации (1926—1927). М., 1961.

[98] *М. И. Зимина.* Политика Советского государства в области труда в промышленности в годы гражданской войны и иностранной интервенции. — «Ученые записки» (Кировский гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина). Вып. XIX. Киров, 1965.

[99] *О. И. Шкаратан.* О составе фабрично-заводских рабочих г. Петрограда в годы революции и гражданской войны (1917—1920 гг.). — «Ученые записки» (Ленинградский городской пед. ин-т им. А. И. Герцена), т. 150. Вып. 1, 1957; *Л. Б. Генкин.* Ярославские рабочие в годы гражданской войны. Ярославль, 1958; *Е. М. Скляренко.* Рабочий класс Украины в годы гражданской войны 1918—1920. Киев, 1966; *Г. С. Куцый.* Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервентов и внутренней контрреволюции (1918—1920 гг.). Владивосток, 1967; *Ю. С. Кулышев, В. И. Носач.* Партийная организация и рабочие Петрограда в годы гражданской войны (1918—1920). Л., 1971.

[100] *Б. М. Смехов.* Рост и изменение состава рабочего класса СССР. — «Вопросы труда в СССР». М., 1958; *А. П. Финаров.* О составе фабрично-заводских рабочих СССР к началу реконструктивного периода. — «Труды Сибирского лесотехнического ин-та». Сб. 28. Красноярск, 1958; *А. Г. Рашин.* О численности и составе рабочего класса СССР в 1928—1955 гг. — «Из истории рабочего класса и революционного движения». Сб. статей. М., 1958; *его же.* Динамика промышленных кадров СССР за 1917—1958 гг. — «Изменения в численности и составе советского рабочего класса». Сб. статей. М., 1961; *М. Т. Гольцман.* Состав строительных рабочих СССР в годы первой пятилетки (По материалам профсоюзных переписей 1929 и 1932 гг.). — «Изменения в численности и составе советского рабочего класса». Сб. статей; *Л. Е. Анкундинова.* Изменения в составе рабочего класса в период построения социализма (1917—1937). — «Из истории рабочего класса СССР». Сб. Л., 1962; *В. С. Лельчук.* О некоторых сдвигах в рядах рабочих химической промышленности СССР (1917—1937 гг.). — «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961)». Сб. статей. М., 1964.

первой пятилетки[101], а также статью В. Н. Елисеевой о способах привлечения рабочей силы в промышленность и строительство в период социалистической индустриализации. Однако в этой содержащей интересный фактический материал статье нет четкого различия источников, форм и методов привлечения новой рабочей силы[102]. Ю. В. Арутюнян рассмотрел вопрос о влиянии коллективизации сельского хозяйства на численность крестьянских пополнений рабочего класса[103]. Большую ценность представляет одна из глав незавершенного труда известного советского историка Р. П. Дадыкина, опубликованная после его смерти[104]. Автор на основе архивных данных рассмотрел численность и источники пополнения рабочего класса СССР в 1928—1937 гг., обратил внимание на действие различных факторов, определявших изменения в численности рабочего класса, показал практику оргнабора рабочей силы для промышленности и строительства.

На современном этапе развития советской историографии интенсивно изучаются региональные отряды рабочего класса СССР. Как правило, эти исследования охватывают широкие хронологические рамки, основаны на значительном фактическом материале. В пределах РСФСР наибольшее внимание уделялось рабочему классу Ленинграда, Москвы, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Помимо ряда статей и сборников в последнее время появились монографии о рабочем классе Ленинграда, Сибири и Алтая[105]. Большой сдвиг произо-

---

[101] *А. М. Панфилова.* Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки (1928—1932). М., 1964.

[102] *В. Н. Елисеева.* О способах привлечения рабочей силы в промышленность и строительство в период социалистической индустриализации СССР (1926—1937). — «Известия Воронежского пед. ин-та», т. 63. Из истории центрально-черноземных областей. Воронеж, 1967.

[103] *Ю. В. Арутюнян.* Коллективизация сельского хозяйства и высвобождение рабочей силы для промышленности. — «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)». Сб. статей.

[104] *Р. П. Дадыкин.* О численности и источниках пополнения рабочего класса СССР (1928—1937 гг.). — «Исторические записки», т. 87. М., 1971.

[105] «Ленинградские рабочие в борьбе за социализм». Л., 1965; «История рабочих Ленинграда». В 2-х томах. 1703—1965, т. 2. 1917—1965. Л., 1972; *А. А. Твердохлеб.* Численность и состав рабочего класса Москвы в 1917—1937 гг. — «Вестник Московского ун-та». Серия «История», 1970, № 1; «Из истории рабочего класса Урала». Сб. ста-

шел и в области изучения рабочего класса национальных республик. Изданы книги по истории рабочего класса Украины, Белоруссии, Киргизии, Таджикистана, Казахстана, Туркмении, Узбекистана, Грузии[106]. Ряд монографий и сборников посвящен истории рабочего класса автономных республик, в частности Бурятии, Башкирии, Чувашии, Тувы, Марийской АССР, Коми АССР и др.[107].

В специальных разделах названных монографий и статей, посвященных изучению роста численности и состава рабочего класса, отразился один из аспектов

тей. Пермь, 1961; *А. С. Московский.* Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1968; *Г. А. Докучаев.* Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока накануне Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1966; *Р. А. Мальков.* Формирование и развитие советского рабочего класса на Алтае. Новосибирск, 1969; и др.

[106] «Развитие рабочего класса в национальных республиках». М., 1962; *А. Б. Слуцкий.* Рабочий класс Украины в борьбе за создание фундамента социалистической экономики. Киев, 1963; «История рабочего класса Украинской ССР». В 2-х томах. Киев, 1967 (на укр. яз.); *Н. Е. Завалеев.* Рабочий класс Белоруссии в период построения экономического фундамента социализма (1926—1932 гг.). Минск, 1967; «История советского рабочего класса Киргизстана». Фрунзе, 1966; *Н. Сангинов.* Формирование и развитие рабочего класса в Таджикской ССР. Душанбе, 1963; «Коммунистическая партия в борьбе за формирование и развитие советского рабочего класса в Таджикистане». Душанбе, 1967; *Ю. А. Николаев.* Формирование и рост индустриальных кадров в Таджикистане (1928—1940 гг.). Душанбе, 1974; *М. А. Алиджанов.* Рабочий класс Таджикистана в период строительства социализма (1933—1937 гг.). Душанбе, 1974; *А. Н. Нусупбеков.* Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане (1917—1940). Алма-Ата, 1966; «История рабочего класса Советского Туркменистана (1917—1965)». Ашхабад, 1969; «История рабочего класса Узбекистана», т. I—III. Ташкент, 1964—1966; «История рабочего класса советского Узбекистана». Ташкент, 1974; *М. В. Натмеладзе, Н. И. Стуруа.* Из истории рабочего класса Грузии (1921—1958). Тбилиси, 1961; «Из истории советского рабочего класса Азербайджана». Баку, 1964; и др.

[107] *Б. М. Митупов.* Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923—1937 гг.). Улан-Удэ, 1958; «Из истории рабочего класса Башкирской АССР». Сб. статей. Уфа. 1967; «Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР, ч. I. Рабочий класс Башкирии в борьбе за социализм. 1917—1950 гг.». Уфа, 1971; «Вопросы истории рабочего класса Марийской АССР». Йошкар-Ола, 1969; «Рабочий класс Чувашии в период строительства социализма и коммунизма». Чебоксары, 1972; «Промышленные рабочие Коми АССР». 1918—1970. М., 1974; *Л. В. Гребнев, В. Ч. Очур.* Рабочий класс Тувы. Кызыл, 1971; и др.

исследования новых пополнений — их размеры и состав по отдельным регионам страны.

Другой, не менее важный аспект рассматриваемой нами проблемы отражают работы, в которых исследуется политическая и трудовая активность рабочего класса, развитие социалистического соревнования [108]. В них верно подчеркивается значение атмосферы взаимопомощи, активности и соревнования, царящей на советских предприятиях, в воспитании новых пополнений рабочего класса.

Проблему новых пополнений затрагивают также исследователи, избравшие своей темой историю индустриализации СССР [109]. Показу героизма рабочих на новостройках пятилеток, борьбе за овладение техникой, социальным последствиям индустриализации уделяется в этих трудах значительное место.

Большое значение для исследования процесса превращения новых рабочих в кадровых имеет анализ социальной психологии [110]. В последнее время появились работы, в которых наряду с другими социальными изменениями, происшедшими в рабочем классе в реконструктивный период, рассматриваются изменения в социальной психологии класса и его новых пополнений [111].

Таким образом, даже краткий историографический обзор работ, в которых нашло отражение изучение новых пополнений рабочего класса, свидетельствует о том, что в этой области достигнуты значительные успехи. Хотя в подавляющем большинстве названных статей и монографий проблема новых пополнений не была предметом специального исследования, историками мобилизован огромный фактический материал, конкретизирующий особенности формирования рабочего класса на отдельных этапах довоенного периода, в отдельных районах страны и на отдельных предприятиях. Видное место занимают разделы, посвященные численности, составу, концентрации, территориальному размещению рабочего класса. Проблемы новых пополнений рабочих увязываются в этих монографиях с анализом хода экономического и политического развития страны. Естественно, что разделы эти различны как по полноте охвата вопросов, так и по подходу к их рассмотрению [112]. Наибольшее внимание при этом было сосредоточено на двух сторонах проблемы: источниках и формах пополнения рабочего класса. Однако в ряде случаев нельзя не отметить терминологическую путаницу, смешение источников пополнения и его форм.

В этом плане выгодно отличается книга экономиста М. Я. Сонина «Воспроизводство рабочей силы и баланс труда». В ней впервые было четко сформулировано: «Если при определении понятия «источник рабочей силы» следует рассматривать, кто вовлекается в производство, какие группы населения (по социально-экономическим и другим признакам), то при анализе форм

---

[108] *Н. Б. Лебедева, О. И. Шкаратан.* Очерки истории социалистического соревнования. Л., 1966; *Д. А. Баевский.* В. И. Ленин и рост творческой активности масс (1917—1932). — «Исторические записки», т. 84, 1969; «Социалистическое соревнование в промышленности СССР». М., 1973; *Ф. М. Бормотов.* Идейно-политическое воспитание рабочего класса в реконструктивный период (1928—1937). — «Ученые записки» (Горьковский пед. ин-т. Вып. 37. Горький, 1970); и др.

[109] *А. Ф. Хавин.* Краткий очерк истории индустриализации СССР. М., 1962; *В. С. Лельчук.* Создание химической промышленности СССР. Из истории социалистической индустриализации. М., 1964; *П. Г. Матушкин.* Урало-Кузбасс. Борьба Коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР. Челябинск, 1966; *А. В. Бакунин.* Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933—1937 гг.). Свердловск, 1968; *Ю. В. Воскресенский.* Переход Коммунистической партии к осуществлению политики индустриализации. М., 1969; *П. Б. Жибарев.* Индустриализация СССР — великий подвиг советского народа. М., 1969; «Ленинский план социалистической индустриализации и его осуществление». М., 1969; *Е. Д. Сафронов.* Становление советской нефтяной промышленности (Деятельность КПСС по развитию нефтяной промышленности). М., 1970; *Н. Давыдова, А. Пономарев.* Великий подвиг. Борьба московских большевиков за осуществление ленинского плана социалистической индустриализации. М., 1970; и др.

[110] Подробнее об этом см.: *А. И. Вдовин, В. З. Дробижев.* Социальная психология и некоторые вопросы истории советского общества. — «История СССР», 1971, № 5.

[111] *Ю. В. Ромин.* Ленинский план социалистической индустриализации и социальные изменения рабочего класса СССР. — «Проблемы научного коммунизма». Вып. 4. М., 1970.

[112] Следует отметить, что период с 1917 по 1928 г. в истории советского рабочего класса освещен к настоящему времени в монографической литературе наиболее полно. Значительно меньше обобщающих работ по истории рабочего класса в годы довоенных пятилеток. Это обстоятельство позволяет нам в сравнительно краткой форме, в основном опираясь на работы советских историков, раскрыть проблему роста рабочего класса в первое десятилетие Советской власти.

пополнения основным вопросом будет: «Как вовлекается рабочая сила, какими путями?» Формы пополнения «представляют собой совокупность приемов, способов привлечения людей к общественному труду» (например, биржи труда, отходничество, оргнабор, набор новых рабочих непосредственно предприятиями, общественные призывы, переселение, распределение выпускников ФЗУ и т .д.). Взаимосвязь источников и форм состоит в том, что «источники пополнения выступают в качестве содержания по отношению к организационным формам привлечения к труду» [113].

Говоря о методологических принципах исследования источников пополнений, М. Я. Сонин считал необходимым подходить к этому вопросу с двух сторон: социальной, классовой, и экономической. «Рассматриваемые с экономической стороны как проблема обеспечения рабочей силой народного хозяйства, вовлечения новых пополнений в процесс общественного производства по отраслям труда и районам страны, источники пополнения следует анализировать в качестве источников роста численности, изменения состава (по полу, возрасту, профессиональной подготовке и т. д.) работников в определенных отраслях народного хозяйства и районах страны». Социальная сторона проблемы намного шире. В этом случае вовлечение новых пополнений необходимо анализировать как процесс формирования и воспроизводства определенных социальных слоев, классов общества. Рабочий класс, например, воспроизводится не только на своей собственной основе (за счет подрастающего поколения и жен рабочих), источником его пополнения являются также крестьянство и члены семей интеллигенции. Воспроизводство интеллигенции и крестьянства также осуществляется как на своей собственной основе, так и за счет других классов и социальных групп населения страны [114].

Таким образом, при анализе пополнения рабочего класса необходимо установить структуру новых пополнений (которая в основных чертах повторяет социальную структуру населения), т. е. установить размеры отдельных отрядов новых пополнений по социальному, классовому признаку и показать, как в дальнейшем происходил процесс изменения их социального качества, как они становились не просто рабочей силой, а рабочими в широком социальном, классовом смысле.

[113] *М. Я. Сонин.* Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М., 1959, стр. 65, 67.

[114] Там же, стр. 58, 60.

Естественно, что М. Я. Сонин выдвигает в своей книге на первый план то, что он называет экономической стороной воспроизводства рабочей силы. Социальная сторона проблемы не получила достаточного освещения не только в этой книге, но и в трудах историков, там, где она, казалось бы, должна стоять на первом плане.

Как уже отмечалось, в исторических трудах проблема новых пополнений сводится в основном к установлению источников и форм пополнения рабочего класса. Процесс же превращения новых пополнений в кадровых рабочих не нашел пока своего отражения в систематизированном виде. И это характерно не только для книг и статей о рабочем классе реконструктивного периода, но и для исследований по истории рабочего класса на других этапах переходного периода [115].

Поворот в преодолении такого взгляда на проблему связан с интенсивно развивающимися поисками ученых в области исследования социальной структуры [116]. Структурный подход в изучении любого объекта обязывает выделять на основе единых признаков четко очерченные в количественном и качественном отношении его составные части. Подобный подход к составу рабочего класса предполагает выделение новых пополнений в качестве одного из элементов социальной структуры класса.

Монография О. И. Шкаратана «Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР» (М., 1970) [117] яв-

[115] См., например, *А. А. Матюгин.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925).

[116] *В. М. Селунская.* Разработка В. И. Лениным вопросов классовой структуры советского общества переходного периода. — «История СССР», 1970, № 2; *С. Л. Сенявский.* Изменения в социальной структуре советского общества. 1938—1970. М., 1973; *П. М. Цветков.* Изменение структуры рабочего класса в период построения социализма в СССР. М., 1975; и др.

[117] Рецензию на книгу О. И. Шкаратана см.: *Л. И. Сенников, Р. Ф. Филиппов.* О структуре рабочего класса. — «Философские науки», 1971, № 6.

ляется пока единственной попыткой реализации задачи ретроспективного воссоздания динамики социальной структуры рабочего класса СССР на протяжении полувека. Важное место в этой работе, которая содержит ряд спорных, а порой и ошибочных положений, занимает характеристика основных слоев рабочего класса в разные периоды отечественной истории. В качестве одного из основных в ней рассматривается слой «формирующихся» рабочих в переходный период. На основе анализа и сопоставления данных о социальном происхождении рабочих, их связи с землей и производственного стажа автор устанавливает удельный вес слоя «формирующихся» рабочих. И хотя применительно к переходному периоду это делается в основном на материалах переписей 1918 и 1929 гг. и только в отношении промышленного отряда рабочего класса, книга О. И. Шкаратана содержит ряд важных сведений и наблюдений, способствующих более углубленному изучению проблемы.

Анализ роста советского рабочего класса позволяет глубже и полнее раскрыть социальную базу и движущие силы Советского государства. Этот вопрос приобретает особую политическую остроту в связи с тем, что ряд буржуазных историков в прошлом и настоящем делали и делают все возможное для того, чтобы принизить роль советского рабочего класса.

Главная тенденция буржуазной советологии сводится к противопоставлению партии и рабочего класса, пропаганде тезиса об «угнетении» советских рабочих некоей «элитой», стоящей над народом. В наши дни грубые фальсификаторские построения заменяются некоторыми советологами более утонченными концепциями. Но суть этих концепций не меняется.

Искажение истории советского общества все больше и больше идет по линии абсолютизации, изолированного рассмотрения отдельных сторон исторического процесса, спекулятивного освещения некоторых негативных моментов исторического прошлого. Тенденциозно подобранный фактический материал призван создать видимость объективности историко-социологических построений. Но на поверку выясняется, что в основе так называемых новых концепций лежат старые политические цели и идеи. Посмотрим с этой точки зрения на современную буржуазную историографию советского рабочего класса.

Многие буржуазные и реформистские историки утверждают, что дореволюционная Россия якобы практически не имела рабочего класса в чистом виде. Российский пролетариат-де был связан с деревней, а после победы Октября его и без того малочисленные ряды резко сократились. Английский историк Р. Петебридж утверждает, будто бы «к концу гражданской войны рабочий класс, поддерживающий большевиков, распался... В начале нэпа в России не было рабочего класса, сознающего свою идентичность с тем классом, который был раньше»[118].

На факт сокращения численности рабочего класса в годы гражданской войны и разрухи указывает и И. Дейчер. Он пытается при этом протащить мысль о том, что сокращение рабочего класса было в определенной мере стимулировано партийной «бюрократией». В итоге, согласно его «концепции», «послереволюционное уменьшение рабочего класса позволило бюрократии возвести себя в ранг доминирующей социальной силы»[119]. Все эти утверждения нужны для доказательства тезиса о том, будто бы Советское государство отнюдь не являлось государством рабочих и трудящихся крестьян, а выражало якобы интересы бюрократии, оттеснившей от власти рабочий класс.

Таким образом, применительно к первым годам Советской власти проводится мысль о том, что сокращение численности рабочего класса являлось якобы не следствием разрухи, неимоверных трудностей и лишений, порожденных интервенцией и гражданской войной, а какой-то особой политикой государства и партии, преследующей цели удовлетворения чаяний «бюрократии».

Искажается и реальная картина состава рабочих Советской России после победы Октября. Из фактов связи отдельных рабочих с сельским хозяйством делается вывод об отсутствии подлинного пролетариата в стране. Так, английский советолог Д. Кларкстон безапелляционно заявляет: «Русский рабочий в большинст-

[118] *R. Pethybridge.* The Social Prelude to Stalinism. London, 1974, p. 3.

[119] *I. Deutscher.* The Unfinished Revolution. Russia 1917—1967. London-New York-Toronto, 1967, p. 49.

ве не был пролетарием, не говоря уже о том, что общее число рабочих было незначительно по сравнению с огромным числом крестьян»[120]. Полная несостоятельность подобного рода утверждений показана в соответствующих главах настоящей работы.

Особое внимание буржуазные историки уделяют рассмотрению развития рабочего класса в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. И это не случайно. Именно на это время приходится завершение строительства социализма, складывание социально-классовой структуры социалистического общества. В буржуазной историографии всячески пропагандируется тезис о падении роли рабочего класса в период индустриализации, утверждается, будто бы рабочий класс был отстранен от власти путем разводнения его рядов мелкобуржуазными элементами. Этот процесс, по мнению некоторых советологов, был специально инспирирован партией с целью помешать рабочему классу в его борьбе за власть[121].

«Только в незначительной степени новый рабочий класс был связан по своему происхождению с дореволюционным рабочим классом, — пишет известный западногерманский советолог Б. Мейсснер. — В преобладающей своей части он состоял из выходцев из деревни, выброшенных оттуда процессом коллективизации. Бежавшие из деревни кулаки, вливаясь в его состав, усиливали в нем мелкобуржуазные элементы... Он был слишком слаб, чтобы оказать сопротивление бюрократам»[122].

Подобного рода утверждения, основанные на искажении диалектики сложнейших социальных процессов, происходивших в реконструктивный период, можно встретить и в работе Е. Карра и Р. Дэвиса «Основы советской плановой экономики». Карр и Дэвис отмечают, что в конце 20-х годов кадровые пролетарии, имеющие за своими плечами огромный революционный опыт, растворялись в потоке крестьян, пришедших в город. «Новые пополнения рабочего класса, — пишут авторы, — измученные безработицей и не имеющие уже

[120] «Russian Review», October 1966, p. 407, 433.
[121] *J. Deutscher*. Op. cit., p. 47.
[122] *B. Meissner*. Der soziale Strukturwandel in bolschewistischen Russland.— «Sowjetgesellschaft in Wandel». Stuttgart, 1966, S. 85.

того классового сознания и солидарности, которые они имели в период борьбы с капитализмом, были лишены инициативы и энергии»[123]. Для убедительности они ссылаются на работы некоторых советских историков. Но эти ссылки свидетельствуют об обратном — о предвзятом прочтении трудов советских ученых. Так, в книге содержится ссылка на статью О. И. Шкаратана «Изменения в социальном составе фабрично-заводских рабочих Ленинграда 1917—1928 гг.», опубликованную в журнале «История СССР» в 1959 г. В работе Шкаратана действительно содержится вывод о том, что в годы гражданской войны наблюдались определенные элементы деклассирования пролетариата, но затем говорится, что после окончания гражданской войны, в годы восстановления народного хозяйства происходил интенсивный процесс очищения пролетариата от социально чуждых элементов. «Несмотря на большой приток новых пополнений из деревни во второй половине 20-х годов, рабочие Ленинграда, — подчеркивает О. И. Шкаратан, — сохранили свой основной кадровый костяк. Вокруг старых питерских рабочих, закаленных в революционной борьбе, сплачивался рабочий коллектив. Именно на них опиралась партия при проведении больших политических кампаний»[124].

Кроме того, в статье отмечается, что для новых рабочих второй половины 20-х годов, пришедших из деревни, «были характерны не столько черты, связанные с их мелкобуржуазным происхождением, сколько качества, порожденные советской действительностью. Выросшие в годы Советской власти, учившиеся по большей части в советской школе, это были не прежние заскорузлые в узком мирке своего хозяйства крестьяне, отправившиеся на заработки в чужой и враждебный им город. Они приходили на фабрики и заводы, конечно, с определенными крестьянскими навыками и мыслями, но их перевоспитание велось на надежной основе выкованного после революции и последующих лет социалистического рабоче-крестьянского союза»[125].

Как мы видим, обращение к конкретному источни-

[123] *E. Carr* and *R. Davies*. Foundations of a Planned Soviet Economy. London, 1972, vol. I, Part. I, p. 432.
[124] «История СССР», 1959, № 5, стр. 36.
[125] Там же.

ку, на который ссылались английские историки, отнюдь не подтверждает один из основных выводов их работы касательно социального состава рабочего класса.

Английский советолог О. Наркевич утверждает, будто бы в 30-х годах на смену «малочисленному, но относительно стабильному и обученному дореволюционному рабочему классу появился многочисленный, неграмотный, ненадежный и неустойчивый класс полурабочих-полукрестьян»[126]. Подобного рода утверждения нужны буржуазным советологам для доказательства тезиса о внутреннем перерождении Советского государства, о формировании в Советском Союзе тоталитарного режима власти, стоящей над народом.

Конкретно-историческая действительность свидетельствовала об обратном. Быстрый рост рабочего класса усиливал его позиции в советском обществе, создавал еще более широкие предпосылки и возможности для осуществления им руководящей роли. Во взаимодействии кадровых и новых рабочих, выходцев из деревни, доминирующая роль, безусловно, принадлежала кадровым пролетариям. Именно это обстоятельство определяло высокие темпы перевоспитания новых пополнений рабочего класса.

Мы коснулись пока лишь одной стороны фальсификации рассматриваемой нами проблемы. Для доказательства тезиса о падении роли рабочего класса в буржуазной литературе широко применяется и другая система «аргументов», смысл которых сводится к росту различий внутри рабочего класса, к усилению его внутренней стратификации. Злостная клевета на советский рабочий класс содержится в работе Р. Конквеста, который пишет: «В 30-е гг. возникшее стахановское движение, ударничество и социалистическое соревнование имеют одну общую черту — создают привилегированную прослойку в советском рабочем классе... Это расслоение намеренно поощряется сверху, ибо тем самым разрушается рабочая солидарность, которая могла бы представить угрозу для режима»[127]. Со стахановским движением связывает развитие неравенства в самом

[126] *O. Narkiewicz*. The Making of the Soviet State Apparatus. Manchester, 1970, p. 152.

[127] *R. Conquest*. Industrial Workers in the USSR. London, 1967, p. 84.

рабочем классе рост некоей «рабочей аристократии» И. Дейчер. «Таким образом, — пишет он, — на фабрике одни рабочие противопоставлялись другим, а отговорка о социалистическом соревновании использовалась для того, чтобы помешать формированию и выражению у рабочих какой-либо классовой солидарности»[128]. «В 30-е гг., — утверждает Б. Мейсснер, — значительную роль сыграла также дифференциация рабочего класса. В эти годы все больше увеличивается разрыв между минимальной и максимальной заработной платой. Выдвижение лучших рабочих образовало рабочую аристократию, развитие узкой специализации способствовало ослаблению классового сознания»[129].

Аналогичные утверждения содержатся и в статье М. Дьюара. Он считает, что «введение стахановской системы» якобы привело к созданию «очень высокооплачиваемой и привилегированной страты, которая в марксистской терминологии действительно могла быть названа рабочей аристократией»[130]. Е. Карр и Р. Дэвис в качестве одного из аргументов для доказательства положения об отсутствии социальной сплоченности советского рабочего класса приводят факт дифференциации в оплате труда. «Большая разница в оплате, — пишут авторы, — препятствовала какой-либо реализации сплоченности и солидарности рабочих»[131]. Все это, если верить авторам, порождало «нездоровую» обстановку в рабочем классе. Утверждение о том, что рабочий класс не был якобы социально-единым классом, нужно буржуазным историкам для доказательства в конечном итоге тезиса об отсутствии руководящей роли рабочего класса в жизни советского общества.

Рассмотрение распространенных в буржуазной историографии концепций по проблемам роста советского рабочего класса в переходный период свидетельствует о том, что этот вопрос до сих пор является полем острой идеологической борьбы. Обязанность марксистов — противопоставить буржуазным концепциям глубокий

[128] *I. Deutscher*. Op. cit., p. 48.

[129] *B. Meissner*. Der soziale Strukturwandel in bolschewistischen Russland. — «Sowjetgesellschaft in Wandel». Stuttgart, 1968, S. 85.

[130] «Marxism. Communism and Western Society». New York, 1973, vol. V, p. 380.

[131] *E. Carr* and *R. Davies*. Op. cit, vol. 1, Part. I, p. 458.

анализ многообразных источников, характеризующих реальное развитие рабочего класса.

Заканчивая краткий обзор литературы о росте рабочего класса в довоенные годы, следует выделить наиболее важные вопросы, поставленные советскими исследователями. Это прежде всего место новых пополнений в структуре рабочего класса, их размеры, состав и психология, роль новых рабочих и их влияние на весь рабочий класс, процесс превращения новых рабочих в кадровых, факторы, ускоряющие этот процесс в условиях реконструктивного периода, роль партийных, профсоюзных и комсомольских организаций в политическом и трудовом воспитании новых пополнений рабочего класса.

Наиболее разработанными в методологическом плане являются такие стороны проблемы, как источники и формы пополнения рабочего класса. Они же получили наибольшее конкретно-историческое освещение. Наименее разработана и нуждается в первую очередь в теоретическом осмыслении такая сторона проблемы, как место новых пополнений в социальной структуре рабочего класса. Большей определенности требуют некоторые из основных терминов, в частности само понятие «новые пополнения» («новые рабочие») и их социальная психология.

Из историографического очерка видно, что в понятия «новые пополнения рабочего класса», «новые рабочие» часто вкладывается неодинаковый смысл. Понятие «новый рабочий» наполняется различным содержанием, если рассматривать его по отношению к отдельным отрядам рабочего класса. Новым рабочим в бригаде, например, будет любое лицо, пришедшее со стороны, безразлично, будь это ранее работник другой бригады, другого предприятия или нигде прежде не работавший. Для предприятия в целом новыми будут все лица, ранее в нем не работавшие. В отраслях народного хозяйства новыми работниками будут все перешедшие из других отраслей или вообще не работавшие. По аналогии с указанными случаями рассматривается вопрос о новых пополнениях и в территориальном разрезе. По нашему мнению, говоря о новых пополнениях рабочего класса в целом, следует иметь в виду только таких ра-

бочих, которые прежде нигде не работали (вступающие в трудоспособный возраст молодые люди из семей рабочих, крестьян, служащих и других социальных групп), или же представителей других (помимо рабочего класса) классов и социальных групп, решивших по каким-то причинам перейти в ряды рабочих.

Нельзя не заметить неопределенности понятия «новые пополнения рабочего класса» и при характеристике вопроса о размерах новых пополнений. В этом случае наиболее часто речь идет о новых рабочих, влившихся в ряды класса за последний год, а их величина выражается через процентное отношение ко всему составу класса. Практически «новыми» считаются рабочие, имеющие стаж до одного года, а «старыми» — рабочие со стажем более одного года. Но это не единственный способ количественного выражения новых пополнений рабочего класса. В литературе встречаются случаи, когда под новыми подразумевают рабочих, имеющих стаж несколько месяцев, полтора, два, три года и т. д. При характеристике рабочего класса за более крупные периоды, например пятилетку, реконструктивный период и другие, говорят о новых пополнениях как о числе новых рабочих, вступивших в ряды класса за соответствующие годы.

Конечно, такое толкование новых пополнений имеет свое значение. Оно довольно верно отражает процесс изменения состава рабочего класса (особенно в тех случаях, когда речь идет о сравнительно небольших отрезках времени, в один—три года). Оно удобно для распределения новых пополнений по источникам и формам комплектования класса. Но при рассмотрении вопроса о соотношении новых и старых кадров рабочего класса и особенно если характеризуемые периоды приближаются по своей длительности к средней продолжительности трудовой деятельности рабочего (примерно 20 лет в предвоенные годы в нашей стране) использование такого понятия теряет свой смысл.

Безусловно, определить «новое» можно, только соотнося его со «старым». Намечая границы одного понятия, мы тем самым намечаем границы контрастного ему понятия. Неопределенность, которая, казалось бы, неизбежно должна возникать при этом, на наш взгляд, устранится в том случае, если определение новых ра-

бочих будет иметь не только количественную, но и качественную характеристику. А это может быть достигнуто тогда, когда понятию «новые рабочие» будет противостоять понятие «старые рабочие», но старые не в смысле имеющие более одного, двух, трех или какого-либо другого числа лет стажа, а старые, в смысле приобретшие необходимые качества кадрового рабочего.

При определении понятий «новые» и «кадровые рабочие» важную роль играет анализ социальной психологии. Поскольку в понимании социальной психологии среди ученых не достигнуто еще должного единства, возникает необходимость высказать отношение и к этому вопросу. Мы склонны разделить суждения тех, кто под психологией определенной социальной общности понимает низший уровень ее сознания, иначе называемый обыденным, массовым, реальным сознанием [132], которое находит свое выражение в настроениях, переживаниях и других чувствах, как верных, так и иллюзорных представлениях о действительности, в потребностях, интересах и целях масс. Социальная психология сопровождает все практические действия масс, характеризует степень их сознательности и активности в общественной жизни, закрепляется в обычаях, традициях, привычках, стереотипах поведения и характере людей, составляющих данную устойчивую социальную общность (общественную группу, слой, класс, общество в целом), сходные черты сознания которой обусловлены общностью условий ее жизни.

Конечно, отождествление социальной психологии с низшим уровнем сознания верно лишь отчасти, но оно имеет свой практический смысл, поскольку границы, проводимые в теории между понятиями «социальная психология масс», «реальное сознание», «обыденное сознание», очень трудно различимы в сегодняшней практике конкретных исследований [133].

[132] Социальную психологию «можно было бы иначе назвать «социологией обыденного (массового) общественного сознания»», считают М. Я. Ковальзон и Д. М. Угринович (см. «Общественная психология и коммунистическое воспитание». Сб. статей. М., 1967, стр. 18).

[133] См., например: *Ю. А. Замошкин.* Кризис буржуазного индивидуализма и личность. Социологический анализ некоторых тенденций в общественной психологии США. М., 1966; *Г. Г. Дилигенский.* Рабочий на капиталистическом предприятии. Исследование по со-

Структура социальной психологии по своему содержанию принципиально не отличается от структуры общественного сознания на его более высоком теоретизированном уровне. И на низшем уровне общественного сознания можно выделить политические, экономические, правовые, этические и другие взгляды и представления. Различие заключается в том, что на низшем уровне эти взгляды не расчленены по формам столь же явственно, как на верхнем уровне общественного сознания. Отсюда становится очевидным, что характеризовать социальную психологию какой-либо социальной общности в ее полном объеме — задача исключительной сложности. Именно поэтому в данной работе ставится задача показать лишь некоторые черты социальной психологии рабочего класса и их изменение в процессе пролетарского воспитания в наиболее важных сферах жизни общества — общественно-политической и производственной.

Источники

Методологической основой данной работы являются произведения основоположников марксизма-ленинизма, и прежде всего те труды В. И. Ленина, в которых были выдвинуты и обоснованы положения о решающей роли практики социалистической революции и строительства социализма в воспитании социалистического сознания, о крупной промышленности как главной материальной базе пролетарской психологии и самосознания, о роли партии рабочего класса и передовых рабочих в воспитании новых слоев своего класса, о задаче рабочего класса перевоспитывать в социалистическом духе все элементы старого общества, о критериях выделения отдельных слоев в составе рабочего класса и др.

Для разрешения поставленных авторами задач были привлечены разнообразные источники, которые в зависимости от их типа и характера можно условно разделить на ряд групп.

циальной психологии французского рабочего класса. М., 1969; «Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование». Руководитель авторского коллектива И. Т. Левыкин. М., 1970.

Важнейшую группу источников составляют документы центральных партийных органов (стенограммы и решения партийных съездов, конференций и пленумов ЦК, специальные постановления ЦК), законодательные акты и постановления Советского правительства, труды видных государственных и партийных деятелей. Значение этой группы источников огромно. Они содержат важные методологические указания, необычайно ценный фактический материал, помогающий конкретно-историческому раскрытию темы. В частности, в документах партии и правительства отражена их деятельность по социалистическому воспитанию новых пополнений рабочего класса, раскрыта ведущая роль рабочего класса в социалистическом строительстве, показаны мероприятия по регулированию состава класса и созданию условий, способствующих быстрому росту сознания прежде отсталых групп рабочих. В партийных документах содержатся оценки наиболее важных сторон социальной психологии новых пополнений, определяется характер влияния, оказываемого новыми рабочими на класс в целом.

Отдельную группу источников составляют плановые документы. Обсуждаемые высшими партийными органами и утвержденные высшими органами Советской власти народнохозяйственные планы приобретали силу партийных директив («наша вторая программа партии», — говорил о плане ГОЭЛРО В. И. Ленин[134]) и важнейших государственных актов. Планы довоенных пятилеток[135] содержат указание на основные источники пополнения рабочего класса и потенциальные возможности этих источников. Планами определялись темпы роста рядов рабочего класса. Поскольку обоснование дальнейшего пути развития экономики страны в народнохозяйственных планах дается на основе научного обобщения практики прошлых лет, то в них можно почерпнуть ценные сведения и о предшествующих этапах.

[134] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 157.

[135] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР». Изд. 3, т. I—IV. М.—Л., 1930; «Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933—1937)», т. 1—2. М., 1934; «Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1937—1942)». М., 1939.

Помимо планов-программ важные сведения содержат публикации итогов выполнения пятилетних планов[136], показывающие результаты борьбы советских людей за построение социализма. В этих публикациях охарактеризованы важнейшие стороны социально-экономического развития страны. В «Итогах выполнения первого пятилетнего плана», в частности, приведены данные о численности вновь вовлеченных в народное хозяйство рабочих и служащих из различных социальных источников с учетом убыли из состава работающих за пятилетие.

К следующей группе использованных источников относятся статистические сборники и справочники[137]. Особое значение имели те сборники и справочники, в которых приводились сведения по статистике промышленности, строительства[138] и труда[139], а также специальные публикации статистических данных о женщи-

[136] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М., 1933; «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М., 1939.

[137] «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927». Стат. сб. М., 1927; «Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1927 гг.». М., 1927; «Статистический справочник СССР». М., 1927; «Статистический справочник СССР за 1928 г.». М., 1929; «СССР за 15 лет». Стат. материалы по народному хозяйству. М., 1932; «Народное хозяйство СССР». Стат. спр. М., 1932; «XV лет диктатуры пролетариата». Экономико-статистический сб. Л., 1932; «Социалистическое строительство СССР». Стат. ежегодник. М., 1934; то же. М., 1935; «СССР — страна социализма». Стат. сб. М., 1936; «20 лет Советской власти». Стат. сб. М., 1937; «Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.)». Стат. сб. М.—Л., 1939; «СССР и капиталистические страны». М., 1939; «Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах». Стат. сб. М., 1957; «Страна Советов за 50 лет». Сб. стат. материалов. М., 1967; кроме того, использовались статистические справочники «Народное хозяйство СССР в . . .г.», ежегодно издаваемые ЦСУ с 1956 г.

[138] «Тяжелая промышленность СССР за 1931—1934 гг.». М., 1935; «Промышленность СССР». Стат. спр. М., 1936; «Промышленность СССР». Стат. сб. М., 1957; «Промышленность СССР». Стат. сб. М., 1964; «Капитальное строительство в СССР». Стат. сб. М., 1961.

[139] «Труд в СССР». Справочник 1926—1930 гг. М., 1930; «Труд в СССР». Экономико-статистический справочник. М., 1932; «Труд в СССР». Ежегодник. 1933 г., М., 1934; «Труд в СССР». Ежегодник. 1934 г. М., 1935; «Труд в СССР». Стат. справочник. М., 1936; «Труд в СССР». Стат. сб. М., 1968; «Новые кадры тяжелой промышленности». М., 1934; «Кадры тяжелой промышленности в цифрах». М., 1936.

нах[140] и молодежи[141], итогов профессиональных переписей 1918, 1929 и 1932—1933 гг.[142] и текущего профсоюзного учета[143].

Наряду с материалами планирования народного хозяйства статистические данные позволяют судить о сдвигах в численности рабочего класса и выявить зависимость роста его рядов от объективных и субъективных факторов, действовавших в течение переходного периода. Однако в изданных статистических сборниках отсутствуют сведения о размерах новых пополнений, нет вполне сопоставимых данных о количестве рабочих как в целом по народному хозяйству, так и по отдельным отраслям народного хозяйства, о социальном, половом и возрастном составе вновь вовлекаемых в производство людей за весь реконструктивный период. Выяснение этих вопросов становится возможным лишь при сопоставлении материалов различных групп источников. О количественных и качественных сдвигах в составе рабочего класса СССР в ряде случаев приходится судить на основе данных о совокупной численности рабочих и служащих. Это обстоятельство вызвано тем, что во многих справочниках приводятся обобщенные данные о промышленно-производственных коллективах без выделения отдельных категорий занятых. При работе со статистикой приходится учитывать и то важное обстоятельство, что в некоторых справочниках использовалась различная методика определения численности рабочих.

В свое время материалы некоторых массовых статистических обследований рабочего класса обрабатывались ЦСУ по довольно сжатой программе. В результате

[140] «Женщина в СССР». Стат. сб. Изд. 2. М., 1937.

[141] «Молодежь СССР». Стат. сб. М., 1936.

[142] «Перепись рабочих и служащих 1929 года», т. 1. Металлисты СССР. М., 1930; «Состав рабочей молодежи по массовым данным профпереписи». М., 1931; *А. Г. Рашин.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. Предварительные итоги переписи металлистов, горнорабочих и текстильщиков в 1929 г.; *его же.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР в диаграммах и таблицах. Итоги переписи металлистов, горнорабочих и текстильщиков 1929 года»; «Профсоюзная перепись 1932—1933 гг.». М., 1934; *М. Т. Гольцман* и *Л. М. Коган.* Старые и новые кадры пролетариата. По данным переписи 13 профсоюзов, произведенной в 1932—1933 гг.

[143] «Состав новых миллионов членов профсоюзов». М., 1933.

значительная часть информации переписных бланков, представляющая большой интерес для историка, оказалась пропущенной. Вместе с тем материалы ряда таких обследований сохранились в наших архивах. Это позволяет исследователю, используя современные методы обработки массовых статистических документов с помощью электронно-вычислительных машин, провести повторную обработку таких материалов. В данной книге используются некоторые результаты повторной статистической обработки первичных материалов профессиональной переписи рабочих 1918 г. и обследования молодых рабочих 1936 г. Материалы этих обследований хранятся в фонде ЦСУ Центрального государственного архива народного хозяйства СССР.

Большой объем информации содержится в документальных сборниках, посвященных истории индустриализации СССР. Они начали публиковаться в конце 50-х годов. Их издание значительно ускорилось с конца 60-х годов, когда Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институты истории СССР и экономики АН СССР совместно организовали подготовку и выпуск общесоюзной серии документальных сборников «История индустриализации СССР. 1926—1941 гг.».

Среди изданных к настоящему времени сборников можно наметить три группы: одни содержат документы и материалы, отражающие процесс индустриализации в масштабах всей страны[144], другие посвящены индустриализации экономических районов РСФСР[145], третьи — отдельным союзным и автономным республи-

[144] «Первые шаги индустриализации СССР. 1926—1927 гг.». Сб. документов. М., 1959; «Индустриализация СССР. 1926—1928». Документы и материалы. М., 1969; «Индустриализация СССР. 1929—1932 гг.». Документы и материалы. М., 1970; «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.». Документы и материалы. М., 1971; «Индустриализация СССР. 1938—1941 гг.». Документы и материалы. М., 1973.

[145] «Индустриальное развитие Центрального промышленного района. 1926—1932 гг.». Документы и материалы, т. 1, 1926—1932 гг. М., 1969; «История индустриализации Центрально-Черноземного района». Документы и материалы, т. 1, 1926—1932 гг. Воронеж, 1970; т. 2, 1933—1941 гг. Курск, 1972; «Завершение восстановления промышленности и начало индустриализации Северо-Западного района. 1925—1928 гг.». Документы и материалы. Л., 1964; «Индустриализация Северо-Западного района в годы первой пятилетки. 1929—1932 гг.». Документы и материалы. Л., 1967; «Индустриализация

кам[146]. В этих сборниках имеются обобщающие отчетные материалы Совнаркома СССР, совнаркомов союзных и автономных республик, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, а также хозяйственных органов. Впервые в этих сборниках публикуются многие архивные материалы, содержащие сведения о развитии материально-технической базы советской промышленности и связанных с этим процессах количественных и качественных изменений в самом рабочем классе, о росте его политической и трудовой активности, раскрывающие роль Коммунистической партии в мобилизации сил советского народа на решение основных экономических задач. Вместе с документальными сборниками, освещающими развитие промышленности в стране, состав рабочего класса, его борьбу за техническую реконструкцию, участие в социалистическом соревновании, роль Коммунистической партии и профсоюзов в жизни рабочего класса[147], серия из-

---

Северо-Западного района в годы второй и третьей пятилеток. 1933—1941 гг.». Сб. документов. Л., 1969; «История индустриализации Северного района. 1926—1941 гг. Документы и материалы. Архангельск. 1970; «История индустриализации Западного района 1927—1937 гг.». Документы и материалы. Брянск, 1972; «История индустриализации Нижегородско-Горьковского края. 1926—1941 гг.». Документы и материалы. Горький, 1968; «История индустриализации Северного Кавказа. 1926—1932 гг.». Документы и материалы. Грозный, 1971; «История индустриализации Урала. 1926—1932 гг.». Сб. документов. Свердловск, 1967; «История индустриализации Западной Сибири. 1926—1941 гг.». Документы и материалы. Новосибирск, 1967.

[146] «Промышленность и рабочий класс Украинской ССР в период построения фундамента социалистической экономики (1928—1932 гг.)». Сб. документов и материалов. Киев, 1966; «Борьба трудящихся Харьковщины за создание фундамента социалистической экономики (1926—1932 гг.)». Харьков, 1960; «История индустриализации Грузинской ССР. 1926—1941 гг.». Документы и материалы. Тбилиси, 1968; «Социалистическая индустриализация Азербайджана (1921—1932 гг.)». Документы и материалы. Баку, 1957; «История индустриализации Казахской ССР (1926—1941 гг.)». Документы и материалы. В 2-х томах, т. 1. 1926—1932 гг.; т. 2, 1933—июнь 1941 гг. Алма-Ата, 1967; «Из истории индустриализации Таджикской ССР. 1926—1941 гг.». Документы и материалы, т. I. Душанбе, 1972; «История индустриализации Киргизской ССР (1926—1941 гг.)». Документы и материалы. Фрунзе, 1972; «Социалистическая индустриализация и развитие рабочего класса Советской Молдавии. 1926—1958 гг.». Сб. документов и материалов. Кишинев, 1970. «Индустриализация Татарской АССР (1926—1941 гг.)». Сб. документов и материалов. Казань, 1968.

[147] «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)». Сб. документов. М., 1956; «Коммунистическая пар-

даний по индустриализации страны помогает воссоздать сложный процесс расширенного воспроизводства рабочего класса в годы предвоенных пятилеток.

При подготовке книги использовались также материалы газет («Правда», «Труд») и журналов («Большевик», «Партийное строительство», «Под знаменем марксизма», Проблемы экономики», «План», «Народное хозяйство», «Наше строительство», «Вопросы труда», «Ударник», «Вопросы профдвижения», «Профсоюзы СССР»), выходивших в довоенные годы. В журналах опубликовано много статей, представляющих значительный интерес в плане изучаемых нами вопросов. Следует также отметить большое источниковедческое значение содержащихся в периодической печати материалов. Зачастую статьи писались на основе результатов обследований (текучести, трудовой дисциплины, квалификации в отдельных производственных коллективах и отрядах рабочих и т. п.), первичные материалы которых не дошли до нашего времени. Помимо этого в приложении к журналам Госплана СССР систематически помещались статистические данные. Некоторые из них представляют большую ценность. Так, в журнале «Проблемы экономики» (1936, № 6) были опубликованы сведения о численности рабочих и служащих, вовлеченных в производство в 1929—1935 гг. Это одна из немногих публикаций, в которых численность принятых на работу новых тружеников определена с учетом естественной убыли. По аналогии с этой публикацией в настоящей книге сделана попытка установить объем вновь вовлеченных в народное хозяйство рабочих и служащих за все годы реконструктивного периода.

тия — вдохновитель и организатор всенародного социалистического соревнования в СССР». Сб. документов. М., 1961; «Коммунисты Ленинграда в борьбе за выполнение решений партии по индустриализации страны (1926—1929 гг.)». Сб. документов и материалов. Л., 1960; «Саратовская партийная организация в годы социалистической индустриализации страны и подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926—1929)». Саратов, 1960; «Социалистическое соревнование в СССР. 1918—1964 гг.». Документы и материалы профсоюзов. М., 1965; «Марш ударных бригад. Молодежь в годы восстановления народного хозяйства и социалистического строительства. 1921—1941 гг.». Сб. документов. М., 1965; «Поколения ударников». Сб. документов о социалистическом соревновании на предприятиях Ленинграда в 1928—1961 гг.». Л., 1961; «Профсоюзы в СССР». Документы и материалы в 4-х томах, т. 2, 3. М., 1963; и др.

Статистические данные, содержащиеся в различных группах документальных публикаций, могут использоваться не только для характеристики количественного состава новых пополнений (по полу, возрасту, социальной принадлежности, общей численности и т. д.), но и для социально-психологической характеристики новых рабочих. Большое значение, в частности, имеет статистика нарушений трудовой дисциплины, текучести кадров, участников социалистического соревнования, других видов политической и трудовой активности (партийная и профсоюзная прослойка и т. д.). По этим данным можно делать заключение о наиболее значимых чертах психологии новых рабочих.

Но если статистика лишь опосредованно отражает социальную психологию, то источники личного происхождения характеризуют ее с большей непосредственностью, отражают реальное сознание отдельных представителей изучаемой социальной общности.

Этот круг источников довольно широк и разнохарактерен. Среди мемуарной литературы можно встретить большие произведения, созданные известными всей стране рабочими. В них описывается не только производство, но и другие стороны жизни. Таковы воспоминания А. Х. Бусыгина, Н. А. Изотова, А. Г. Стаханова, И. И. Гудова, М. Н. Мазая, В. Я. Карасева. Но большинство воспоминаний — небольшие рассказы и заметки в несколько страниц, вышедшие отдельными изданиями или помещенные в различных сборниках и журналах. В некоторых воспоминаниях разрыв между временем написания и описываемыми событиями довольно значителен, в других фиксируется окружающая автора действительность. В последнем случае это уже не мемуары в строгом смысле слова, а рассказы или очерки о своей жизни и работе. Мемуары и рассказы рабочих иногда публиковались в виде подборок из воспоминаний, относящихся к разным годам и помещенных в сборниках наряду с воспоминаниями крестьян, представителей интеллигенции и другими материалами. Таковы, например, сборники «Рассказы о социалистическом мастерстве» (М., 1936), «Идущие впереди» (М., 1961), «Говорят строители социализма» (М., 1958), «Неизведанными путями» (Л., 1965), «Класс созидателей» (М., 1967) и др. Есть серия воспоминаний, написанных большими коллективами заводов и строек. К ним относятся сборники «Люди Сталинградского тракторного» (М., 1934), «Кузнецкстрой (История Кузнецкстроя в воспоминаниях)» (Новосибирск, 1934), «Были горы Высокой» (М., 1935), два объемистых тома рассказов о строительстве Московского метрополитена[148] и др. Естественно, что воспоминания писались передовыми рабочими. Однако в них хорошо отражена психология не только передовиков производства, но и других прослоек рабочих, в том числе и новых, потому что мемуарист обычно дает разностороннюю характеристику коллектива, в котором он работает.

К мемуарам, рассказам и очеркам, написанным самими рабочими, примыкает большая серия литературных портретов — очерки о рабочих, созданные профессиональными журналистами[149]. В 1972 г. в серии «Жизнь замечательных людей» издана книга «Новаторы». В ней помещены биографические очерки о 15 героях труда — славных представителях рабочего класса СССР, написанные писателями, журналистами и учеными на строго документальной основе. Большое значение имеют также и другие виды очерков, которые затрагивают рабочую тему. Интересны в этом отношении книги Г. А. Жукова «Люди 30-х годов» (М., 1966), А. Ф. Хавина «Шаги индустрии» (М., 1957) и другие, выросшие из журналистских записей тех лет.

В настоящей работе использовались также воспоминания крупнейших хозяйственников и ученых[150]. Среди них можно выделить мемуары И. П. Бардина, ярко передавшего атмосферу строительства Кузнецкого комбината.

Воспоминания рабочих, очерки и прочие материалы не равноценны по своим качествам, неравномерно освещают рассматриваемый нами период. Меньше всего

---

[148] «Как мы строили метро». М., 1935; «Рассказы строителей метро». М., 1935.

[149] «Московские стахановцы». Литературные портреты. М., 1936; «Ударники города Ленина». Л., 1934; «Молодые орденоносцы». М., 1935; «Молодая гвардия транспорта», М., 1936; и др.

[150] *И. П. Бардин.* Рождение завода. Воспоминания инженера. Новосибирск, 1936; *его же.* Записки инженера. М., 1938; *А. М. Терпигорев.* Воспоминания горного инженера. М., 1956; *Е. О. Патон.* Воспоминания. Киев, 1962; *И. В. Парамонов.* Пути пройденные. М., 1970.

3 Зак. 172

воспоминаний о первых послеоктябрьских годах, наиболее ярко отражена эпоха довоенных пятилеток. Особенно много воспоминаний написано о стахановцах и стахановцами. Содержание материалов позволяет достаточно полно охарактеризовать взгляды, настроения, привычки и другие социально-психологические явления, связанные с производственной и общественно-политической сферой, и значительно меньше — бытовую и духовную сферы деятельности рабочих.

Основной чертой мемуаров, как известно, является субъективность восприятия и оценок исторических явлений и личностей, неполнота освещения событий и т. п. Этот недостаток, существенно снижающий ценность источника при изучении конкретных вопросов и фактов, при оценке деятельности отдельных исторических личностей, менее сказывается при рассмотрении социальной психологии. Более того, яркое изображение действительности непосредственными участниками событий, выражение своего собственного отношения к описываемому событию позволяет восстановить колорит, духовную атмосферу исследуемого периода, проникнуть в духовный мир нового рабочего, пришедшего на стройки и предприятия.

Помимо опубликованных источников при написании книги использованы документы центральных архивов, в частности материалы отдела информации ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17); ВЦСПС, ЦК союза металлистов, редакции журнала «Голос кожевника», «Рабочей газеты» (ЦГАОР СССР, ф. 5451, ф. 5469, ф. 5445, ф. 4043), ЦСУ СССР, Госплана СССР, Главного управления машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности ВСНХ, Главного управления автотракторной промышленности, Наркомтяжпрома СССР (ЦГАНХ СССР, ф. 1562, ф. 4372, ф. 5735, ф. 7622, ф. 8081). Помимо материалов центральных партийных и государственных архивов в книге использованы также фонды ряда республиканских и областных архивов.

В фондах партийных органов хранятся документы, характеризующие деятельность КПСС по регулированию социального состава рабочего класса, по перевоспитанию новых пополнений. Особый интерес представили для нас материалы республиканских партийных ор-

ганизаций, которые показывают, как проходила коренизация республиканских отрядов рабочего класса.

Материалы Госплана СССР, республиканских и областных плановых органов содержат указания на источники пополнения народного хозяйства новыми рабочими кадрами, дают объяснение изменениям в темпах роста рабочего класса на отдельных этапах рассматриваемого периода. Значительный интерес в этом плане представляют отчеты о деятельности конкретных предприятий, хранящиеся в фондах Главных управлений ВСНХ и Наркомтяжпрома. В них наряду с другими материалами содержатся сведения о составе рабочих предприятий, подчиненных данным ведомствам. Материалы, касающиеся всех аспектов жизни рабочего класса, содержат фонды профсоюзных организаций, и прежде всего богатейший фонд ВЦСПС. Здесь хранятся статистические бюллетени учетного сектора ВЦСПС, данные (чаще всего результаты) различных обследований, осуществляемых силами как профсоюзов, так и других органов (РКИ, Наркоматом труда, Госпланом). Наибольший интерес представляют обследования трудовой дисциплины, текучести рабочей силы, участия рабочих в различных формах соревнования, материалы, характеризующие борьбу профсоюзов за повышение производительности труда, укрепление трудовой дисциплины, политическое и трудовое воспитание новых рабочих. Это протоколы заседаний, совещаний, обсуждений различных вопросов в ВЦСПС, его отделах и на местах, материалы собраний рабочих, слетов, переписка ВЦСПС с местными профсоюзными организациями, информационные сводки и отчеты, присылаемые в ВЦСПС местными профсоюзными организациями, характеристики отдельных рабочих и т. д.

Материалы архивов позволяют дать более глубокую количественную и качественную характеристику новых пополнений рабочего класса и более полно охарактеризовать психологию и влияние новых рабочих на класс в целом, а главное, помогают установить закономерности в процессе превращения новых рабочих в передовых людей своего класса.

Совокупность всех названных источников представляет достаточное основание для исследования поставленных в настоящей работе вопросов.

2

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА В ПЕРВОЕ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Состав рабочих России в 1917 г.

К моменту свершения Октябрьской революции российский пролетариат насчитывал в своих рядах около 20 млн. человек. Эта цифра впервые была названа В. И. Лениным. Еще в 1913 г. он писал: «...пролетариев у нас, вероятно, около 20 миллионов. Повторяю, и тут цифры примерны, но *всякие* иные цифры, которые кто-либо вздумал бы обосновать точнее, лишь еще сильнее подкрепили бы мои выводы» [1]. Изыскания советских исследователей подтвердили правильность этого предположения. Л. С. Гапоненко, тщательно проанализировавший численность российского пролетариата накануне Октября, когда уже в полной мере сказались последствия первой мировой войны, пришел к выводу, что в России (без Польши и Финляндии) в 1917 г. было 15 млн. пролетариев, а общая численность всех лиц наемного труда — около 18,5 млн. человек. В крупной промышленности было занято около 3,6 млн. человек, на транспорте (вместе со служащими) — 1,7 млн., в строительстве — 1,25 млн., в мелкой промышленности — примерно 3 млн., в сельском хозяйстве было почти 4,5 млн. рабочих.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 34.

Авангардную роль играли промышленные рабочие. Среди фабрично-заводских пролетариев преобладали рабочие ведущих отраслей, и прежде всего металлообработки и машиностроения. В 1917 г. на металлообрабатывающих и машиностроительных заводах, подчиненных надзору фабрично-заводской инспекции, было 544,1 тыс. человек. Кроме того, на казенных заводах, где также преобладали металлообрабатывающие предприятия, в армейских и железнодорожных мастерских было занято 640,1 тыс. человек. Казенные заводы, как правило, были крупнейшими предприятиями России, на которых сосредоточивались самые передовые кадры пролетариата.

Число рабочих, занятых в металлообработке и машиностроении, значительно увеличилось в годы первой мировой войны в связи с ростом военного производства. На таких гигантских предприятиях, как Путиловский, Трубочный, Обуховский и Патронный в Петрограде, Патронный, Оружейный в Туле, Сормовский, Коломенский, и некоторых других работало более чем по 10 тыс. пролетариев.

В горной и горнозаводской промышленности в 1917 г. насчитывалось 810,1 тыс., вместе с нефтедобывающей — 872,9 тыс. рабочих [2].

По своей революционной сознательности, организованности, революционной закалке ведущим отрядом пролетариата были металлисты. «Известно, что металлисты, — писал В. И. Ленин, — самые развитые и передовые рабочие не только в Питере, но и во всей России... Металлисты *авангард* (передовой отряд) всего пролетариата России» [3].

Металлисты были представлены во всех отраслях промышленности. Значительное их число было сосредоточено в горнозаводской промышленности, в механических отделах и в ремонтных цехах текстильной, химической и других отраслей промышленности.

Вторым по численности профессиональным отрядом рабочего класса были текстильщики.

[2] *Л. С. Гапоненко.* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, стр. 72, 56.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 100—101.

В текстильной промышленности в 1917 г. было занято 724 тыс. рабочих[4]. В этой отрасли преобладали крупные фабрики. Основная масса текстильщиков концентрировалась преимущественно в хлопчатобумажной, шерстяной, шелковой и льняной отраслях. Текстильщики таких центров, как Москва, Петроград, Иваново-Вознесенск, были близки к металлистам по уровню своей сознательности и организованности и играли значительную роль в революционной борьбе.

К фабрично-заводскому пролетариату примыкали рабочие железнодорожного транспорта, железнодорожных мастерских и предприятий связи. Более чем полуторамиллионный отряд железнодорожников был рассредоточен по огромной территории России. В тех районах, где кадры промышленного пролетариата из-за низкого уровня экономического развития были немногочисленны, железнодорожники выступали в авангарде революционной борьбы. Около 500 тыс. рабочих было сосредоточено на морском и речном транспорте. В учреждениях связи (почта, телеграф, телефон) работало около 91 тыс. человек.

Своеобразное место в структуре российского пролетариата занимали строительные рабочие. В условиях крайне низкой степени индустриализации строительства здесь сосредоточивалась огромная армия малоквалифицированных, часто сезонных рабочих — землекопов, каменщиков, штукатуров, плотников и т. д. Как правило, это были недавние выходцы из деревни, делавшие свои первые шаги на пути превращения в кадровых пролетариев. Постепенно строители переходили в ряды промышленных рабочих.

Огромная пролетарская армия была сосредоточена в деревне. В. И. Ленин относил к типичнейшим представителям сельского пролетариата батраков, поденщиков, чернорабочих, строительных и иных рабочих с наделом[5]. Сельские пролетарии вели за собой массы трудового крестьянства, являлись проводниками политики большевистской партии в деревне.

Сила рабочего класса в значительной степени определялась уровнем его концентрации. По уровню концентрации производства Россия занимала одно из первых мест в мире. Если в среднем на одно крупное предприятие в 1914 г. в Германии приходилось 900 рабочих, в США — 1100, то в России — 1400 рабочих. В 1917 г. 60% рабочих России были сосредоточены на предприятиях, составлявших $^1/_{16}$ часть общего числа фабрик и заводов страны[6]. Высокий уровень концентрации рабочего класса способствовал его организованности и сплоченности в классовых битвах, являлся материальной основой выработки революционного сознания.

Концентрация пролетариата на крупнейших предприятиях ведущих отраслей промышленности дополнялась сосредоточением его основных сил в ведущих экономических центрах страны. В 1917 г. Министерство торговли и промышленности составило сводку географического распределения рабочих. Было учтено более 2 млн. промышленных пролетариев. Оказалось, что 64% всех рабочих было сосредоточено в Московском и Петроградском районах. Питерские и московские рабочие были наиболее закаленными в революционной борьбе, теснее всего связанными с крупным производством. В Петрограде размещались такие отрасли промышленности, как электротехническая, химическая, приборостроение. Здесь находились крупнейшие машиностроительные и металлообрабатывающие заводы.

Почти треть рабочих России приходилась на центральные промышленные губернии, где главными отраслями промышленности были текстильная, металлообработка, машиностроение. Наряду с Москвой в Центральном промышленном районе были такие крупные промышленные центры, как Тула, Нижний Новгород, Тверь, Ярославль, Иваново-Вознесенск и др.

Более 15% рабочих России приходилось на Южный горнопромышленный район. Наиболее развитой отраслью здесь была черная металлургия, в которой преобладали крупнейшие заводы, такие, как Петровский, Днепропетровский, Таганрогский. На 22 крупнейших железоделательных заводах Юга было сосредоточено в 1917 г. 142,6 тыс. рабочих.

---

[4] «Труды ЦСУ», т. VII. М., 1921. Вып. 1, стр. 35.
[5] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 170.

[6] «Вопросы истории народного хозяйства СССР». М., 1957, стр. 393; *Л. С. Гапоненко*. Рабочий класс России в 1917 году, стр. 91.

В промышленности Урала в 1917 г. было занято 357 тыс. человек[7]. Наиболее развитыми отраслями являлись горная и горнозаводская. Предприятия Урала были отсталыми по своему производственному типу и далеко уступали южным по технической оснащенности и производительности труда. Долгое время сказывались отсталость, замкнутость местной жизни. Однако накануне и в годы первой мировой войны на Урале стала меняться традиционная структура промышленного производства. Многие рабочие поселки сельского типа превращались в крупные промышленные центры.

В Закавказье по концентрации рабочего класса выделялся Бакинский район, где сосредоточивалась почти вся добыча нефти России.

Главную массу промышленного пролетариата России составляли городские рабочие. Крупные города были центрами различных отраслей промышленности, что способствовало росту единства, организованности и классовой солидарности рабочих.

В момент совершения социалистической революции в рабочем классе численно преобладали кадровые пролетарии, которые имели многолетний стаж работы на фабриках и заводах. Так, профессиональная перепись 1918 г. зарегистрировала среди рабочих Петроградской губернии 40,2% лиц со стажем свыше четырех лет, а 23,9% — с непрерывным стажем работы свыше десяти лет[8]. В Ярославской губернии 56,3% рабочих имели стаж свыше четырех лет, а 29,6% — свыше десяти лет. В Иваново-Вознесенской губернии соответствующие цифры выглядят следующим образом: 56,9 и 26,2%, в Тульской губернии — 42,4 и 19,3%. Если выделить только квалифицированных рабочих из общей массы обследованных, то цифры получатся еще более внушительными. Так, среди квалифицированных рабочих крупного производства Петрограда удельный вес лиц с четырехлетним производственным стажем составлял 56,0%, а с десятилетним стажем — 35,7%. Среди рабочих Урала в 1917—1918 гг. также была весьма значительной доля рабочих с большим производственным стажем. В горнозаводской промышленности Вятской губернии, близкой по своему типу к Уральской, 45,9% всех рабочих, охваченных переписью, имели непрерывный стаж работы свыше десяти лет.

Кадровые рабочие, прошедшие длительную школу крупного фабричного производства, усвоившие пролетарскую психологию, до конца преданные идеалам борьбы за социализм, определяли лицо российского пролетариата.

Одним из важных вопросов характеристики социального облика рабочего класса является степень его связи с землей. Еще со времен земской статистики сложилось представление о российском пролетарии как о «рабочем с наделом». Эта концепция была воспринята меньшевистской историографией, а затем перекочевала в труды современных буржуазных советологов.

В ходе повторной обработки первичных материалов профессиональной переписи 1918 г. была сделана попытка выделить среди рабочих ту категорию лиц, которая имела реальные хозяйственные связи с землей, и тех рабочих, для которых связь с землей свидетельствовала скорее об их социальном происхождении, чем о наличии реальных дополнительных источников доходов. Материалы переписи в целом дают возможность сделать вывод о сравнительно небольшом удельном весе рабочих, связанных с землей. Так, в Петрограде 82,2% всех опрошенных ответили, что у них нет связи с землей. Кроме того, 7,7% не имели прямых экономических связей с деревней. Степень прочности связи с деревней прямо зависела от производственного стажа и уровня квалификации. Так, например, если среди всех рабочих Петрограда в обработке земли (сами или при помощи близких родственников) участвовали 9,5% опрошенных, то среди чернорабочих — 11,4%, среди неквалифицированных — 12%.

[7] *Л. С. Гапоненко.* Рабочий класс России в 1917 году, стр. 111; «Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк. 1917—1973». М., 1975, стр. 50; *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 3. М., 1973, стр. 453.

[8] Здесь и далее приводятся некоторые результаты, полученные в ходе повторной, выборочной обработки материалов профессиональной переписи 1918 г., предпринятой группой сотрудников исторического факультета МГУ. Более подробно итоги этой работы изложены: *В. З. Дробижев, А. К. Соколов.* Социальный облик рабочих России (по материалам профессиональной переписи 1918 г.). — «Вопросы истории», 1974, № 10, а также *В. З. Дробижев, А. К. Соколов, В. А. Устинов.* Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М., 1975.

В Ярославской губернии участвовали в обработке земли 7,8% рабочих, среди металлистов — всего лишь 4,6, среди текстильщиков — 8,9, среди пищевиков — 38%.

Отношение рабочих к земле определялось не только уровнем квалификации и отраслью промышленности, но и месторасположением фабрики или завода. Для промышленных предприятий, находившихся в небольших городах или в сельских населенных пунктах, как правило, отмечалась более тесная связь рабочих с землей. Так, в Иваново-Вознесенской губернии среди рабочих губернского города было зарегистрировано 12,2% лиц, участвовавших в обработке земли. Для рабочих уездных и заштатных городов губернии удельный вес этой категории лиц составлял 22,9%, а для рабочих фабричных сел и сельских поселений — 31,1%.

Рассмотренный выше материал показывает, что нельзя смешивать два понятия — связь рабочих с деревней и участие в ведении крестьянского хозяйства. Наличие связи с деревней характеризовало в первую очередь пути формирования рабочего класса. Большинство рабочих страны являлось уроженцами сельской местности. Так, в Петрограде, по данным профессиональной переписи 1918 г., 79,3% всех рабочих родились в деревне; в Ярославской губернии — 84,7, в Иваново-Вознесенской — 97,0, в Вятской губернии — 90,6%. Особенности формирования российского пролетариата определяли сохранение довольно многочисленных семейных, родственных, поселенческих и т. п. связей рабочих с деревней. Но наличие этих связей не ослабляло, а, наоборот, увеличивало силу революционного движения в стране. Рабочие несли в деревню большевистские идеи, оказывали революционизирующее влияние на миллионные массы трудящегося крестьянства. Что же касается экономических связей российского пролетариата с сельским хозяйством, то они были минимальными. В этом плане специфика России по сравнению с развитыми капиталистическими странами не столь значительна, как это пытаются представить некоторые буржуазные и мелкобуржуазные идеологи.

Объективные и субъективные предпосылки развития рабочего класса в России подготовили его к роли вождя в революции. Десятилетиями упорной борьбы за свое освобождение, за права всех трудящихся, своей решительностью и организованностью российский пролетариат доказал, что именно он является единственной революционной и преобразующей силой в стране.

Динамика численности рабочего класса в 1917—1920 гг.

Сразу же после победы Великого Октября началось коренное преобразование социальной структуры рабочего класса России, получили развитие те его качества, которые делали пролетариат ведущим, руководящим классом общества. Направляемый Коммунистической партией, этот процесс происходил в результате изменения отношения рабочего класса к собственности на средства производства, консолидации различных слоев и групп вокруг кадрового ядра класса.

Уже в первый год существования Советской власти была в основном ликвидирована крупнокапиталистическая собственность в городе и создан социалистический сектор народного хозяйства. На национализированных фабриках и заводах десятки тысяч рабочих проходили школу социализма и постепенно осознавали свое новое положение в пролетарском государстве.

Рабочий класс выделил из своей среды тысячи лучших представителей, взявших на себя решение гигантской по своей сложности задачи — строительство Советского государства. Многие передовые рабочие ушли в Красную Армию. Так, в Петрограде не было ни одного рабочего коллектива, который не выделил бы из своей среды добровольцев. Уже к началу марта 1918 г. 22 тыс. питерских рабочих ушли в Красную Армию. Московские газеты в те дни сообщали: «Есть много фабрик и заводов, где все рабочие записываются поголовно. Вообще настроение в рабочих кварталах очень приподнятое. Совет рабочих депутатов решил в случае, если мир не будет заключен, в полном составе направиться на фронт». В конце февраля московский пролетариат дал в Красную Армию 20 тыс. человек[9]. По да-

[9] «Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк. 1917—1973», стр. 81.

леко не полным данным, к осени 1920 г. в рядах Красной Армии сражались почти 620 тыс. рабочих [10].

Тысячи передовых рабочих ушли в государственный аппарат. Создавая новое государство, большевистская партия опиралась на самую могучую в мире силу — на творческую энергию и инициативу рабочего класса, всех трудящихся. В обращении «К населению», написанном 5(18) ноября 1917 г., Ленин призывал: «Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в *свои* руки. *Ваши* Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы» [11].

Первую группу сотрудников Наркоминдела составили рабочие питерского завода «Сименс и Шуккерт». В Высшем совете народного хозяйства руководящие посты заняли рабочие М. Н. Животов, В. Я. Чубарь и др. Рабочие возглавили многие исполкомы Советов, входили в их состав. В конце 1918 г. в составе уездных исполкомов Советов трех губерний Центра (Владимирской, Рязанской и Тульской) было 51,4% рабочих.

Часть передовых рабочих ушла в деревню в составе продовольственных отрядов. Они несли туда идеи пролетарской революции, идеи классовой солидарности трудящихся.

Уже в 1918 г., в первом году деятельности продотрядов, в деревню было послано не менее 60 тыс. рабочих, главным образом из Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Нижнего Новгорода, Тулы, Ярославля [12]. В последующем число рабочих, принимавших участие в деятельности продотрядов, еще более возросло. Таким образом, рабочий класс выделил лучших своих представителей для защиты завоеваний социалистической революции, на строительство и укрепление Советского государства.

Другое направление в изменении численности и состава рабочего класса было связано со сложными процессами становления социалистического производства

[10] Там же, стр. 86.
[11] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 66.
[12] «Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк. 1917—1973», стр. 95.

в труднейших условиях разрухи народного хозяйства, вызванной последствиями мировой войны, экономической политикой Временного правительства, яростным сопротивлением свергнутых классов. Вскоре после победы Октября начался процесс демобилизации промышленности, который также на первых порах вел к временному спаду промышленного производства и сокращению численности рабочих. Сокращение шло в первую очередь за счет тех, кто пришел на производство в годы первой мировой войны и был связан с сельским хозяйством. Так, например, расчетная комиссия Путиловского завода в январе 1918 г. выпустила специальное обращение к рабочим, в котором говорилось: «Пусть каждый проявит в этот трудный момент сознательное отношение гражданина и твердо выяснит: 1) не может ли он сам взять расчет добровольно и пристроиться где-либо помимо, вне завода; 2) нет ли личной возможности кое-как пережить без работы трудное время в силу лишь родственных связей, личных знакомств или имеющейся какой-либо подкопленной на «черный день» материальной возможности; 3) не осталась ли в деревне родня, клочок земли, нельзя ли вернуться в покинутую семью хлеборобов.

Ведь ясно, что последним должен уйти с завода природный пролетарий, у которого нет ничего, «кроме цепей», для которого расчет значит в буквальном смысле слова голод и холодная смерть на мостовой» [13].

В первую очередь фабзавком решил увольнять тех рабочих, которые имели землю, дома с квартирами для сдачи внаем. Расчету подлежали и те, кто пришел на завод, чтобы избежать призыва в армию [14].

Аналогичный порядок был принят и на заводе «Севкабель», где в первую очередь рассчитывались лица, «имеющие хозяйства как в деревне, так и в городе» [15]. Одновременно с увольнением рабочих, пришедших в основном в годы первой мировой войны, на фабрики и заводы зачислялись кадровые пролетарии, возвращавшиеся из рядов старой армии. Так, фабрично-заводской комитет Иваново-Вознесенской фабрики, бывшей Коко-

[13] ГАОР СС ЛО, ф. 5491, оп. 2, д. 171, л. 14.
[14] ГАОР СС ЛО, ф. 5870, оп. 1, д. 2, л. 99—100.
[15] ГАОР СС ЛО, ф. 6600, оп. 1, д. 20, л. 4.

рева, в конце ноября 1917 г. в своем решении специально записал: «Все прибывшие с фронта и с тылу солдаты, работавшие раньше на фабрике Кокорева, должны быть приняты на старую должность»[16].

Обобщая накопленный предприятиями опыт, Народный комиссариат труда совместно с профсоюзами весной 1918 г. разработал специальные правила комплектования промышленных предприятий кадровыми рабочими. Согласно этим правилам, сокращению подлежали в первую очередь все военнообязанные, поступившие на работу во время империалистической войны в целях уклонения от мобилизации. Сокращались также рабочие, сохранившие движимую и недвижимую собственность в деревне, покидавшие фабрики для сельскохозяйственных работ. Увольнению подлежали и выходцы из буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения. Осуществление этих мероприятий привело к сокращению численности рабочих. На производстве оставались только «чистые» пролетарии. Наркомтруд в 1918 г. сообщал Совнаркому: «Заводы крупных центров сумели избавиться от торговцев, домовладельцев и хозяйственных мужичков, пришедших на работу, чтобы укрыться от войны»[17]. Так уже в первый год существования Советской власти был накоплен ценный опыт борьбы за сохранение кадрового ядра пролетариата.

Осенью 1918 г. в связи с развертыванием военной промышленности для защиты от внешней и внутренней контрреволюции фабрики и заводы стали испытывать острую нехватку в рабочей силе. 2 октября 1918 г. «Петроградская правда» обратилась к рабочим со специальным воззванием: «Балтийский, Ижорский и Обуховский заводы приступают к изготовлению боевого снаряжения. Ощущается большой недостаток как в квалифицированных, так и неквалифицированных рабочих.

Товарищи! Кому дороги завоевания Октябрьской революции, тот должен немедленно вернуться к своим станкам». На производство в первую очередь зачислялись лица, уже работавшие на фабриках и заводах,

---

[16] Госархив Ивано-Вознесенской области, ф. 119, оп. 1, д. 2, л. 2.

[17] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 323.

имеющие необходимую квалификацию и производственный стаж.

Об облике новых пополнений рабочего класса свидетельствуют материалы профессиональной переписи 1918 г. Повторная обработка материалов профессиональной переписи, проведенная с участием авторов этих строк, показала, что среди тех рабочих, кто пришел на производство в 1917—1918 гг., был довольно высоким удельный вес лиц, имевших квалификацию. Так, в промышленности Петрограда на долю рабочих высокой и средней квалификации среди новых пополнений приходилось 44,7%. Лишь 34,1% рабочих, поступивших в 1917—1918 гг., отметили, что у них нет определенной профессиональной подготовки. Квалификационный состав новых пополнений промышленности Петрограда отличался в лучшую сторону от квалификационного состава прежних пополнений. Так, среди тех, кто пришел на производство в 1908—1912 гг., имеющих квалификацию было лишь 25,2%, а среди тех, кто пришел на работу в промышленность Петрограда в 1907 г. и раньше, — 16,1%.

Среди рабочих, принятых на производство в 1917—1918 гг., удельный вес потомственных был выше, чем среди тех рабочих, которые пришли на фабрики и заводы в более ранние годы. Так, в промышленности Петрограда удельный вес потомственных рабочих среди новых пополнений составлял 24,2%, а среди тех, кто пришел на фабрики и заводы в 1908—1913 гг., — 21,2%, ранее 1908 г. — 15,5%. Эти цифры показывают, что благодаря социальной политике пролетарского государства с самого начала его существования рабочий класс пополнился прежде всего за счет выходцев из собственной среды.

Интересно отметить, что и в губерниях Московского промышленного центра новые пополнения рекрутировались в значительной своей части из потомственных рабочих. Так, в Ярославской губернии удельный вес потомственных рабочих в среднем составлял 33,4%, а среди тех, кто поступил на производство в 1918 г., их доля была выше — 36,8%. В Иваново-Вознесенской губернии соответствующие цифры — 30,0 и 34%. Лишь в Тульской губернии, где особенно интенсивно расширялось производство в 1918 г. за счет резкого увеличения до-

бычи угля в Подмосковном каменноугольном бассейне и развертывания производства вооружений на тульских заводах, это соотношение было обратным — 38,4 и 34,3%.

Особенности привлечения рабочей силы в разные годы находили отражение и в связи рабочих с землей. Среди принятых на производство после победы Октябрьской революции связь рабочих с землей была минимальной. Так, в Ярославской губернии на отсутствие связи с землей указали 78,2% рабочих с производственным стажем от четырех до десяти лет, а со стажем до одного года доля этой категории рабочих составляла 79%.

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что уже в первые послеоктябрьские месяцы произошли довольно серьезные изменения в составе рабочего класса. С одной стороны, десятки тысяч передовых рабочих ушли в госаппарат, Красную Армию, на продовольственный фронт. С другой стороны, ввиду демобилизации промышленности, а затем развертывания ее осенью 1918 г., в результате большой работы Советского государства по социальному регулированию рядов рабочего класса промышленность была очищена в значительной своей части от случайных элементов, пришедших на фабрики и заводы в годы первой мировой войны. На производство возвращались, как правило, кадровые рабочие. Единство и монолитность рабочего класса были важнейшим условием, которое обеспечило победу в ходе необычайно тяжелой, кровопролитной гражданской войны. Но эта война нанесла удар и по самому рабочему классу.

Изменения в численности и составе рабочего класса в годы гражданской войны тщательно проанализировал Е. Г. Гимпельсон [18]. Книга Е. Г. Гимпельсона дает нам возможность осветить проблему, опираясь на уже введенные в научный оборот факты.

В годы гражданской войны в необычайно тяжелых условиях разрухи и голода численность рабочего класса сокращалась. Если в 1918 г. в фабрично-заводской и горнозаводской промышленности насчитывалось 2,5 млн.

[18] *Е. Г. Гимпельсон*. Советский рабочий класс 1918—1920 гг. Социально-политические изменения. М., 1974.

рабочих, то в 1919 г. — 1,4, а в 1920 г. — 1,5. Некоторое увеличение численности рабочих в 1920 г. по сравнению с 1919 г. было вызвано тем, что во втором полугодии, особенно в последние месяцы 1920 г., было расширено производство в ряде отраслей промышленности, особенно металлургической.

Процессы изменения численности рабочих были неодинаковы в различных отраслях промышленности. Если в целом число рабочих к концу 1920 г. составило около 50% от уровня 1913 г., то в текстильной промышленности — всего 27,3, в пищевой — 30,5, в деревообрабатывающей — 42,0, в бумажной — 46,0%. Зато численность металлистов сократилась в значительно меньшей степени — лишь на 21,3%.

Общее сокращение численности рабочих вовсе не означало, что ряды рабочего класса не пополнялись новыми рабочими. Дело в том, что темпы пополнения рабочего класса отставали от величины потерь, которые нес рабочий класс в годы войны. В тех условиях принимались героические меры по организации набора рабочих в промышленность. В годы «военного коммунизма» была введена трудовая повинность для всех граждан РСФСР в возрасте от 16 до 50 лет. Органы Народного комиссариата труда проводили огромную работу по концентрации рабочего класса, по привлечению в промышленность новых пополнений. Особое внимание уделялось снабжению рабочей силой военной промышленности. При Центральном управлении учета и распределения рабочей силы Наркомтруда с октября 1919 г. начала функционировать специальная комиссия по снабжению военной промышленности рабочей силой. 22 января 1920 г. в «Правде» были опубликованы тезисы ЦК РКП(б) «О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд». Центральный Комитет партии выдвинул задачу «собрать расстроенные ряды квалифицированных и обученных рабочих путем систематического извлечения их (в меру открывающейся возможности) из армии, из продотрядов, из тыловых советских учреждений, в том числе совхозов и коммун, из кустарного промысла, из деревни и в первую очередь из рядов спекуляции».

В начале 1920 г. был создан специальный орган по осуществлению всеобщей трудовой повинности — Главный комитет по всеобщей трудовой повинности и его местные отделения. Главкомтруд занимался преимущественно проведением массовых мобилизаций на основе всеобщей трудовой повинности.

Большое значение в привлечении в промышленность квалифицированных рабочих имела деятельность Советов и профсоюзов. ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов осенью 1919 г. разослал всем своим районным отделениям специальный циркуляр, в котором содержался призыв как можно быстрее преодолеть недостаток в квалифицированной рабочей силе, извлечь нужных рабочих из деревень.

В результате напряженной организаторской работы Советов и профсоюзов в промышленность влились десятки тысяч новых рабочих. В годы гражданской войны на производство пришли женщины, призванные заменить мужчин, ушедших на фронт. Весной 1919 г., в один из самых напряженных периодов борьбы с армиями Колчака, Петербургский комитет РКП(б) обратился к работницам с воззванием, в котором говорилось: «Всюду, где был рабочий, ушедший на фронт, должна стать работница»[19]. В результате притока женщин в промышленность удельный вес женского труда значительно возрос. Если в металлообрабатывающей промышленности в первой половине 1918 г. удельный вес женщин был 12,7%, то во второй половине 1920 г. — уже 14,2%.

Правда, в тех отраслях промышленности, где шло сокращение объема производства, в первую очередь увольняли женщин, и здесь удельный вес женского труда несколько сократился. Так, в текстильной промышленности в первой половине 1918 г. женщины составляли 61,3% всех рабочих, а во второй половине 1920 г. — 60,1%.

В крупных промышленных центрах, где особенно остро чувствовалась нехватка рабочей силы, удельный вес женщин был выше, чем в целом по стране. Так, в

[19] «Документы трудового энтузиазма. Сборник документов о борьбе рабочего класса СССР за повышение производительности труда в 1918—1920 гг.». М., 1960, стр. 87.

Петрограде в январе 1921 г. женщины составляли 25,7% всех занятых в металлообработке, 51,8% рабочих химического производства, 51,2% рабочих-кожевников.

Роль женщин в хозяйственной жизни страны в годы гражданской войны была очень большой. В. И. Ленин в беседе с Кларой Цеткин осенью 1920 г. говорил о работницах: «Без них мы не победили бы. Или едва ли победили бы. Вот мое мнение. Какую храбрость они проявили, как храбры они и сейчас! Представьте себе страдания и лишения, которые они выносят. И они держатся, держатся потому, что хотят отстоять Советы, потому что хотят свободы и коммунизма»[20].

Среди новых пополнений рабочих был значителен удельный вес тех кадровых пролетариев, которые в связи с трудностями, переживаемыми народным хозяйством в первый послереволюционный год, временно вынуждены были порвать связь с производством, переехать в деревню или уйти в кустарный промысел. Возвращение бывших кадровых рабочих на производство было характерной особенностью пополнения рядов рабочего класса в 1918—1921 гг., что, в частности, выразилось в уменьшении связи рабочих с землей по сравнению со временем, предшествующим Октябрьской революции. Так, по данным профессиональной переписи 1929 г., среди рабочих, пришедших в промышленность в 1918—1921 гг., удельный вес имевших связи с землей был ниже, чем у рабочих, принятых на производство до первой мировой войны и в период войны. Среди кожевников, начавших трудиться в 1914—1917 гг., сохраняли связь с землей 28,9% рабочих, а среди поступивших на работу в 1918—1921 гг. — 22,3%.

В 1920 г. Шуйский подотдел союза текстильщиков провел статистическое обследование рабочих текстильных предприятий Шуйского уезда. Сравнивались данные тех, кто продолжал работать, и тех рабочих, которые числились на биржах труда как безработные. Оказалось, что из 6004 работающих текстильщиков продолжали сохранять связь с землей лишь 355 человек (6,3%). Из 3180 безработных связь с землей была зарегистрирована у 1044 человек (32,8%). Лишь 7,7% ра-

[20] *Клара Цеткин.* Воспоминания о Ленине. М., 1955, стр. 41.

ботающих текстильщиков имели свои дома в деревне. Соответствующий показатель у безработных был значительно выше — 43,9% [21].

О том, что в годы гражданской войны произошли изменения и в квалификационном составе рабочих, свидетельствуют данные того же подотдела Союза текстильщиков о распределении рабочих по стажу. Среди занятых на производстве текстильщиков лишь 7,8% имели трудовой стаж менее трех лет. Подавляющая масса этой категории рабочих трудилась на производстве более 10 лет. А среди безработных удельный вес лиц со стажем менее трех лет составлял 21,1% [22].

Даже при закрытии предприятий профсоюзные и хозяйственные органы стремились сохранить основной кадровый костяк рабочих, поручая им наблюдение за сохранностью оборудования, очистку территории, заготовку топлива и другие работы. Когда остановилась Трехгорная мануфактура, кадровые рабочие занялись сооружением железнодорожных веток на территории предприятия [23]. А вот данные о квалификационном составе новых рабочих по другим предприятиям. В августе 1920 г. на Коломенский завод был зачислен 561 рабочий, в том числе 446 квалифицированных [24].

Е. Г. Гимпельсон, проанализировавший состав новых пополнений рабочих в годы гражданской войны, сделал вывод о том, что в обрабатывающей промышленности преобладающая часть новых пополнений шла из среды рабочих. Там же, где не требовалось особенно высокого уровня квалификации, как, например, в отдельных отраслях добывающей промышленности, состав рабочих пополнялся преимущественно за счет крестьян [25].

В 1920 г., когда на некоторых предприятиях начало развертываться производство, в первую очередь принимались рабочие, трудившиеся здесь раньше. Так, в инструкции Главного комитета по всеобщей трудовой повинности о приеме новых рабочих на Тверской хлопчатобумажной фабрике специально указывалось на необходимость в первую очередь представить именные списки лиц, ранее работавших, с указанием места жительства, рода прежнего и настоящего занятия.

[21] Госархив Иваново-Вознесенской области, ф. 730, оп. 1, д. 470, л. 4.

[22] Там же, л. 3.

[23] *Ф. Романов.* Текстильщики Московской области в годы гражданской войны. М., 1939, стр. 87.

[24] *Е. Г. Гимпельсон.* Советский рабочий класс 1918—1920 гг. Социально-политические изменения, стр. 117.

[25] Там же, стр. 119.

Помимо квалифицированных рабочих, ушедших в деревню, в промышленность возвращались и те, кто был призван в Красную Армию. 13 октября 1919 г. Революционный Военный Совет Республики постановил демобилизовать 5 тыс. красноармейцев из числа квалифицированных рабочих для обеспечения нужд военной промышленности. Уже к апрелю 1920 г. откомандированные из Красной Армии рабочие были размещены по предприятиям [26].

Таким образом, новые пополнения, пришедшие на предприятия в годы гражданской войны, всеми своими узами были связаны с рабочим классом. Это были или жены рабочих, ушедших на фронты, или те квалифицированные рабочие, которые на первых порах вынуждены были оставить промышленность и переехать в деревню. В промышленность влилась также значительная часть рабочих, ушедших в Красную Армию. Социальная политика Коммунистической партии и Советского государства позволила сохранить основной костяк кадрового российского пролетариата. Все это сдерживало процессы деклассирования, смягчало последствия распыления рабочего класса, крайнего истощения его сил, связанные с напряженной борьбой против внешней и внутренней контрреволюции.

Собирание рядов рабочего класса

Победоносное завершение гражданской войны определило новые условия жизни Советской России, функционирования классов советского общества. В условиях мирного хозяйственного строительства процесс собира-

[26] Там же, стр. 140.

ния рабочего класса, консолидации его рядов вскоре стал определяющим в дальнейшем развитии советского рабочего класса. Правда, на первых порах после провозглашения новой экономической политики сохранялись еще старые методы привлечения рабочей силы. На протяжении почти всего 1921 г. Народный комиссариат труда осуществлял всеобщую трудовую повинность, проводил трудовые мобилизации рабочих и служащих. Были объявлены мобилизации новых рабочих для водного транспорта, на заводы электротехнической промышленности, сплавщиков леса и рабочих лесопильных заводов, горнорабочих и т. д.[27]. В марте 1921 г. Совет Труда и Обороны постановил провести учет и мобилизацию всех граждан от 18 до 55 лет, имевших одну из строительных специальностей: асфальтировщиков, арматурщиков, бетонщиков, дробильщиков и т. д.[28].

Однако уже осенью 1921 г. в связи с концентрацией промышленного производства, переводом промышленности на хозяйственный расчет, а также тяжелыми последствиями голода стал наблюдаться избыток рабочей силы. В этих условиях Народный комиссариат труда все шире применял добровольную вербовку, которая являлась одним из элементов государственного регулирования процесса собирания квалифицированных рабочих кадров.

Перед органами Советского государства встала задача наладить регулирование образовавшегося рынка труда. Четвертая сессия ВЦИК 5 октября 1921 г. приняла специальное постановление, в котором говорилось: «Принимая во внимание условия настоящего времени, когда во всей промышленности происходит значительное сокращение, что при рациональном использовании труда потребуется сравнительно небольшое количество рабочих, постепенный переход к методам добровольческого привлечения рабочей силы является назревшей задачей»[29]. На место централизованного распределения рабочей силы и трудовых мобилизаций пришел метод добровольного набора рабочих.

[27] *А. А. Матюгин.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства. М., 1962, стр. 36.
[28] Там же, стр. 137.
[29] СУ, 1921, № 72, ст. 591.

В первые годы новой экономической политики численность рабочего класса продолжала несколько сокращаться. Если принять численность рабочих 1920 г. за 100%, то в 1921 г. она составляла 96,9, в 1922 г. — 92,5 и только в 1922/23 г. она превысила уровень 1920 г. и составила 118,7%. Сокращение числа рабочих в 1921/22 г. коснулось практически всех отраслей промышленности, кроме текстильной, горной и металлургической[30].

С конца 1922 г. началось возрастание численности рабочего класса, которое явилось результатом интенсивных процессов восстановления промышленного производства. Подъем промышленности, транспорта, коммунального хозяйства, развитие строительства и в связи с этим улучшение материального положения горожан привлекали в город многих рабочих, которые занимались неиндустриальным трудом или находились раньше на службе в Красной Армии.

В первые годы восстановления народного хозяйства основным источником пополнения рабочего класса являлись квалифицированные рабочие, вынужденные прервать свою работу в промышленности в предшествующие годы. В отчете треста хлопчатобумажных фабрик Тверского района за 1922 г. говорилось о том, что в годы войны многие текстильщики стали заниматься земледелием. После начала восстановления промышленности такие рабочие, не имея возможности жить в деревне без дополнительного заработка, вернулись на фабрики[31]. Примерно то же сообщалось и в отчете Орехово-Зуевского треста. Руководители одного из крупнейших объединений текстильных предприятий писали в центр, что, как только в городе улучшилось продовольственное положение, «обнаружился большой наплыв прежних рабочих»[32]. 15 октября 1922 г. газета «Всероссийская кочегарка» сообщала о возвращении из Смоленской губернии на Юзовские рудники Донбасса группы шахтеров в 90 человек. На предприятия цензовой промышленности Белоруссии только с 1922 по 1925 г.

[30] *А. Г. Рашин.* Динамика промышленных кадров СССР за 1917—1958 гг. — «Изменения в численности и составе советского рабочего класса». М., 1961, стр. 9, 13.
[31] *А. А. Матюгин.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства, стр. 212.
[32] Там же.

вернулись 4660 квалифицированных рабочих, в том числе 513 металлистов, 439 химиков и т. д.[33]

В книге «Советский рабочий класс» (М., 1975) приводятся яркие примеры, характеризующие процесс консолидации рабочего класса в первые годы новой экономической политики.

Рабочий А. Петров в годы гражданской войны трудился в совхозе, по делам которого в 1921 г. он попал в Самару. На одной из улиц города он увидел толпу людей, рассматривающих какой-то плакат. Когда он подошел ближе, то увидел, что это призыв ВСНХ: всем работникам электропромышленности вернуться на свои заводы. Значилась в списках и петроградская «Светлана», его родное предприятие. Петров сразу же решил вернуться на завод и вскоре переступил порог родного ремонтного цеха.

Ветераны московского завода «Серп и молот» вспоминали, как в первые годы восстановления народного хозяйства они обращались со специальными письмами к тем кадровым пролетариям, которые в годы гражданской войны покинули предприятия. «Что вы, братцы, — писали рабочие, — или забыли цехи родной организации? Вот только теперь и стали они по-настоящему своими. Приезжайте, не как гостей, как хозяев дорогих ждем вас на восстанавливаемом заводе». Письма составлялись коллективно, предварительно обсуждались профсоюзными активистами в завкоме, на партячейке. Гужоновцы откликнулись, уложили в деревянные чемоданчики защитные очки, валенки и двинулись в столицу, где на попутных лошадях, где поездом, а то и просто пешком. Радостно встречали их на родном предприятии.

Вторым крупным источником пополнения рядов рабочего класса были демобилизованные красноармейцы. По данным мобилизационного отдела Народного комиссариата труда, с 25 апреля по 24 июня 1921 г. было демобилизовано 4405 рабочих, в том числе 636 металлистов, 560 строителей, 345 слесарей; в июле — 18 866 рабочих и служащих, в том числе 1228 металлистов и 992 строителя; в сентябре — 3127 металлистов, 2410 строителей и т. д.

[33] *Н. Е. Завалеев.* Рабочий класс Белоруссии в борьбе за социализм (1917—1932). Минск, 1967, стр. 123.

Демобилизованные красноармейцы на некоторых предприятиях составляли значительную часть рабочего коллектива. Так, на Ярославской мануфактуре в начале 1921 г. уже числилось 200 человек бывших красноармейцев. На заводы Государственного объединения машиностроительных заводов с 1 июля по 1 октября 1921 г. из Красной Армии был откомандирован 541 квалифицированный рабочий. Всего, по расчетам специалистов, Красная Армия дала около полумиллиона рабочих[34].

Материалы профсоюзной переписи 1929 г. позволяют ретроспективно оценить значимость различных источников пополнения рабочего класса в годы восстановления народного хозяйства. Перепись показала, что подавляющая часть рабочих, уходивших с фабрик и заводов в годы гражданской войны, в 1922—1925 гг. вернулась на производство.

Возвращение рабочих быстрее всего шло в легкой промышленности, так как она развивалась более высокими темпами, чем тяжелая. Перепись 1929 г. зарегистрировала в хлопчатобумажной промышленности Ленинграда, Москвы, Московской и Ивановской областей 118 986 рабочих, из них возобновили работу после длительного перерыва 26 019 рабочих, что составило 21,1%. Подавляющее большинство из них пришли на фабрики и заводы в 1922—1925 гг.[35].

Процесс собирания кадровых пролетариев в восстановительный период нашел яркое отражение в партийных документах. В организационном отчете Центрального Комитета XII съезду РКП(б) констатировалось, что «старые рабочие, вынужденные раньше разбрасываться по деревням, вновь притекают к фабрикам и заводам»[36]. Через год XIII съезд партии в резолюции «Об очередных задачах партийного строительства» специально подчеркнул: «На фабрики и заводы возвращаются лучшие пролетарские кадры, недавно еще уходившие из рабочих районов в деревню»[37]. XV конфе-

[34] *А. А. Матюгин.* Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства, стр. 214, 215.

[35] *А. Г. Рашин.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930, стр. 10.

[36] «XII съезд РКП(б)». Стенографический отчет. М., 1923, стр. 39.

[37] «КПСС в резолюциях...», т. 3, стр. 44.

ренция ВКП(б) в 1926 г. подвела итоги предшествующего этапа развития рабочего класса. Конференция отметила: «Теперь народное хозяйство входит в новый период своего развития — период перестройки хозяйства на основе новой, более высокой техники.

К этому периоду закончилось собирание распыленного во время гражданской войны и интервенции пролетариата, произошло укрепление его организаций и достигнуто значительное улучшение материального положения рабочего класса»[38].

Выполняя директивы центральных органов, местные партийные организации тщательно следили за регулированием социального состава рабочего класса. Это можно видеть на примере такой крупной парторганизации, как Иваново-Вознесенская. Так, на XVII Иваново-Вознесенской губпартконференции в июле 1922 г. с тревогой отмечались факты распыления квалифицированных, кадровых рабочих. В своем решении конференция указала на необходимость «обратить особое внимание на сохранение и восстановление квалифицированной рабочей силы путем увеличения заработной платы, лучшего обеспечения означенной категории рабочих»[39]. Секретарь Иваново-Вознесенского губкома партии Н. Н. Колотилов, выступая на XX губпартконференции в июле 1925 г., вновь поставил вопрос о внимании к квалифицированным рабочим. «Меня беспокоит, — говорил он, — положение высококвалифицированных. Мне кажется, что здесь мы что-то проглядываем»[40].

Процесс собирания кадровых рабочих промышленности сопровождался сокращением числа временных рабочих, которые пришли на предприятия в годы гражданской войны по трудовым мобилизациям и не были кровно связаны с пролетарскими массами. Каждый раз, когда в первые годы восстановления народного хозяйства промышленные предприятия вынуждены были проводить сокращение рабочих, с предприятий увольнялись сначала так называемые временные рабочие. Так, правление Азнефти 5 мая 1922 г. разработало специальное положение о порядке сокращения рабочих. Сокраще-

[38] Там же, стр. 364.
[39] «Рабочий край», 3 июля 1922 г. (Иваново-Вознесенск).
[40] Партархив Ивановского обкома КПСС, ф. 2, оп. 8, д. 1, л. 169—170.

нию подлежало 2 тыс. человек. Правление Азнефти отметило тогда: «Квалифицированные рабочие на промыслах и заводах сокращению не подлежат»[41].

В результате собирания кадров рабочего класса, а также сокращения рядов пролетариата в первые годы нэпа за счет рабочих низкой квалификации, не связанных своими коренными интересами с промышленностью, произошло значительное улучшение квалификационного состава рабочего класса. Так, на трех крупных машиностроительных предприятиях Украины — Харьковском, Луганском и Торецком заводах — с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. удельный вес квалифицированных рабочих возрос с 44,8 до 56,5%. На протяжении 1924 г. удельный вес квалифицированных рабочих был доведен здесь до 61,5%. Таким образом, доля квалифицированных рабочих приблизилась к довоенной.

Такую же картину можно было наблюдать на заводах Южного машиностроительного треста Украины. Если в первом квартале 1922/23 г. квалифицированных рабочих здесь было 45,5%, то к началу 1924 г. их было уже около 58%[42].

В Петрограде удельный вес квалифицированных рабочих уже к началу января 1923 г. составлял 42%[43]. Аналогичное положение сложилось и в текстильной промышленности. Летом 1926 г. Иваново-Вознесенский губком ВКП(б) провел обследование Петрищевской фабрики. В отчете об этом обследовании говорилось: «Состав рабочих предприятия в подавляющем своем большинстве пролетарский; связанных с деревней ничтожный процент; вновь пришедших из деревни почти полное отсутствие; очень большой процент, в особенности среди квалифицированных рабочих, с большим, насчитывающим десятки лет, производственным стажем, которые были участниками в рабочем движении с 1905 г. и даже раньше. К этому кадру старых рабочих прислушивается остальная масса рабочих»[44].

[41] Партархив Института истории партии при ЦК КП Азербайджана, ф. 2, оп. 2, д. 244, л. 128.
[42] *Г. Д. Диденко.* Рабочий класс Украины в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925). Киев, 1962, стр. 172—173.
[43] *А. А. Матюгин.* Изменения в составе промышленных рабочих СССР в восстановительный период (1921—1925 гг.). — «Изменения в численности и составе советского рабочего класса», стр. 111—112.
[44] Партархив Ивановского обкома КПСС, ф. 2, оп. 9, д. 21, л. 216.

Перепись 1926 г. зарегистрировала в советской промышленности 53,4% квалифицированных, 26,3% полуквалифицированных и 20,3% неквалифицированных рабочих [45].

Таким образом, определяющая черта развития рабочего класса в восстановительный период — собирание старых кадров пролетариата, консолидация его рядов. Именно это обстоятельство явилось одним из главных условий осуществления советским рабочим классом великого подвига созидания в годы индустриализации. Но на последнем этапе восстановления народного хозяйства рабочий класс все в большей и большей степени стал пополняться за счет выходцев из других слоев населения, в первую очередь за счет трудового крестьянства.

Темпы роста численности рабочего класса возрастали с каждым годом. Если принять численность рабочих крупной промышленности 1923 г. за 100%, то уровень 1924 г. равнялся уже 108,0, 1925 г. — 124,2, 1926 г. — 157,7%. Уже в 1926 г. в промышленности СССР было занято 2,3 млн. рабочих [46]. К середине 20-х годов резервы роста численности рабочего класса за счет консолидации его рядов и возвращения на фабрики и заводы старых кадровых рабочих, оторванных от производства в годы гражданской войны, в основном были исчерпаны. В этих условиях ряды рабочего класса стали все больше и больше пополняться за счет выходцев из другой социальной среды — крестьянства, интеллигенции, служащих.

Перепись 1929 г. показала, что среди тех, кто продолжал заниматься промышленным трудом к концу 20-х годов, 20,3% впервые пришли на фабрики и заводы в годы восстановления народного хозяйства. Среди рабочих, занятых обработкой металла, доля этой группы лиц составляла 30,7%, среди рабочих хлопчатобумажной промышленности — 25,5, в каменноугольной промышленности Донбасса — 32,5% [47].

XIV съезд партии в резолюции «О работе профсоюзов» отмечал, что в ряды рабочего класса вливаются

[45] «Изменения в численности и составе советского рабочего класса», стр. 112.

[46] «Труд в СССР». Стат. справочник. М., 1936, стр. 94.

[47] «Труд в СССР». Справочник. 1926—1930 гг. М., 1930, стр. XII.

новые слои, «еще не прошедшие производственной и организационной рабочей школы. Меньшая часть этих новых пролетарских кадров — дети рабочих (подростки и переростки) — в большинстве комсомольцы, дети революции, но совершенно не знакомые с укладом и бытом дореволюционной фабрики.

Большая часть — молодые крестьяне прямо из деревни, совершенно не знакомые с фабрикой, борьбой рабочего класса, его задачами и организациями. Эта часть новых рабочих, еще больше связанная с землей, чем с фабрикой, целиком проникнутая крестьянскими интересами, полуграмотная или совсем неграмотная, в своем большинстве склонна держаться в стороне от основной пролетарской массы, ее интересов и общественности и рассматривать себя как случайных, временных гостей фабрики, завода, города» [48].

Таким образом, XIV съезд партии в качестве социальных источников новых пополнений рабочего класса выделил рабочую среду, а также крестьянство. В первой половине 20-х годов, когда существовал избыток рабочих рук в городе, доля потомственных рабочих среди новых пополнений пролетариата была сравнительно высокой. Перепись 1929 г. показала, что среди рабочих хлопчатобумажной промышленности, начавших свою работу в промышленном производстве в 1922—1925 гг., дети рабочих в Ленинграде составляли 65,4%, в Москве — 58,4, в Ивановской области — 61,6%. В новых пополнениях металлообрабатывающей индустрии и машиностроении детей рабочих в Ленинграде было 55,1%, на Украине — 61,5% [49].

Конечно, материалы переписи 1929 г. не совсем точно отражают динамику социальных источников пополнения рядов рабочего класса. Выходцы из пролетарской среды являлись более устойчивыми кадрами. Сделав эту поправку к данным переписи, получим, что более половины всех новых рабочих, пришедших на фабрики и заводы в 1922—1925 гг., были детьми рабочих. Выходцы из деревни в указанное время шли в горную промышленность и в строительство, т. е. в те отрасли хо-

[48] «КПСС в резолюциях...», т. 3, стр. 265—266.

[49] *А. Г. Рашин.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР, стр. 19, 21.

зяйства, которые не требовали в то время сколько-нибудь высокого уровня квалификации.

Аналогичная картина наблюдалась во всех республиках страны. Осенью 1926 г. комиссия Центрального Комитета Компартии Белоруссии провела обследование трех предприятий. Среди учтенных на этих предприятиях 1145 новых рабочих доля ранее работавших составила 51%, детей рабочих — 22, батраков и сельскохозяйственных рабочих — 13, крестьян, связанных с сельским хозяйством, — 11, кустарей — 3% [50].

Социальная регулирующая роль Коммунистической партии и государства проявлялась в те годы не только в сохранении квалифицированного ядра рабочего класса и в собирании кадров потомственных рабочих, но и в приступе к решению важнейшей исторической задачи — формированию крупных отрядов рабочего класса во всех национально-государственных образованиях. Так, в 1924 г. доля азербайджанцев среди рабочих фабрично-заводского района Баку составляла 13,3%, а летом 1926 г. — уже 14,8%. Вместе с тем среди учеников, обучавшихся непосредственно на производстве, удельный вес азербайджанцев в 1926 г. составлял почти 28%, а в школах ФЗУ доля лиц коренных национальностей была еще большей — 41%. Так создавались условия для определяющих сдвигов в процессе коренизации кадров советского рабочего класса в последующие годы [51].

В 1926—1927 гг. темпы роста численности рабочего класса в связи с началом социалистической индустриализации несколько возросли. Однако этот рост не был еще достаточно большим. Важным рубежом в истории рабочего класса явился 1928 г., когда советский народ начал выполнять задания первого пятилетнего плана. Огромный разворот нового строительства в промышленности и на транспорте определил резкое возрастание численности рабочего класса, изменения в соотношении различных источников пополнения его рядов, форм и методов набора новых рабочих.

---

[50] *Н. Е. Завалеев.* Рабочий класс Белоруссии в борьбе за социализм. 1917—1932 гг., стр. 124.

[51] Партархив Института истории партии при ЦК КП Азербайджана, ф. 2, оп. 63, д. 949, л. 8, 9.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ РОСТ РАБОЧЕГО КЛАССА В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Численность рабочего класса

Социалистическая индустриализация народного хозяйства коренным образом преобразила облик страны. Были построены тысячи новых фабрик и заводов, созданы целые отрасли промышленности. Страна, которая до революции ввозила машины и оборудование, превратилась в одну из крупнейших машиностроительных держав мира. Резко возросли производство черных металлов, добыча угля и нефти. В годы первой пятилетки была создана вторая угольно-металлургическая база СССР, затем были построены крупнейшие заводы цветной металлургии и высококачественных сталей. В различных районах страны сооружались заводы химической промышленности, с каждым годом нарастал выпуск тракторов и сельскохозяйственных машин. Ускоренно развивались на основе новой машинной техники предприятия легкой и пищевой промышленности. В годы довоенных пятилеток огромное развитие получил железнодорожный транспорт, строительная индустрия. Успехи индустриализации дали возможность СССР завоевать технико-экономическую самостоятельность от капиталистического мира, построить материально-техническую базу социализма.

Индустриализация СССР — великий подвиг всего советского народа, героического рабочего класса. Под

руководством Коммунистической партии рабочий класс совершал чудеса героизма на стройках первых пятилеток, в кратчайшие исторические сроки овладевал самой современной техникой. В годы индустриализации еще больше возросла руководящая роль рабочего класса во всех сферах жизни общества.

Преобразуя облик страны, рабочий класс менялся и сам. И в этом находило проявление одно из важнейших социальных последствий социалистической индустриализации. Прежде всего резко возросла численность рабочего класса СССР, за предвоенные годы количество рабочих увеличилось с 8,7 млн. до 23,7 млн. человек, или в 2,72 раза, количество рабочих и служащих всех отраслей народного хозяйства — в 3 раза (табл. 1).

Костяком рабочего класса СССР были рабочие промышленности. С 1928 по 1940 г. их ряды выросли с 3,1 млн. до 8,3 млн. человек, или в 2,65 раза (табл. 2). Промышленные рабочие составляли 34—38% всех рабочих и 27—30% общего числа рабочих и служащих

Таблица 1

СРЕДНЕГОДОВАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ ВСЕХ ОТРАСЛЕЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

	1928 г.	1932 г.	1937 г.	1940 г.
Рабочие и служащие с учетом членов промкооперации (в млн.)	11,4	24,2	28,6	33,9
То же без учета членов промкооперации (в млн.)	10,8	22,6	26,7	31,2
Рабочие, включая младший обслуживающий персонал, работников охраны, рабочих промкооперации (в млн.)	8,7	17,8	20,6	23,7
То же в % от общей численности рабочих и служащих (с учетом членов промкооперации) . . .	76	74	72	70

Исходные данные: «Труд в СССР». М., 1968, стр. 24; «Народное хозяйство СССР». М., 1956, стр. 190; «Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг.». Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972, стр. 345.

Таблица 2

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ

Годы	Среднегодовая численность (в тыс. человек)	Прирост или сокращение численности (в тыс. человек)	Изменение численности в % к предшествующему году	Рост численности в %
1928	3 124	—	—	100
1932	6 007,2	+2883,2	+92,3	192,3
1933	6 006,0	—1,2	—0,02	192,3
1934	6 438,4	+432,4	+7,20	206,1
1935	6 953,5	+515,1	+8,00	222,6
1936	7 447,2	+493,7	+7,10	238,4
1937	7 923,8	+476,6	+6,40	253,6
1938	8 030,8	+107,0	+1,35	257,1
1939	7 761,4	—269,4	—3,35	248,4
1940	8 290	+529	+6,8	265,4

Исходные данные: «Прмышленность СССР». М., 1964, стр. 84—85; «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.» Документы и материалы. М., 1971, стр. 516; «Индустриализация СССР. 1938—1941 гг.» Документы и материалы. М., 1973, стр. 248—249. Приведенные данные не включают членов артелей промкооперации. Учет рабочих промкооперации несколько меняет картину роста промышленных рабочих. В таком случае прирост численности за годы первой пятилетки будет равняться 96,1%, за годы второй — 29,5% и за годы третьей — 9,3% (рассчитано по: «Труд в СССР». М., 1968, стр. 81).

страны. Это был самый крупный отряд рабочего класса СССР.

Наиболее интенсивно ряды промышленных рабочих росли в годы первой пятилетки (рост на 92,3%). В годы второй пятилетки темпы роста значительно снизились (прирост численности рабочего класса промышленности составил 31,9%), в третьей пятилетке они стали еще меньшими (прирост 4,6%).

Общая тенденция к замедлению темпов увеличения численности промышленных рабочих наиболее отчетливо стала проявляться с 1935 г., когда были достигнуты значительные успехи в освоении производства. Заметный новый прирост численности дает 1940 г. В значительной степени он объясняется пополнением рядов рабочего класса за счет вхождения новых районов в состав Советского Союза.

Небывалый рост численности рабочего класса СССР за годы первых предвоенных пятилеток сопровождался существенными сдвигами в его распределении по различным отраслям народного хозяйства. О них можно

судить по данным табл. 3. Эти изменения были непосредственно связаны с процессом социалистической реконструкции.

Таблица 3

ИЗМЕНЕНИЕ УДЕЛЬНОГО ВЕСА РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (в %)

	1928 г.	1932 г.	1937 г.	1940 г.
Промышленность	37,9	38,7	40,8	38,6
Строительно-монтажные работы	6,5	9,5	5,6	4,8
Транспорт и связь	12,2	9,8	11,0	11,8
Сельское хозяйство	14,5	12,2	9,1	8,0
в том числе совхозы и МТС	3,0	9,9	8,1	6,7
Лесное хозяйство	0,7	0,4	0,9	0,8
Торговля, обществ. питание, мат.-техн. снабжение и сбыт	5,3	9,2	8,9	9,9
Жил.-коммунальное хоз-во и бытовое обслуживание	1,4	2,9	3,9	4,5
Здравоохранение, физкультура и соцобеспечение	3,5	2,8	3,9	4,5
Просвещение и культура	6,3	5,3	7,3	7,9
Наука и научное обслуживание	0,7	0,6	1,0	1,1
Кредитование и госстрах	0,8	0,5	0,7	0,8
Аппарат управления	8,8	6,8	5,2	5,4

Исходные данные: «Труд в СССР». М., 1968, стр. 24; «Народное хозяйство СССР в 1972 г.» М., 1973, стр. 504—505. В составе рабочих и служащих учтены члены бывших артелей промкооперации. Удельный вес рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства, определенный на основе данных без учета членов промкооперации, незначительно отличается от приведенного в таблице. Так, удельный вес рабочих и служащих промышленности составляет в этом случае 35,0% в 1928 г., 35,4 — в 1932 г., 37,8 — в 1937 г. и 35,2% — в 1940 г. Удельный вес промышленно-производственного персонала, персонала, занятого на строительно-монтажных работах, на транспорте и связи, составляет 54,4% в 1928 г., 55,4 — в 1932 г., 55,0 — в 1937 г. и 52,7% — в 1940 г. (расчеты произведены на основе данных «Народное хозяйство СССР». Стат. сб. М., 1956, стр. 190).

Преимущественное внимание партии и правительства к индустриализации страны как основе реконструкции всего народного хозяйства определило постоянный рост числа индустриальных кадров. Персонал, занятый в промышленном производстве, за годы первой пятилетки вырос на 116%, за годы второй — на 24 и за годы третьей — еще на 12%.

В годы первой пятилетки, когда закладывался фундамент социалистической экономики, численность промышленно-производственного персонала росла более высокими темпами, чем общее количество рабочих и служащих. В результате абсолютный рост промышленных кадров сопровождался увеличением их удельного веса в составе рабочих и служащих всех отраслей народного хозяйства. Если в 1928 г. удельный вес промышленных кадров составлял 37,9%, то в 1932 г. он возрос до 38,7%. Опережающий рост промышленно-производственного персонала продолжался и в годы завершения реконструкции народного хозяйства. В 1937 г. удельный вес кадров промышленности составлял уже 40,8% общего числа рабочих и служащих страны. В годы третьей пятилетки стала заметной новая тенденция в изменении количества промышленных рабочих. Рост их абсолютного числа теперь уже не приводил к росту удельного веса работников промышленности в общем составе рабочих и служащих СССР. Это указывало на завершение основных работ по реконструкции народного хозяйства в результате успешного выполнения заданий второго пятилетнего плана. Построение материально-технической базы социализма обеспечило возможность более гармоничного развития всех отраслей экономики.

Особенно большое влияние оказали реконструктивные процессы на изменение численности строительных рабочих. Число рабочих и служащих, занятых на строительно-монтажных работах, за годы первой пятилетки выросло более чем в 3 раза. В итоге их удельный вес увеличился с 6,5 до 9,5%. В годы второй пятилетки крен был сделан на освоение построенных предприятий. Резко возросла также техническая вооруженность строителей. В годы третьей пятилетки численность строителей практически сохранялась на уровне 1937 г. Это привело к снижению удельного веса строителей в общей массе рабочих и служащих страны с 5,6% в 1937 г. до 4,8% в 1940 г.

Реконструкция народного хозяйства страны требовала значительного увеличения численности рабочих промышленности, строительства, транспорта и связи, которые играли главную роль в этом историческом процессе. Одновременно социалистическая реконструк-

ция народного хозяйства привела к значительному росту числа работников непроизводственных отраслей народного хозяйства. В этом нашла проявление неустанная забота Коммунистической партии и Советского правительства о повышении уровня культуры и материального благосостояния советского народа.

В годы первой пятилетки на одном из первых мест по темпам роста численности находились работники торговли, общественного питания, материально-технического снабжения (рост 367%), а также работники жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения (рост 450%). В годы второй и третьей пятилеток более быстрыми темпами, чем в промышленности, росла численность работников таких непроизводственных сфер, как здравоохранение, просвещение, культура, наука и др. В результате этого удельный вес работников индустриальных отраслей в общей численности рабочих и служащих составлял в 1928 г. 56,6%, в 1932 г. — 58, в 1937 г. — 57,4 и в 1940 г. — 55,2%.

Большое влияние реконструкция народного хозяйства оказала на сельскохозяйственный отряд рабочего класса. В целом в связи с осуществлением политики индустриализации и ростом городов удельный вес рабочих и служащих сельского хозяйства на протяжении предвоенных пятилеток сокращался (в 1928 г. — 14,5%, в 1940 г. — 8%). Но за это же время число занятых в совхозах и МТС увеличилось почти в 7 раз, а удельный вес этой категории работников в общем числе рабочих и служащих страны вырос с 3 до 6,7% в 1940 г. Коренным образом изменился социальный облик сельскохозяйственного пролетариата. Рабочие совхозов и МТС — предприятий последовательно социалистического типа — к концу 30-х годов стали составлять основную массу сельских рабочих и служащих. В 1928 г. их доля была всего 20,8%, подавляющая часть общего числа сельскохозяйственных рабочих приходилась на батраков, занятых в кулацких хозяйствах. К 1932 г. в связи с ликвидацией последнего эксплуататорского класса и благодаря коренным успехам в социалистическом переустройстве сельского хозяйства удельный вес работников совхозов и МТС поднялся до 81,5%, а к 1937 — почти до 90% от общего числа сельскохозяйственных рабочих.

Изменения в численности рабочего класса в целом

и рабочих отдельных отраслей народного хозяйства определяются рядом причин: объемом средств, направляемых государством на создание новых, реконструкцию и расширение действующих основных фондов, концентрацией капитальных вложений в определенных отраслях народного хозяйства, конкретными планами по выпуску продукции, программой нового строительства и т. п. В огромной степени рост численности рабочих определяется уровнем организации и производительности труда, уровнем его энерго- и электровооруженности. «...По мере того как труд становится производительнее, — говорил К. Маркс, — ...количество рабочих по отношению к продукту уменьшается...» [1]

За годы трех предвоенных пятилеток рабочими и служащими Советской страны было освоено капиталовложений на сумму, в 21,8 раза превышающую капиталовложения, направленные в народное хозяйство за все предшествующие годы существования Советской власти [2]. К 1940 г. в действие было введено в 4,43 раза больше основных производственных фондов, чем их было в народном хозяйстве в 1928 г. Производительность общественного труда в тот период, когда шло огромное промышленное строительство и развертывалась борьба за освоение новой техники, не могла расти столь же быстрыми темпами. К 1940 г. она увеличилась по сравнению с 1928 г. в 2,18 раза [3]. Расширение общественного производства требовало поэтому значительного роста численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве.

Более конкретное представление о факторах, определявших рост численности рабочих в двух важнейших отраслях народного хозяйства — промышленности и строительства, — дает табл. 4. В годы первой пятилетки прирост продукции промышленного производства был достигнут в основном за счет увеличения основных фондов промышленности, роста капиталовложений, увеличения численности рабочих и служащих в промышленности и лишь на 41% за счет роста производитель-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 202.

[2] Рассчитано по: «Народное хозяйство СССР». Стат. сб. М., 1956, стр. 158.

[3] «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг.». М., 1963, стр. 150.

Таблица 4

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СТРОИТЕЛЬСТВА В 1928—1940 гг.

	Первая пятилетка (1932 г. в % к 1928 г.)	Вторая пятилетка (1937 г. в % к 1932 г.)	Третья пятилетка (1940 г. в % к 1937 г.)
Промышленно-производственные фонды	241	222	153
Валовая продукция промышленности	202	220	145
Электровооруженность труда рабочего в промышленности	137,1	212,6	125,8
Промышленно-производственный персонал	212,0	126,4	108,5
Производительность труда в промышленности	141	182	133
Прирост валовой продукции промышленности за пятилетку за счет производительности труда	51	79	82
Рабочие и служащие, занятые на строительно-монтажных работах	309	69,3	101
Производительность труда в строительстве	104	183	132

Исходные данные: «Промышленность СССР». М., 1957, стр. 12, 23, 25; «Промышленность СССР». М., 1964, стр. 34, 80, 84—85; «Народное хозяйство СССР». Стат. сб. М., 1956, стр. 35; «Труд в СССР». М., 1968, стр. 24.

ности труда. Аналогичное положение сложилось и в строительстве. Здесь число рабочих и служащих возросло более чем в 3 раза, а производительность труда практически осталась на старом уровне.

В годы второй пятилетки положение коренным образом изменилось. Теперь увеличение выпуска продукции и объема строительных работ осуществлялось на новой технической базе, созданной героическим трудом советского народа. Развитие производства уже не требовало роста численности рабочей силы в такой мере, как в годы первой пятилетки. Во второй пятилетке объем капитальных вложений в промышленность значительно превысил уровень первой пятилетки, намного возросли производственные фонды промышленности. Более чем на $^2/_3$ этот прирост продукции был достигнут за счет роста производительности труда. Строительная программа второй пятилетки по своим масштабам значительно превосходила огромные масштабы первой пятилетки. Если в годы первой пятилетки на капитальное строительство было израсходовано около 65 млрд. руб., то во второй — 148,7 млрд. (рост в 2,3 раза) [4]. Однако успехи в развитии строительной техники и индустриализации строительства были столь велики, что в отличие от первой пятилетки рост строительства не потребовал дополнительного вовлечения рабочей силы. Более того, огромный объем работ был выполнен с меньшим числом рабочих и служащих.

Характерно, что если в годы первой пятилетки план по росту производительности труда оказался невыполненным, а увеличение численности рабочей силы превзошло плановые наметки, то в последующем пятилетии наблюдается прямо противоположная картина — план по росту производительности труда был заметно перевыполнен и несколько недовыполнен по увеличению численности рабочих и служащих. Меньший прирост контингента рабочей силы Госплан объяснял «более высокими темпами роста производительности труда во всех основных отраслях народного хозяйства, и в первую очередь в промышленности, значительным ростом механизации и, что главное, более быстрым освоением новой техники, дающим возможность производить большее количество продукции с наличным, а нередко и с меньшим числом работников» [5]. Все это было справедливо и по отношению к последней предвоенной пятилетке.

За 3,5 года мирного труда, предшествующих Великой Отечественной войне, в промышленность Союза ССР было вложено капиталов больше, чем за все годы первой пятилетки, и почти столько же, сколько за все годы второй. Промышленные рабочие обеспечили в 1940 г. выпуск продукции, в 1,45 раза превышающий выпуск 1937 г. Однако темпы прироста численности рабочего класса были в то время несравненно меньшими, чем в первую пятилетку, и более низкими, чем в годы второй. В целом по промышленности темпы роста производительности труда за три года третьей пятилетки

[4] «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг.», стр. 11.

[5] «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.». Документы и материалы. М., 1971, стр. 472.

были несколько выше темпов, предусмотренных планом[6]. Объем строительных работ, выполненных в 1938—1940 гг., также значительно превосходил соответствующий показатель первой пятилетки и почти равнялся объему второй пятилетки. Но число строителей осталось практически неизменным.

Докладывая Совету Народных Комиссаров о ходе выполнения третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства, Госплан отмечал в октябре 1940 г.: «Общий подъем народного хозяйства СССР достигнут за истекшие годы третьей пятилетки в результате дальнейшего роста производительности труда»[7].

Гигантские усилия Коммунистической партии, сумевшей вызвать и организовать творческую активность рабочего класса, постоянное внимание партии к социалистическому соревнованию миллионов трудящихся привели к замечательной победе. Со второй половины 30-х годов производительность труда стала главным фактором роста общественного производства.

Можно подсчитать[8], что если бы за годы первой пятилетки производительность труда и его организация в промышленности не менялись, т. е. оставались на уровне 1928 г., то для выполнения возросшего объема промышленных работ в 1932 г. потребовалось бы на 3,2 млн. рабочих и служащих больше, чем их было в действительности. Для выполнения производственной программы 1937 г. при уровне производительности труда 1932 г. потребовалось бы вовлечь дополнительно еще 8,2 млн. человек. Рост производительности труда в годы третьей пятилетки означал экономию живого труда примерно 3,6 млн. человек.

Еще более разительные цифры получатся, если предположить, что уровень производительности труда оставался бы неизменным на протяжении всех трех первых пятилеток. Для выполнения производственной программы промышленности 1937 г. при уровне производительности труда 1928 г. потребовалось бы на 16,1 млн. человек больше, чем было фактически занято, а программы 1940 г. — на 26,4 млн. человек.

Следовательно, благодаря техническому перевооружению производства, совершенствованию его организации, трудовому героизму советских рабочих рост производительности труда в промышленности за годы первых пятилеток обеспечивал реальную экономию живого труда многих миллионов человек. Аналогичные процессы были характерны и для других отраслей народного хозяйства.

Таковы в общих чертах динамика численности рабочего класса СССР в 1928—1940 гг. и факторы, определяющие различия в темпах роста рядов рабочих на отдельных этапах социалистической индустриализации. Однако прирост или уменьшение числа рабочих еще не дают полного представления о численности вновь вовлекаемой в производство рабочей силы, об истинных размерах новых пополнений рабочего класса.

Новые пополнения. Соотношение старых и новых кадров

При определении размеров новых пополнений необходимо учитывать не только данные о приросте численности рабочего класса, но и естественную убыль из его рядов.

Рассмотрим этот вопрос применительно к истории рабочего класса в годы довоенных пятилеток. Так, в «Итогах выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» говорилось, что «в 1928—1932 гг. всего было вовлечено в различные отрасли труда около 12,6 млн. человек рабочих и служащих (в эту цифру включено 1,3 млн. человек, заместивших выбывших: умерших, инвалидов, ушедших на учебу)»[9].

В 1936 г. были опубликованы статистические данные о новых пополнениях рабочих и служащих, вовлекав-

[6] «Индустриализация СССР. 1938—1941 гг.». Документы и материалы. М., 1973, стр. 144—145.

[7] Там же, стр. 127.

[8] Подсчеты произведены на основе данных таблицы о численности рабочих и служащих в промышленности и сведений о росте производительности труда за 1928—1940 гг. (см. «Промышленность СССР». Стат. сб. М., 1957, стр. 23).

[9] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». Изд. 2. М., 1934, стр. 174.

шихся в народное хозяйство страны в целом и в крупную промышленность в частности с 1929 по 1935 г. Число новых рабочих и служащих было исчислено, как это специально отмечалось, с учетом принятых взамен естественной убыли (табл. 5).

Таблица 5

ЧИСЛО НОВЫХ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В ПРОИЗВОДСТВО
(в млн. человек)

Годы	Народное хозяйство СССР в целом		Крупная промышленность	
	Общее число рабочих и служащих (в среднем за год)	Принято на работу новых рабочих и служащих	Общее число рабочих и служащих (на конец года)	Принято на работу новых рабочих и служащих
1929	12,2	1,1	3,6	0,5
1930	14,5	2,9	5,0	1,6
1931	19,0	5,3	6,3	1,6
1932	22,9	4,8	6,4	0,4
1933	22,3	0,3	6,4	0,3
1934	23,7	2,3	6,9	0,8
1935	24,8	2,1	7,5	0,9

Исходные данные: «Проблемы экономики», 1936, № 6, стр. 215; «СССР — страна социализма». Стат. сб. М., 1936, стр. 67.

По расчетам Б. Л. Маркуса, в 1926—1929 гг. общее число рабочих и служащих во всем народном хозяйстве возросло на 3,7 млн. человек. С учетом замены выбывших по разным причинам (смертность, инвалидность, уход на учебу, возврат в деревню, в домашнее хозяйство и т. п.) численность новых кадров определяется им примерно в 5—5,5 млн. человек. В 1930—1934 гг. во все отрасли труда, по оценке того же автора, было вовлечено еще около 13,5 млн. человек. За годы второй пятилетки контингенты рабочих и служащих увеличились на 4 млн. Приняв во внимание естественную убыль и убыль по другим уважительным причинам, составлявшую примерно 5% в год, Б. Л. Маркус пришел к выводу, что за эти четыре года в хозяйство было вовлечено около 8—9 млн. человек [10].

[10] *Б. Маркус.* Труд в социалистическом обществе. М., 1939, стр. 148, 187, 212.

М. Я. Сонин считает, что численность новых пополнений рабочих и служащих за годы первой пятилетки составила 12,5 млн. человек, а в 1933—1937 гг. — 7,7 млн. [11]

Таковы оценки размеров новых пополнений за отдельные годы и этапы реконструктивного периода. К сожалению, они не охватывают периода целиком. К тому же налицо расхождения в цифрах, что, по-видимому, объясняется различиями в исходных данных и методике подсчетов.

Попытаемся определить размеры новых пополнений рабочего класса в годы реконструкции. Сделать это возможно из-за состояния статистики лишь по данным, относящимся к совокупной численности рабочих и служащих в народном хозяйстве страны.

Прежде всего вернемся к вопросу о размерах убыли работающих. В советской экономической литературе говорится, что она «складывается из двух основных величин: естественной убыли (переход на инвалидность, смертность) и социальной убыли, т. е. убыли по семейно-бытовым, экономическим и прочим причинам, не относящимся к естественным. На основании многолетних статистических данных естественная убыль, которая колеблется относительно незначительно, поддается более или менее точному учету и планированию» [12]. «По ориентировочным данным, в настоящее время, — писал М. Я. Сонин в 1959 г.,— естественная убыль составляет по отношению к численности рабочих и служащих в среднем по СССР около 4% в год». На этой основе делается вывод о продолжительности периода трудовой деятельности примерно в 25 лет [13].

Продолжительность периода трудовой деятельности в довоенные годы была меньшей, чем в послевоенные, а убыль соответственно несколько большей. М. Я. Сонин полагал убыль работников в то время равной 5% в год, а средний срок продолжительности трудовой деятельности — равным 20 годам [14].

[11] *М. Я. Сонин.* Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М., 1959, стр. 143.
[12] Там же, стр. 335.
[13] Там же, стр. 36.
[14] Там же, стр. 35. Естественная убыль в одной из работ Б. Маркуса была условно принята равной 3—4% (*Б. Маркус.* Социалисти-

Советское правительство еще в 1922 г. установило обязательный минимум («броню») подростков, которых были обязаны принимать предприятия и организовывать их обучение. Это было необходимо не только в целях ликвидации безработицы среди молодежи, но и диктовалось заботой о будущем страны. К середине 20-х годов удельный вес подростков на предприятиях сложился в пределах 5—6% от общего числа рабочих, что соответствовало нормальному процессу смены кадров, так как естественная убыль, по подсчетам Госплана, составляла в то время 4,6% в год[15]. Примерно такие же цифры приводятся другими исследователями[16]. Они подкрепляются и архивными материалами[17]. Данные о численности новых пополнений за 1929—1935 гг. (табл. 5) также позволяют утверждать, что убыль составляла в то время примерно 4—5% от среднегодовой численности рабочих и служащих.

Приняв естественную убыль работающих в пределах 4—5%, мы попытались на основе уточненных данных о среднегодовой численности рабочих и служащих определить размеры новых пополнений, ежегодно вовлекаемых в народное хозяйство страны. Для этого к величине прироста рабочих и служащих за год прибавлялась величина естественной убыли за тот же год (табл. 6).

Результаты подсчетов показывают, что в 1926—1928 гг. в народное хозяйство влилось 3,9—4,2 млн. новых рабочих и служащих. За четыре года первой пятилетки новое пополнение составило 15,2—15,8 млн. человек, а в годы второй пятилетки — 9,2—10,5 млн. Наиболее высокие темпы привлечения новой рабочей силы отмечались в последние три года первой пятилетки. Новые работники составляли от общей численности рабочих и служащих в 1930 г. 23%, в 1931 г. — 27—28 и

ческое воспроизводство рабочей силы и ее использование. — «Проблемы экономики», 1940, № 8, стр. 23).

[15] *А. П. Финаров.* Коммунистическая партия — организатор и вдохновитель великого трудового подъема рабочего класса СССР в 1926—1929 гг. — «Ученые записки кафедр общественных наук Калининского политехнического ин-та». Вып. 1, ч. 1. Калинин, 1970, стр. 41.

[16] *А. Э. Котляр.* Рабочая сила в СССР (Вопросы теории воспроизводства). М., 1967, стр. 65.

[17] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 20, ед. хр. 74, л. 55.

Таблица 6

ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ НОВЫХ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СТРАНЫ

(млн. человек)

Годы	Среднегодовая численность	Прирост	Естественная убыль	Размер новых пополнений в целом по народному хозяйству
1925	8,6			
1926	10,0	1,4	0,3—0,4	1,7—1,8
1927	10,7	0,7	0,4—0,5	1,1—1,2
1928	11,4	0,7	0,4—0,5	1,1—1,2
1929	12,4	1,0	0,5—0,6	1,5—1,6
1930	15,4	3,0	0,5—0,6	3,5—3,6
1931	20,2	4,8	0,6—0,8	5,4—5,6
1932	24,2	4,0	0,8—1,0	4,8—5,0
1933	23,5	—0,7	0,8—1,0	0,1—0,3
1934	24,8	1,3	0,9—1,2	2,2—2,5
1935	25,9	1,1	1,0—1,2	2,1—2,3
1936	27,2	1,3	1,0—1,3	2,3—2,6
1937	28,6	1,4	1,1—1,4	2,5—2,8
1926—1937				28,3—30,5

Исходные данные: «Труд в СССР». М., 1968, стр. 22. Аналогичные расчеты, произведенные на основе сведений о среднегодовой численности рабочих и служащих за 1924—1937 гг., опубликованных в 30-х годах («Труд в СССР». Стат. сб. М., 1936, стр. 10; «Плановое хозяйство», 1937, № 3, стр. 242; «Плановое хозяйство», 1939, № 8, стр. 179), позволяют установить, что в 1926—1928 гг. в народное хозяйство было вовлечено 4,2—4,5 млн. человек, в 1929—1932 гг. — 13,7—14,2 млн., в 1933—1937 гг. — 8,6—9,9 млн. Данные о размерах новых пополнений за 1929—1935 гг. практически совпадают с данными табл. 5, что, в известной мере, является показателем верности примененной в наших расчетах методики.

в 1932 г. — 19—21%. В остальные годы реконструктивного периода (за исключением 1933 г.) ежегодные пополнения по своему удельному весу были примерно одинаковы и составляли в среднем 9—10% от ежегодной численности работающих. Меньше всего новых рабочих и служащих влилось в народное хозяйство страны в 1933 г. Пополнения составили тогда 0,1—0,3 млн. человек, что не могло покрыть даже естественной убыли работающих. «Сокращение общей численности рабочих и служащих по всему народному хозяйству, — говорил по этому поводу председатель Госплана СССР В. И. Межлаук, — происходило в громадной части не путем их увольнения, а путем прекращения набора лиш-

них и перераспределения избыточных рабочих между промышленностью и сельским хозяйством»[18].

Сокращение численности рабочих наблюдалось в этом году и в промышленности. Выполнение производственной программы с меньшим числом рабочих было возможно благодаря укреплению трудовой дисциплины и значительному подъему производительности труда.

Связь между прогулами и необходимостью содержания большого числа лишних рабочих на производстве отмечалась в резолюции XV конференции ВКП(б) о хозяйственном положении страны и задачах партии. В ней говорилось, что «резко возросший процент прогулов приводит к необходимости, в целях бесперебойности производства, содержать значительный штат излишних рабочих (на случай возможных невыходов), тем самым значительно удорожая производство»[19].

Некоторое представление о значимости прогулов дают следующие данные: только по промышленности Ивановской области в 1928 г. было потеряно за счет прогулов 713 тыс. человеко-дней. В 1932 г. при незначительном росте численности рабочих по области прогулы составили 2 235 тыс. человеко-дней. Это было равносильно тому, что в течение года не работало бы предприятие с 8110 рабочими[20].

Укрепление трудовой дисциплины, приведшее в 1933 г. к резкому сокращению прогулов, по своему экономическому эффекту было равносильно вовлечению в производство большого числа новых рабочих. В этом можно убедиться благодаря следующим несложным подсчетам на примере промышленности.

В 1932 г. в промышленности было занято 6 007 тыс. рабочих, а в 1933 г.— 6 006 тыс. Прогулы по неуважительным причинам в 1932 г. составляли 5,96 дней на одного рабочего, а в 1933 г. — только 0,93 дня. Отсюда следует, что всего в 1932 г. за счет прогулов было потеряно 35 803 тыс. человеко-дней, а в 1933 г. — только 5 586 тыс. Если учесть, что рабочий был занят на производстве примерно 265 дней в году, то можно сказать, что в 1932 г. не работало круглый год 135 тыс. рабочих,

[18] *В. Межлаук.* Народнохозяйственный план 1934 г. — «Плановое хозяйство», 1934, № 5—6, стр. 20.

[19] «КПСС в резолюциях...», т. 3, стр. 380.

[20] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 20, ед. хр. 121, л. 30.

а в 1933 г. — 21 тыс. Таким образом, экономический эффект сокращения прогулов по неуважительным причинам в промышленности СССР в 1933 г. был равносилен вовлечению в производство 114 тыс. новых рабочих[21]. Замедление темпов роста производительности труда к концу первой пятилетки сменилось скачком в 1933 г., когда в тяжелой промышленности темпы роста производительности труда почти удвоились, а в промышленности в целом более чем утроились[22]. Это было результатом успехов в освоении новой техники и в укреплении трудовой дисциплины.

Примененная при составлении табл. 6 методика расчетов позволяет определить удельный вес пополнений каждого года в общей численности рабочих и служащих. Естественно, что не все из вовлеченных закреплялись на производстве. Для определения итоговой численности работников, влившихся в народное хозяйство за ряд лет, необходимо использовать другую методику, которая была предложена в свое время Б. Л. Маркусом. Суть ее видна из следующего рассуждения. «Накануне первой пятилетки, — писал Б. Л. Маркус, — общее количество рабочих и служащих в народном хозяйстве не превышало 11,6 млн. человек. Если условно принять, что весь рабочий класс полностью обновляется в 25—30 лет, т. е. убыль по естественным причинам составляет в год примерно $1/25$—$1/30$ часть от общего состава работающих (3—4%), то можно сделать вывод, что за истекшее с 1928 г. время убыль по естественным причинам составляет уже около 4—5 млн. человек. Это значит, что из состава тех кадров, которые включились в производство до начала первой пятилетки, у нас имеется сейчас примерно 6—7 млн. рабочих и служащих. Между тем уже в 1938 г. во всех отраслях народного хозяйства насчитывалось около 28 млн. рабочих и служащих. Это значит, что за десятилетие было вовлечено в производство около 21—22 млн. новых людей»[23]. Отсюда можно установить, что 75—79% всех

[21] Исходные данные: «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.», стр. 516; «Труд в СССР». М., 1936, стр. 96; «Промышленность СССР». М., 1964, стр. 87.

[22] «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг.», стр. 90.

[23] *Б. Маркус.* Социалистическое воспроизводство рабочей силы и ее использование. — «Проблемы экономики», 1940, № 8, стр. 23.

рабочих и служащих в 1938 г. имели стаж работы на производстве менее 10 лет, а остальные 21—25% — более 10 лет.

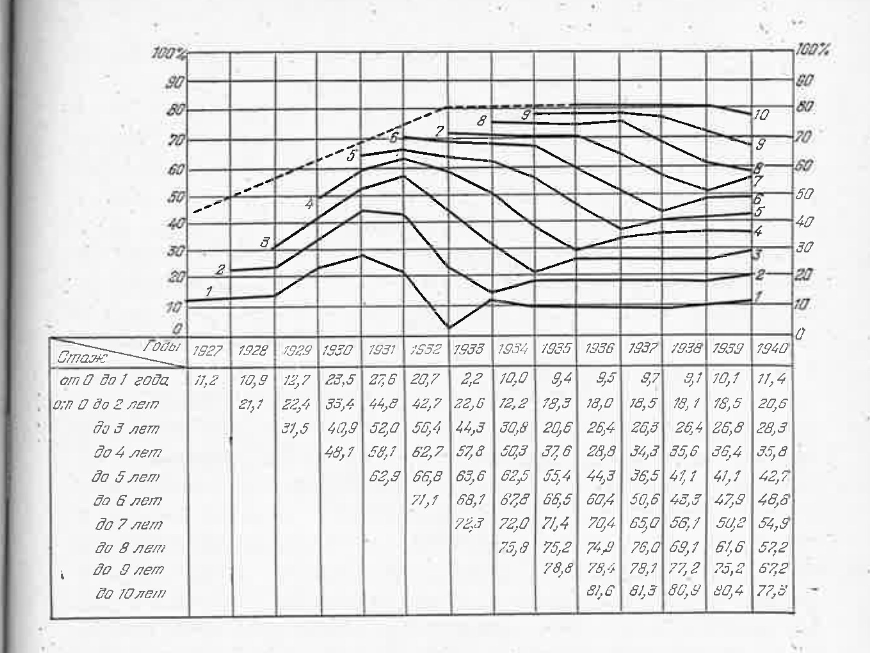
Таким образом, на основе динамики среднегодовой численности работающих и величины естественной убыли можно приблизительно определить удельный вес работников, занятых на производстве в предыдущие годы, в составе занятых в каждый из последующих годов и установить таким образом соотношение работающих по производственному стажу. Такую методику мы использовали для выявления динамики общего стажа рабочих и служащих за годы реконструктивного периода. Однако если при определении численности новых пополнений величина естественной убыли была взята в пределах 4—5%, то в данном случае принято ее максимальное значение (5%), поскольку такие явления, реально имевшие место, как возврат некоторой части рабочих в деревню, в домашнее хозяйство и т. д., фактически должны были уменьшить средний стаж рабочих и служащих.

Расчеты показывают, что в составе 28,6 млн. человек, занятых в народном хозяйстве СССР в 1937 г., было примерно 4,5 млн. из числа работавших в 1926 г. Таким образом, итоговая численность новых пополнений, влившихся в народное хозяйство страны во время реконструктивного периода, составляла к 1937 г. около 24 млн. человек.

Огромные масштабы вовлечения новых рабочих и служащих обусловили изменения в соотношении старых и новых кадров, занятых в народном хозяйстве. Динамика изменения состава рабочих и служащих по производственному стажу отражена в графике на стр. 113

Из графика видно, что начиная с 1926 по 1931 г. включительно происходит значительное увеличение доли рабочих и служащих с малым стажем, а количество работников с большим стажем постоянно сокращается. Так, группа рабочих и служащих со стажем до одного года, составлявшая в 1927—1929 гг. 11—12%, в 1930 г. насчитывала 23,5%, а к началу 1931 г. — 27,6%. Рабочие и служащие со стажем до трех лет составляли в 1929 г. 31,5%, а в 1932 г. — более половины (56,4%).

Тенденция к улучшению в распределении по стажу намечается в 1931 г. Удельный вес группы рабочих и

Стаж \ Годы	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
от 0 до 1 года	11,2	10,9	12,7	23,5	27,6	20,7	2,2	10,0	9,4	9,5	9,7	9,1	10,1	11,4
от 0 до 2 лет		21,1	22,4	35,4	44,8	42,7	22,6	12,2	18,3	18,0	18,5	18,1	18,5	20,6
до 3 лет			31,5	40,9	52,0	56,4	44,3	30,8	20,6	26,4	26,3	26,4	26,8	28,3
до 4 лет				48,1	58,1	62,7	57,8	50,3	37,6	28,8	34,3	35,6	36,4	35,8
до 5 лет					62,9	66,8	63,6	62,5	55,4	44,3	36,5	41,1	41,1	42,7
до 6 лет						71,1	68,1	67,8	66,5	60,4	50,6	45,3	47,9	48,6
до 7 лет							72,3	72,0	71,4	70,4	65,0	56,1	50,2	54,9
до 8 лет								75,8	75,2	74,9	76,0	69,1	61,6	57,2
до 9 лет									78,8	78,4	78,1	77,2	75,2	67,2
до 10 лет										81,6	81,3	80,9	80,4	77,8

Динамика изменения общего стажа рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве СССР *

служащих, имеющих стаж до одного года, уменьшился за 1931 г. с 27,6 до 20,7%, а группы со стажем до двух лет — с 44,8 до 42,7%.

Улучшение качественного состава рабочего класса продолжалось вплоть до начала Великой Отечественной войны. К концу 30-х годов сложилось новое, отличное от второй половины 20-х годов устойчивое соотношение групп рабочих и служащих с различным стажем. Наиболее быстро стабильность приобрела группа со стажем до одного года. Удельный вес этой группы установился в 1932—1934 гг. на уровне 9—10% и оставался практически неизменным до 1941 г. В 1934—1936 гг. происходит стабилизация удельного веса группы со стажем до трех лет (54,4% — в 1932 г., после 1934 г. — около 26—27%). Численность группы со ста-

* Исходные данные: «Труд в СССР». М., 1968, стр. 22.

жем менее пяти лет снизилась с 62,7% в 1932 г. до 41—42% в 1936—1938 гг.

Таким образом, в годы второй и третьей пятилеток постоянно растет число рабочих и служащих, имеющих относительно высокий стаж работы. Так, удельный вес прослойки рабочих и служащих со стажем более шести лет в 1932—1935 гг. составлял 30—33%, а в 1937—1940 гг. — около 52—53%. Удельный вес группы со стажем более десяти лет в 1936 г. был равен 18,4%. Примерно такой же уровень был характерен и для 1932—1940 гг., обнаруживая незначительную тенденцию к повышению в предвоенные годы.

Следует иметь в виду, что приведенные данные характеризуют изменения, происходившие в составе работающих в целом. Естественно, что в отдельных отрядах рабочего класса соотношение рабочих по стажу было иным. Значительно лучше средних показателей оно было у промышленных рабочих, в наибольшей мере сохранявших кадровый костяк, и худшим среди строителей, лесорубов, сельскохозяйственных рабочих и др. Объясняется это тем, что часть новых рабочих приходила в промышленность, поработав предварительно в других отраслях хозяйства. Своеобразным каналом продвижения новых рабочих в промышленность выступало строительство [24]. Например, только за годы второй пятилетки со строительства в промышленность и другие несельскохозяйственные отрасли перешло не менее 2 млн. человек [25].

Социальный состав новых рабочих

Рост численности рабочего класса в реконструктивный период происходил как на собственной основе, так и

[24] *Я. Кваша* и *Ф. Шофман.* К характеристике социального состава фабрично-заводских рабочих СССР. — «Пути индустриализации», 1930, № 1, стр. 36; «Перепись рабочих и служащих 1929 года», т. I. «Металлисты СССР». М., 1930, стр. 23; *М. Т. Гольцман.* Состав строительных рабочих СССР в годы первой пятилетки. — «Изменения в численности и составе советского рабочего класса». Сб. статей. М., 1961, стр. 158—159.

[25] *М. Я. Сонин.* Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда, стр. 127.

за счет вовлечения в его ряды представителей других социальных групп населения.

В начальные годы реконструкции среди новых пополнений преобладали горожане. Первое место по своему удельному весу занимали пополнения из семей рабочих. Так, по данным Госплана СССР, удельный вес крестьянства в комплектовании рабочей силы городов в 1927—1930 гг. составлял лишь 40% [26]. По расчету, произведенному Институтом экономики труда, в период с 1 января 1927 г. по 1 февраля 1931 г. выходцы из деревни насчитывали 40,9% среди новых пополнений рабочего класса [27]. Л. С. Рогачевская на основе изучения данных бирж труда также пришла к выводу, что «приблизительно 40% всех рабочих, влившихся в промышленность в 1926—1927 гг., дала деревня» [28]. Естественно, что соотношение выходцев из города и деревни в формировании отдельных отрядов рабочего класса было различным. Об этом, в частности, свидетельствуют данные переписи 1929 г. Наиболее активно черпала свои кадры в рабочей среде текстильная промышленность, металлообработка и машиностроение. Преимущественно из деревни получала новое пополнение каменноугольная, рудная и нефтяная промышленность [29].

В последующие годы реконструктивного периода произошли существенные сдвиги в источниках новых пополнений. По материалам Госплана, относящимся к 1933 г., за годы первой пятилетки в различные отрасли народного хозяйства было вовлечено 12,5 млн. человек, из которых 8,5 млн. (68%) приходится на крестьян—бедняков, середняков и колхозников [30]. В «Итогах выполнения первого пятилетнего плана...» были приведены более полные данные относительно состава новых пополнений рабочих и служащих. Их объем определен в 12,6 млн. человек, из которых 4 млн. (31,8%) приходи-

[26] *Р. П. Дадыкин.* О численности и источниках пополнения рабочего класса СССР (1928—1937 гг.). — «Исторические записки», т. 87, 1971, стр. 39.

[27] *Я. Мебель.* Рост пролетариата и подготовка кадров. — «Ударник», 1932, № 17—18, стр. 37.

[28] *Л. С. Рогачевская.* Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации. 1926—1927 гг. М., 1959, стр. 56.

[29] «Труд в СССР». Справочник. 1926—1930 гг. М., 1930, стр. 28—29.

[30] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 17, д. 305а, л. 2.

лось на горожан, а остальные 8,6 млн. (68,2%) составляли бывшие крестьяне.

Городские пополнения распределялись следующим образом: 1,7 млн. человек (13,5% всего состава новых рабочих и служащих) приходилось на молодежь, около 0,5 млн. (4%) — на выпускников вузов и техникумов, около 1,4 млн. (11,1%) — на ранее не работавших на производстве женщин, а около 0,4 млн. (3,2%) — на прочих (кустари и др.) [31].

Как уже отмечалось, во вторую пятилетку темпы роста численности рабочего класса значительно снизились. Его воспроизводство в большей мере, чем в первой пятилетке, осуществлялось на собственной основе. Однако и в этот период крестьянство продолжало составлять значительную часть новых пополнений. По данным Госплана, потребность в рабочих за годы второй пятилетки была удовлетворена за счет выпускников ФЗУ (1,4 млн.), контингента городских домашних хозяек и прочих городских ресурсов (1 млн. человек), а также за счет трудовых ресурсов деревни (2,5 млн. человек) [32]. По оценке М. Я. Сонина, общая численность сельского, преимущественно колхозного, населения, вошедшего в состав рабочих и служащих (включая колхозную молодежь, окончившую школы ФЗУ и типа ФЗУ в количестве 800 тыс. человек), составила за 1933—1937 гг. 4,2 млн. человек, или около 54% всех пополнений [33].

Приведенные данные о соотношении численности новых пополнений рабочих и служащих на отдельных этапах социалистической индустриализации позволяют оценить их социальный состав за весь период. Исходя из расчета, что крестьянские пополнения составляли в 1926—1928 гг. 40%, в 1929—1932 г.. — 68 и в 1933—1937 гг. — 54%, получим, что за 1926—1937 гг. крестьяне дали 59,5% всех новых рабочих и служащих, а 40,5% — городские жители [34]. Советское крестьянство, таким образом, внесло большой вклад в создание индустриальной мощи СССР.

Крестьянство, пришедшее в ряды рабочего класса в первые годы реконструктивного периода, было в основном единоличным. Это и неудивительно, поскольку вплоть до 1929 г. в деревне насчитывалось менее 2% крестьянских хозяйств, объединившихся в колхозах [35].

Таблица 7

СООТНОШЕНИЕ КОЛХОЗНИКОВ И ЕДИНОЛИЧНИКОВ СРЕДИ НОВЫХ ПОПОЛНЕНИЙ РАБОЧЕГО КЛАССА (в %)

Время начала работы на производстве	Черная металлургия		Электротехническая промышленность	
	единоличники (бедняки и середняки)	колхозники	единоличники (бедняки и середняки)	колхозники
1926—1927	90,3	9,7	85,3	14,7
1928—1929	90,3	9,7	83,4	16,6
1930	89,3	10,7	83,2	16,8
1931	88,3	11,7	82,3	17,7
1932—1933	88,4	11,6	83,1	16,9

Исходные данные: «Профсоюзная перепись 1932—1933 гг.». М., 1934, стр. 94—95, 122—123.

По мере развертывания коллективизации создавались условия и для роста численности колхозников в составе пополнений (табл. 7).

В черной металлургии процент колхозников среди сельских пополнений рабочего класса составлял в 1926—1927 гг. 9,7%, а в 1932—1933 г. — 11,6%. В электротехнической промышленности — соответственно 14,7% и 16,9%.

О значительном росте численности колхозников среди новых рабочих говорят данные о составе членов

[31] «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». Изд. 2, стр. 174.

[32] ЦГАНХ СССР. ф. 4372, оп. 38, д. 395, л. 3.

[33] *М. Я. Сонин.* Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда, стр. 143.

[34] Рассчитано по: «Труд в СССР». М., 1968, стр. 22. Аналогичные результаты (59 и 41%) получены и при определении удельного веса городских и сельских пополнений на основе материалов, публиковавшихся в 30-е годы («Труд в СССР». Стат. справочник. М., 1936, стр. 10; «Плановое хозяйство», 1937, № 3, стр. 242; 1939, № 8, стр. 179).

[35] На 1 июля 1928 г. процент коллективизации сельского хозяйства в СССР составлял 1,7, а на 1 июля 1929 г. — 3,9 («Страна Советов за 50 лет». Сб. стат. материалов. М., 1967, стр. 11).

профсоюза. Так, по сведениям Ленинградского облпрофсовета, среди вступивших в профсоюзы во втором полугодии 1931 г. колхозников насчитывалось 28,9%, а единоличников — 71,1% всех крестьянских пополнений (в первом полугодии 1932 г. — соответственно 32,3 и 67,7%, а во втором — 37,4 и 62,6%)[36]. По статистике ВЦСПС, из 827 тыс. заявлений о приеме в члены профсоюзов, поданных во втором полугодии 1931 г., 64,7% приходилось на прибывших из деревень крестьян, 60,5% из них являлись единоличниками[37].

В 1931 г. отходники из колхозов составляли по всему Союзу ССР 34% всех рабочих, пришедших в промышленность из деревни[38]. В 1932 г. из 1 922 865 человек, влившихся во все отрасли народного хозяйства РСФСР посредством организованного набора, 42,3% составляли колхозники[39].

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что к концу первой пятилетки удельный вес колхозников возрос примерно до половины всех сельских пополнений. В годы второй пятилетки доля колхозников выросла еще больше.

Так, Главуглем Наркомтяжпрома СССР для пополнения рабочих кадров Донецкого и других угольных бассейнов с 1 января по 15 декабря 1935 г. в Воронежской и Курской областях было набрано 16 651 человек, среди которых колхозники составляли 56,3%, а единоличники — 43,7%. Этой же организацией на протяжении 1936 г. было завербовано в пяти областях Украины 5145 человек, 78,5% из них составляли колхозники[40].

О неуклонном росте удельного веса колхозников среди новых пополнений рабочего класса в годы предвоенных пятилеток свидетельствуют и данные о составе учащихся школ ФЗУ (табл. 8).

[36] *И. Ильин.* Лицо новых пополнений ленинградского пролетариата. — «Вопросы профдвижения», 1933, № 10, стр. 49.
[37] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 17, д. 305а, л. 2.
[38] *А. Евдокимов.* Об отходничестве из колхозов. М.—Л., 1931, стр. 13.
[39] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 17, д. 553, л. 235.
[40] «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.», стр. 462, 465, 486, 487.

Таблица 8

ДЕТИ КРЕСТЬЯН В СОСТАВЕ УЧАЩИХСЯ ШКОЛ ФЗУ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (в %)

Год	Удельный вес детей крестьян в составе учащихся школ ФЗУ	Среди них:	
		дети колхозников	дети единоличников
1930	15,1	18,4	81,6
1932	41,0	58,3	41,7
1933	40,4	57,2	42,8
1935	37,7	71,6	28,4
Прием на 1 октября 1935 г.	50,0	80,0	20,0

Исходные данные: «Вопросы профдвижения», 1934, № 12, стр. 67; 1935, № 9, стр. 78; 1936, № 10, стр. 86.

Если в 1930 г. дети колхозников составляли 18,4% состава учащихся из крестьян, то на 1 октября 1935 г. их насчитывалось 80%.

Резкое снижение доли единоличников среди новых крестьянских пополнений рабочего класса к концу реконструктивного периода показывают и данные учета механического движения населения городов. Например, в Ленинград в 1937 г. прибыло 161 905 человек. Из них колхозники составляли 36,7, а единоличники — 1,7%. В составе прибывших в Ленинград крестьян на долю колхозников приходилось, таким образом, 95,5%, а на единоличников — 4,5%[41]. В целом приведенные материалы свидетельствуют о громадном качественном росте крестьянских пополнений, их возрастающей социальной близости к рабочему классу.

Следует отметить, что лишь небольшая часть крестьян из состава их общего притока приходила непосредственно в промышленность. Для большинства из них своеобразным промежуточным этапом были сезонные и временные работы. Об объеме этих работ в годы реконструктивного периода в известной мере можно судить по размерам отходничества и организованного набора рабочей силы (табл. 9).

[41] Рассчитано по: «Ленинградские рабочие в борьбе за социализм. 1926—1937». Л., 1965, стр. 292.

Таблица 9

ОТХОДНИЧЕСТВО И ОРГАНИЗОВАННЫЙ НАБОР РАБОЧЕЙ СИЛЫ
(в тыс. человек)

Отходничество		Оргнабор	
Годы	численность	Годы	численность
1924/25	2867	1933	1887
1925/26	3285	1934	3247
1926/27	3145	1935	3124
1927/28	5451	1936	3104
1928/29	4343	1937	1570
1931*	5454	1938	2011
1932*	3542	1939	2315
		1940	2327

* Вместе с оргнабором.

Исходные данные: Ю. В. Арутюнян. Коллективизация сельского хозяйства и высвобождение рабочей силы для промышленности. — «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)». М., 1961, стр. 102; *М. Я. Сонин.* Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда, стр. 182.

Динамика отходничества и оргнабора в целом отражает особенности индустриального развития страны. Приток сельскохозяйственного населения в промышленность посредством этих форм пополнения был особенно значительным на первых этапах социалистической реконструкции народного хозяйства. В последующем, несмотря на отдельные колебания, наблюдается значительное снижение численности рабочих, поступающих на производство по оргнабору. Уменьшение роли оргнабора во второй и третьей пятилетках определялось несколькими факторами — увеличением срока работы завербованных, сокращением сезонности производства и постоянно возрастающей потребностью промышленности не столько в количественном, сколько в качественном росте новых пополнений. На завершающих этапах индустриализации промышленность нуждалась прежде всего в обученных кадрах рабочих.

Как правило, продолжительность работы в отходе и по оргнабору была невелика, но на протяжении рассматриваемого периода она имеет тенденцию к увеличению. Так, средняя продолжительность отхода в 1924 г. составляла, по данным Наркомтруда, 4—5 месяцев. По данным выборочных обследований, проводившихся в 1933—1935 гг., длительность работы колхозников, поступающих в порядке оргнабора, увеличилась до 5—6 месяцев. В 1940 г. продолжительность работы в отходе составляла уже около 8—9 месяцев [42].

Труд сезонных и временных рабочих применялся в самых разнообразных областях народного хозяйства, но по преимуществу был связан с выполнением малоквалифицированной работы. Так, в 1927/28 г. отходники распределялись следующим образом: занятых на сельскохозяйственной работе насчитывалось 13,3%, чернорабочих — 17,2, строителей — 19,9, занятых на заготовке и сплаве леса — 22,4, фабрично-заводских и ремесленных рабочих — 8,4, горнорабочих — 3,3, торфяников — 2,9, транспортников — 3,6, занятых в рыбной промышленности — 1,2, работающих в качестве прислуги — 2,0 и прочих — 5,8% [43]. В 1931 г. во всех сезонных производствах было около 7 млн. человек, в том числе на строительстве — около 2,5 млн., на лесозаготовках — около 1,5 млн., на лесосплаве — около 500 тыс. и в совхозах — более 1,5 млн. человек [44]. Широко применялся труд сезонных рабочих и в угольной промышленности. Так, Подмосковный угольный бассейн до 1931 г. функционировал по преимуществу на сезонной рабочей силе из близлежащих деревень, и лишь 18 марта 1931 г. Московский обком ВКП(б) поставил задачу создать в бассейне постоянные кадры рабочих [45].

Растущее техническое оснащение производства создавало необходимые предпосылки для уменьшения, а в ряде случаев и ликвидации сезонности в работе отдельных отраслей народного хозяйства (прежде всего в угольной, железорудной, строительной промышленности). Если, например, в первые годы реконструктивного периода в связи с развертыванием строительства на слабой производственной базе количество сезонных рабочих в строительстве не только не уменьшалось, но даже возрастало (в 1926/27 г. постоянных рабочих среди строителей насчитывалось 35%, а в 1928/29 г. —

[42] См. «Большевик», 1941, № 7—8, стр. 39; *М. Я. Сонин.* Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда, стр. 185.
[43] «Проблемы экономики», 1930, № 3, стр. 24.
[44] «Ударник», 1932, № 1, стр. 50.
[45] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 20, ед. хр. 222, л. 143.

28,5%)[46], то уже к концу первой пятилетки сезонность в строительстве резко сократилась. Сравнение минимального и максимального на протяжении одного года числа рабочих, занятых в строительстве, показывает, что в 1928 г. в затишье строительного сезона оно было в 2,7 раза меньше, чем в разгар его, а в 1932 г. — только в 1,1 раза[47]. Ликвидация ярко выраженной сезонности строительства создала необходимые условия для роста постоянной армии квалифицированных строителей.

Уменьшение числа сезонных и временных рабочих наблюдалось в годы реконструкции также и среди сельскохозяйственных рабочих. В 1928 г. сезонные и временные составляли 69,3% всех сельскохозяйственных рабочих, в 1932 г. — уже 44,4, а в 1937 г. — только 28,5%[48].

Сокращение сезонных колебаний производства обусловило сокращение оргнабора в годы второй пятилетки. Однако и к концу реконструктивного периода размеры временно привлекаемой рабочей силы оставались еще значительными. Так, в 1936 г. в промышленности, строительстве, на транспорте и в сельском хозяйстве насчитывалось свыше 3 млн. сезонных рабочих[49]. 70% всех организованно набранных рабочих в 1935—1936 гг. направлялись в отрасли, которые в наибольшей степени сохраняли сезонность производства (сельское хозяйство, торфоразработки, лесозаготовки и лесосплав, погрузочно-разгрузочные работы, рыбная путина)[50].

Ослабление притока рабочей силы из деревни по оргнабору к началу третьей пятилетки привело к значительному недовыполнению планов роста рабочего класса. В 1937 г. в РСФСР по оргнабору было привлечено 1 147 тыс. человек, но это составило лишь 47,9% от запланированного числа. Такого недовыполнения годового плана не было за всю историю оргнабора[51].

[46] *М. Т. Гольцман.* Состав строительных рабочих СССР в годы первой пятилетки. — «Изменения в численности и составе советского рабочего класса». Сб. статей. М., 1961, стр. 146.
[47] «Труд в СССР». Стат. справочник. М., 1936, стр. 244.
[48] «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.», стр. 494.
[49] «Плановое хозяйство», 1936, № 9—10, стр. 132—133.
[50] *М. Я. Сонин.* Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда, стр. 187.
[51] Там же, стр. 182, 185.

В годы третьей пятилетки партия и правительство приняли ряд мер по упорядочению организованного набора рабочих из числа колхозников[52]. Улучшение практики оргнабора обусловило рост числа привлеченных по оргнабору с 1 570 тыс. в 1937 г. до 2,4 млн. в 1940 г. Однако в 1937 г. промышленность, транспорт и строительство недополучили по оргнабору 1,2 млн. рабочих, в 1938 г.— 1,3 млн., в 1939 г.— более 1,5 млн. человек[53]. В 1940 г. план набора рабочей силы по 26 наркоматам был выполнен на 76%. Не выполнялись планы вовлечения молодых рабочих и через фабрично-заводские училища[54].

В условиях сложной международной обстановки и угрозы военной опасности в годы третьей пятилетки Советское государство было вынуждено принять меры по укреплению обороноспособности страны и увеличению численности Вооруженных Сил с 1,5 млн. человек в январе 1938 г. до 4,2 млн. в начале 1941 г.[55].

Значительные контингенты рабочих были призваны на службу. Ускоренные темпы развития оборонной промышленности, необходимость замены призванных в армию требовали новых, более эффективных путей решения проблемы пополнения рабочего класса. 2 октября 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О государственных трудовых резервах СССР», которым предусматривалась подготовка и передача в промышленность ежегодно от 800 тыс. до 1 млн. новых квалифицированных рабочих[56].

По первому набору в декабре 1940 г. в учебных заведениях системы трудовых резервов приступили к занятиям 602,5 тыс. юношей и девушек, примерно половину из

[52] «Собрание постановлений правительства СССР», № 31, 7 августа 1938 г.; *А. В. Митрофанова.* Источники пополнения состава рабочего класса СССР в годы третьей пятилетки (1938—июнь 1941 г.).— «Изменения в численности и составе советского рабочего класса». Сб. статей. М., 1961, стр. 213.
[53] «Большевик», 1941 г., № 7—8, стр. 39.
[54] *А. В. Митрофанова.* Источники пополнения и состав рабочего класса СССР в годы третьей пятилетки (1938 — июнь 1941 г.). — «Изменения в численности и составе советского рабочего класса». Сб. статей, стр. 210.
[55] «50 лет Вооруженных Сил СССР». М., 1968, стр. 198, 234.
[56] См. «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам». В 5-ти томах. 1917—1967 гг. Сб. документов за 50 лет, т. 2. М., 1967, стр. 774.

них (48%) составляли представители сельской молодежи[57].

Характеризуя социальный состав новых пополнений рабочего класса, нельзя обходить вниманием выходцев из нетрудовой среды, составлявших незначительную часть новых пополнений. Для 1929 г. численность выходцев из нетрудовой среды оценивается в 3—4% от всех рабочих[58]. По всем данным, никогда на протяжении реконструктивного периода эта цифра не была выше. Но, хотя прослойка выходцев из кулаков и других эксплуататорских слоев и групп в составе рабочего класса была незначительной, ее деморализующее влияние было неизмеримо больше удельного веса, а перевоспитание этой части новых пополнений требовало намного больших усилий и времени, чем для выходцев из трудящихся групп непролетарского населения. Естественно, что наличие такой прослойки тормозило процесс классового перевоспитания отсталых масс новых пополнений, но не могло оказывать на него сколько-нибудь серьезного влияния.

Наиболее обобщенное представление о соотношении в новых пополнениях выходцев из семей рабочих и из других социальных групп можно составить на основе данных о населении всей страны.

Статистика разделяет все население по социальным группам с учетом численности членов семей представителей этих групп. При таком учете изменения в соотношении различных социальных групп населения страны возможны лишь в случае перехода представителей одних групп в другие, поэтому рост удельного веса какой-либо социальной группы с необходимостью влечет за собой сокращение удельного веса других социальных групп (табл. 10).

Из таблицы видно, что даже в случае если в рядах рабочего класса СССР к 1939 г. остались бы все рабочие и члены семей рабочих 1924 г. (10,4% населения страны), то помимо них потребовалось бы вовлечь еще 23,1% населения всей страны. В этом случае соотно-

[57] «Индустриализация СССР. 1938—1941 гг.», стр. 263—264.

[58] *О. И. Шкаратан.* Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (историко-социологическое исследование). М., 1970, стр. 272.

Таблица 10

ИЗМЕНЕНИЕ КЛАССОВОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ СССР (в %)

	1913 г.	1924 г.	1928 г.	1937 г.	1939 г.
Все население (включая неработающих членов семей)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе:					
рабочие и служащие	17,0	14,8	17,6	45,7	50,2
рабочие	14,6	10,4	12,4	...	33,5
служащие	2,4	4,4	5,2	...	16,7
колхозное крестьянство и кооперированные кустари	—	1,3	2,9	48,8	47,2
колхозное крестьянство	—	0,8	1,7	46,7	44,9
кооперированные кустари	—	0,5	1,2	2,1	2,3
крестьяне-единоличники и некооперированные кустари	66,7	75,4	74,9	5,5	2,6
буржуазия, помещики, торговцы и кулаки	16,3	8,5	4,6	—	—

Исходные данные: «Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг.». Юбилейный стат. ежегодник, стр. 35; «Народное хозяйство СССР в 1961 году». Стат. ежегодник. М., 1962, стр. 27.

шение «старых» и «новых» рабочих в их общей численности в 1939 г. выразилось бы как 31 и 69%. К аналогичному выводу приводят результаты подсчетов на примере совокупной численности рабочих и служащих. Соотношение между «старыми» и «новыми» кадрами в данном случае равнялось бы 29,5 и 70,5%.

Поскольку хорошо известно, что многие рабочие и члены их семей меняли свой социальный статус, переходя в состав интеллигенции, служащих, а отчасти и в другие социальные группы, то приведенное соотношение будет иным. Доля рабочих, занятых в народном хозяйстве страны в 1924 г. и продолжавших работу и в 1939 г., и членов семей этих рабочих, вовлеченных в производство за 1924—1939 гг., будет ниже 31%, а доля выходцев из других социальных групп, вовлеченных в ряды рабочего класса за этот период, превысит 69%. Некоторые коррективы в эти цифры можно внести на основе рассмотрения изменений в численности интеллигенции и служащих за это же время.

Интеллигенция и служащие насчитывали в 1924 г. 4,4% всего населения страны. К 1939 г. совокупная

численность этих социальных групп увеличилась более чем в 3 раза и стала составлять 16,7%. Если допустить, что вся интеллигенция и члены их семей после 1924 г. не переходили в другие социальные группы, то даже и в этом случае для достижения фактической численности интеллигенции и служащих к 1939 г. понадобилось бы еще значительное количество выходцев из других социальных групп, которое равнялось бы 12,3% населения страны. Известно, что социалистическая интеллигенция в основном формировалась из представителей передовых отрядов рабочего класса. Учет этого обстоятельства значительно меняет ранее установленное соотношение между новыми пополнениями, старыми и новыми кадрами. Ориентировочно можно считать, что в составе рабочего класса в 1939 г. находилось 85—90% новых тружеников, пришедших в ряды класса после 1924 г. из других социальных групп, главным образом из крестьянства. Эти новые кадры в условиях строительства социализма значительно быстрее, чем до революции, воспринимали основные черты рабочего класса, превращались в кадровых рабочих и затем вместе с потомственными пролетариями активно участвовали в процессе классового воспитания вновь приходящих пополнений.

Роль различных социальных групп населения в процессе пополнения рядов рабочего класса СССР была неодинакова. Изменение численности кооперированных кустарей за 1924—1939 гг. позволяет, например, утверждать, что они не могли служить значительным источником пополнения других категорий населения страны. Удельный вес самих кооперированных кустарей в составе всего населения возрос за это время в 3,6 раза. Это означает, что помимо воспроизводства на собственной основе кооперированные кустари должны были активно пополняться за счет представителей других социальных групп. Естественно, что это пополнение шло главным образом за счет некооперированных кустарей.

Наиболее быстрыми темпами рос в СССР класс колхозного крестьянства. За 1924—1928 гг. удельный вес колхозников в населении страны вырос с 0,8 до 1,7%, т. е. в 2,1 раза. За годы первых двух пятилеток удельный вес колхозного крестьянства увеличился в 27 раз. Однако этот рост был неравномерным. За годы первой

пятилетки удельный вес колхозников вместе с кооперированными кустарями вырос в 14 раз, а за годы второй — лишь в 1,2 раза. В годы третьей пятилетки численность колхозного крестьянства несколько уменьшилась.

Все это позволяет утверждать, что вплоть до конца первой пятилетки колхозное крестьянство также не могло быть основным источником пополнения рабочего класса. Подавляющее же большинство новых рабочих, пришедших в 1924—1928 и 1929—1932 гг. из колхозов, имели незначительный стаж работы в этих коллективных хозяйствах. Лишь в годы второй пятилетки роль колхозного крестьянства среди источников пополнения рабочего класса значительно возрастает: приходящие в ряды рабочих колхозники в массе своей могли иметь стаж работы в колхозах 2—4 года. В целом же все они — недавние крестьяне-единоличники.

Крестьяне-единоличники в 1924 г. представляли собой основную массу населения страны. В дальнейшем они послужили основным источником роста численности рабочих и колхозников. Изменение численности единоличников позволяет проследить их роль как источника пополнения рабочего класса. Так, с 1924 по 1928 г. удельный вес крестьян-единоличников и некооперированных кустарей в населении страны уменьшился всего на 0,5%. В это же время удельный вес рабочего класса и служащих вырос на 2,8%, кооперированных кустарей — на 0,7%, колхозников — на 0,9%.

В годы первой пятилетки удельный вес крестьян-единоличников и некооперированных кустарей в населении страны уменьшился с 74,9 до 30,6%, т. е. на 44,3%. В это же время удельный вес колхозников вместе с кооперированными кустарями вырос на 37,7%, а рабочих и служащих — на 10,7%. (Вместе все эти социальные группы увеличили свой удельный вес на 48,4 пункта.) В итоге около $^3/_4$ всех поменявших свой социальный статус единоличников переместились в ряды колхозного крестьянства и около $^1/_4$ — в ряды рабочих и служащих. Часть бывших единоличников влилась в ряды рабочих и служащих, предварительно пройдя школу коллективного производства в молодых колхозах.

В годы второй пятилетки численность крестьян-единоличников и некооперированных кустарей в Советском

Союзе продолжала быстро сокращаться. Их удельный вес в населении страны уменьшился на 25%. Удельный вес колхозного крестьянства и кооперированных кустарей вырос за это же время на 8,2%, а рабочих и служащих — на 17,4%. Но поскольку известно, что значительная часть пополнений рабочих и служащих пришла за это время из колхозов, приведенные цифры не позволяют установить соотношение крестьян-единоличников и колхозников в составе новых пополнений рабочих и служащих. Вместе с тем эти цифры показывают, что крестьяне-единоличники и в годы второй пятилетки продолжали не только восполнять численность уходящих в ряды рабочих и служащих колхозников и служить основой увеличения численности колхозного крестьянства, но и оставаться одним из непосредственных источников пополнения рабочего класса.

Таковы наиболее общие соображения о социальном составе новых пополнений рабочего класса в переходный период от капитализма к социализму, вытекающие из анализа данных статистики.

Женщины и молодежь в составе новых пополнений

Весьма значительную часть новых пополнений рабочего класса в годы реконструкции составляли женщины. В Советской стране было сделано очень многое для вовлечения их в общественное производство. Коммунистическая партия и Советское правительство исходили при этом из ленинских указаний о том, что грандиозная задача строительства социализма не может быть решена без активного участия женщин и что только путем вовлечения женщин в производство возможно их действительное освобождение и превращение в равноправных и активных членов социалистического общества [59].

В решениях партийных и государственных органов постоянно подчеркивалась необходимость усиления работы среди женщин. Так, в резолюции XV съезда партии было отмечено: «...съезд обращает внимание партии на всю важность еще более усиленного вовлечения широких слоев женского пролетариата и передовых масс крестьянок в дело строительства социализма и рационализации хозяйства, усиливая при этом проведение мероприятий как по поднятию квалификации труда работниц, так и по усилению работы по их бытовому раскрепощению. Только в меру разрешения этой задачи будет на деле перестраиваться на социалистических рельсах и весь трудовой и бытовой уклад широких масс нашей страны» [60]. В специальном постановлении ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» от 15 июня 1929 г. говорилось, что «усиление влияния промышленных работниц на широкие массы трудящихся женщин, рост активности работниц, поднятие их классового самосознания и культурного уровня требуют дальнейшего увеличения женского труда в производстве. Принятый пятилетний план народного хозяйства обеспечивает огромный рост промышленности на базе реконструкции и социалистической рационализации, которая... дает возможность, без ущерба для функции материнства, расширить применение женского труда в производстве, в том числе и в тяжелой индустрии...» [61]. Постановлением был определен ряд конкретных мер, способствовавших вовлечению женщин в производство. 10 января 1931 г. 3-я сессия ЦИК СССР, рассматривая вопрос о подготовке квалифицированной рабочей силы для народного хозяйства страны, в своем постановлении отметила, что «особое внимание должно быть уделено повышению квалификации женщин и вовлечению их в производственную деятельность» [62]. В плане второй пятилетки женщинам также отводилось важное место среди городских источников пополнений рабочего класса [63].

В целом женщины внесли большой вклад в создание социалистической индустрии. Попадая на производство, женщины (особенно из семей городских рабочих) очень быстро входили в жизнь предприятий. По резуль-

---

[59] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 201, 204.

[60] «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 49.

[61] Там же, стр. 273.

[62] «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам», т. 2, стр. 254.

[63] «Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. (1933—1937)», т. 2. М., 1934, стр. 338—339.

5 Зак. 172

татам обследований, нарушений трудовой дисциплины среди них было примерно в 3 раза меньше, а текучесть в 2 раза ниже, чем среди мужчин. Кроме того, вовлечение женщин в производство вело к росту материального благосостояния рабочих семей [64].

В результате осуществления указаний партии и правительства активное участие женщины в народном хозяйстве страны постоянно возрастало. При этом абсолютные размеры прироста численности женщин и соотношение между количеством мужчин и женщин в составе рабочего класса в отдельные годы реконструктивного периода были неодинаковыми.

В начале реконструкции абсолютный рост количества женщин в составе работающих не приводил к заметным изменениям в соотношении между мужчинами и женщинами на производстве. Так, среди занятых в крупной промышленности численность женщин возросла с 710,2 тыс. в 1926 г. до 982,5 тыс. в 1930 г., но их удельный вес в общей численности практически не изменился. В 1926 г. среди рабочих крупной промышленности женщин насчитывалось 28,4%, в 1927 г. — 28,5, в 1928 г. — 28,7, в 1929 г. — 28,8, в 1930 г. — 28,4% [65]. На основе этих данных можно сделать вывод о том, что и в составе новых пополнений рабочих и служащих крупной промышленности каждого года было около 28—29% женщин и 71—72% мужчин. Аналогичная картина в 1926—1930 гг. наблюдается и в соотношении между численностью мужчин и женщин среди рабочих и служащих во всем народном хозяйстве. Начиная с 1930 г. соотношение стало меняться в пользу женщин. В 1932 г. женщины составляли уже 32,9% всех рабочих крупной промышленности и 27,4% рабочих и служащих всего народного хозяйства [66], а в 1937 г. — соответственно 41,6 и 35,4% [67].

[64] *Г. Дацук.* Женский труд — в производство. — «Пути индустриализации», 1931, № 2, стр. 41; *А. Исаев.* Использование женских трудовых ресурсов. — «Вопросы профдвижения», 1934, № 7.

[65] «Женщина в СССР». Стат. сб. Изд. 2. М., 1937, стр. 55 (Данные на 1 января).

[66] Там же, стр. 51, 55.

[67] *Е. Орликова.* Советская женщина в общественном производстве. — «Проблемы экономики», 1940, № 7, стр. 114 (Данные на 1 июля); *С. Трубников.* Источники комплектования рабочей силы в СССР. — «Проблемы экономики», 1939, № 6, стр. 156.

В крупных промышленных центрах (где раньше создались условия для вовлечения женщин в производство) женщин в составе работающих было значительно больше, чем по стране в целом (табл. 11).

Таблица 11

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ЖЕНЩИН В КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
(в % к общему числу рабочих)

Год	По СССР	В Москве	В Ленинграде
1928	28,7	. . .	37,1
1929	28,8	37,7	. . .
1932	32,9	40,3	43,5
1934	36,8	45,1*	45,7
1936	40,1*	. . .	49,3

* Данные на 1 июня.

Исходные данные: «Женщина в СССР». М., 1937, стр. 55; «Проблемы экономики», 1940, № 7, стр. 114; ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 10, д. 646, л. 6 об.; «Ленинградские рабочие в борьбе за социализм». М., 1965, стр. 150, 293.

Естественно, что возрастание удельного веса женщин среди работающих могло происходить только на основе еще более стремительного их роста в составе новых пополнений. О размерах женских пополнений за 1932 г. можно судить по данным о численности женщин среди новых членов профсоюза. Из числа принятых в профсоюзы Украины за первое полугодие 1931 г. женщины составляли 36,4%, а мужчины — 63,4% [68], а по СССР в целом соответственно 37,3 и 62,7% [69].

Среди всех новых кадров, влившихся в народное хозяйство страны в 1934 г., женщин было 43%, хотя удельный вес женщин на протяжении года возрос с 31,7 до 33,4% [70].

За годы второй пятилетки в общем приросте работников народного хозяйства СССР (табл. 12) мужчины

[68] «Промышленность и рабочий класс Украинской ССР в период построения фундамента социалистической экономики (1926—1932 гг.)». Сб. документов и материалов. Киев, 1966, стр. 441.

[69] *Н. Н. Евреинов.* Новые кадры и задачи профсоюзов. — «Вопросы профдвижения», 1933, № 5, стр. 22.

[70] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 19, д. 504, л. 40; «Женщина в СССР». Стат. сб. Изд. 2, стр. 51.

Таблица 12

СОСТАВ НОВЫХ ПОПОЛНЕНИЙ ПО ПОЛУ ЗА 1932—1937 гг.

	1932 г.	1937 г.	Прирост в численности		Численность новых пополнений с учетом убыли*	
			в тыс.	%	в тыс.	%
Мужчины .	16 935,8	17 632,5	696,7	17,2	4 083,9—4 930,6	47,3—50,4
Женщины . .	6 007,0	9 357,0	3 350,0	82,8	4 551,4—4 851,8	52,7—49,6
Всего . . .	22 942,8	26 989,5	4 046,7	100,0	8 635,3—9 782,4	100,0

* Так же как и в предыдущих расчетах (см. табл. 6) естественная убыль принята в пределах 4—5% от среднегодовой численности рабочих и служащих.

Исходные данные: «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». М., 1939, стр. 104; *С. Трубников*. Источники комплектования рабочей силы в СССР. — «Проблемы экономики», 1939, № 6, стр. 156.

составляют 17,2%, а женщины — 82,8%. Последняя, широко известная по литературе цифра часто служит основанием для ошибочного вывода о значительном преобладании женщин в составе новых пополнений [71]. Однако если учесть, что численность новых пополнений определяется не только приростом, но и естественной убылью, то окажется, что мужчин и женщин в составе новых пополнений в годы второй пятилетки было примерно поровну. Но большая часть мужских пополнений пошла при этом на возмещение убыли из состава работающих, в то время как большая часть новых пополнений женщин составила прирост их численности.

В годы реконструкции произошли большие изменения в возрастном составе новых пополнений. К сожалению, в нашем распоряжении нет вполне сопоставимых данных о численности молодежи в рядах рабочего класса за весь реконструктивный период. Имеющиеся сведения (главным образом о возрастных группах до

[71] Об удельном весе женщин в приросте рабочих и служащих в народном хозяйстве за годы второй пятилетки см.: *С. Трубников*. Организованный набор рабочей силы. — «Профсоюзы СССР», 1939, № 8—9, стр. 67; *его же*. Источники комплектования рабочей силы в СССР. — «Проблемы экономики», 1939, № 6, стр. 156—157.

23 лет и свыше 23 лет) позволяют выявить основные тенденции в изменениях состава новых пополнений и всего рабочего класса по возрасту.

В 1925—1929 гг. рост абсолютного числа рабочей молодежи не приводил к особым изменениям ее удельного веса в общей массе рабочих, т. е. в составе новых пополнений этих лет доля молодежи до 23 лет была более или менее постоянной [72]. Сохранение стабильного соотношения между численностью рабочих в возрасте до 23 лет (25—26%) и старше (74—75%) было возможно лишь в том случае, если в структуре новых пополнений молодежь занимала удельный вес больший, чем 25—26%, поскольку за счет новых пополнений обеспечивается не только прирост в численности, но и замещение молодежи либо выбывающей из состава рабочего класса, либо переходящей в следующую возрастную группу. В среднем в пополнениях 1926—1929 гг. молодежь в возрасте до 23 лет составляла 30% [73].

В годы первой пятилетки, особенно после ликвидации безработицы, доля молодежи среди новых пополнений стала стремительно возрастать, что привело к значительным изменениям в возрастной структуре рабочего класса. По данным единовременных учетов численности рабочих крупной и средней промышленности на 1 января каждого года, состав рабочих увеличился с 3 116,2 тыс. в 1930 г. до 5 139,7 тыс. в 1933 г., т. е. в 1,65 раза. За это же время количество молодых рабочих возросло с 769,7 тыс. до 2 122,7 тыс. — в 2,76 раза [74]. Следовательно, молодежь составила 67% всего прироста численности рабочих. В 1929—1932 гг. удельный вес молодежи до 23 лет в новых пополнениях был равен примерно 70% [75]. Этим обусловливалось постоянное увеличение ее удельного веса в составе работающих, в том числе и в крупной промышленности (табл. 13).

Наибольшей насыщенностью рабочего класса молодыми кадрами отмечены последние два года первой

[72] «Состав рабочей молодежи по массовым данным профпереписи». М., 1931, стр. 22, 23.

[73] «Труд в СССР». Экономико-статистический справочник. М., 1932, стр. 25—26.

[74] «Социалистическое строительство СССР». Стат. ежегодник. М., 1934, стр. 344—345.

[75] «Труд в СССР». М., 1932, стр. 25—26.

Таблица 13

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС МОЛОДЫХ РАБОЧИХ
(включая учеников)
В КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (в %)

На 1 января соответствующего года	Возраст		
	до 18 лет	от 18 до 22 лет	до 22 лет включительно
1930	4,1	20,6	24,7
1931	7,7	25,1	32,8
1932	9,9	28,6	38,5
1933	9,4	31,9	41,3

Исходные данные: А. Г. Рашин. Динамика промышленных кадров СССР за 1917—1958 гг. — «Изменения в численности и составе советского рабочего класса». М., 1961, стр. 18.

пятилетки. В начале второй пятилетки в связи с сокращением абсолютной численности новых пополнений обнаруживается тенденция к некоторому понижению удельного веса молодежи в возрасте до 23 лет. Об этом, в частности, свидетельствуют данные ВЦСПС о динамике численности молодежи среди работников промышленности и строительства (табл. 14).

Таблица 14

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС МОЛОДЕЖИ (до 23 лет)
СРЕДИ ЧЛЕНОВ ПРОФСОЮЗА (в %)

На 1 января соответствующего года	Отрасли	
	промышленность	строительство
1931*	33,6	35,6
1932	35,5	35,7
1933	36,8	37,2
1934	34,4	35,6
1935	32,3	33,3

* На 1 октября.

Исходные данные: «Статистический бюллетень ВЦСПС», 1934, № 1 (21), стр. 25; 1935, № 1 (30), стр. 12; 1935, № 7 (36), стр. 4; ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 18, д. 622, л. 14; оп. 19, д. 504, л. 40 об., 71 об.

Удельный вес рабочей молодежи крупной промышленности РСФСР с 1 июля 1932 г. до 1 июля 1936 г. снизился с 35,7 до 29,3% [76]. Подобная картина наблюдалась во всех отраслях промышленности. В начале второй пятилетки количество рабочих, переходящих в возрастную группу старше 23 лет, оказалось больше числа пополнявших возрастную группу до 23 лет. Однако из этого не следует, что возрастная структура рабочего класса в годы второй пятилетки была хуже, чем в первой. Некоторое сокращение удельного веса молодежи до 23 лет сопровождалось увеличением удельного веса рабочих 24—30 лет, обладавших известным стажем и опытом работы в сочетании с молодостью.

Таким образом, за первые две пятилетки рабочий класс СССР заметно «помолодел». В еще большей степени, чем в целом по стране, омоложение было заметно в тех отраслях промышленности, которые претерпели коренную реконструкцию. По данным ВЦСПС о рабочих и служащих на 1 января 1935 г., удельный вес молодежи до 23 лет составлял в станкоинструментальной промышленности 38,6%, в транспортном машиностроении — 37,7, в сельскохозяйственном машиностроении — 37,0, в тракторной промышленности — 38,9%. Исключительно высоким удельный вес молодых рабочих был в тех районах, где промышленность создавалась заново. Так, в железорудной промышленности Востока на 1 января 1935 г. молодежь составляла 41,6%, в рыбной промышленности Дальнего Востока — 42,1%. В среднем же по всей промышленности СССР молодежи насчитывалось 32,3%.

В отраслях, которые не испытывали значительного притока новых пополнений, процесс омоложения занятых в них рабочих сказывался в меньшей степени. По тем же данным ВЦСПС, в хлопчатобумажной промышленности молодежи было 28,9% всех рабочих и служащих, в бумажной — 28,8, в мукомольной промышленности и на элеваторах — 23,4%.

Значительно отличались по своему возрастному составу рабочие коллективы старых и вновь построенных заводов. Так, удельный вес молодежи до 24 лет на Куз-

[76] «Социалистическое строительство РСФСР. 1936». М., 1937, стр. 89.

нецком металлургическом заводе составлял в 1935 г. 61%, в то время как на старых заводах — 34,5% (Балтийский судостроительный) и 33,1% (Сормовский). В конце 1933 г. среди рабочих Горьковского автозавода молодежи до 24 лет было 52,9%, а до 30 лет — 80,7%. На Уралмаше, по данным на 1 января 1935 г., молодежь до 23 лет составляла 40,8% всех работников завода, а работников старше 30 лет было только 20,7% [77] и т. д.

Большая роль принадлежала молодежи и в возведении наиболее крупных новостроек первых пятилеток. По данным ВЛКСМ, в создании Кузнецкого гиганта черной металлургии участвовало 45% молодежи комсомольского возраста (до 23 лет), Бобриковского химкомбината — 65, 1-го ГПЗ — 70, Краматорского завода тяжелого машиностроения — 43, Азовстали — 44% [78]. На Днепрострое, по данным на 1 марта 1931 г., в составе рабочих насчитывалось 45,4% молодежи в возрасте до 23 лет и 74,2% — в возрасте до 30 лет [79]. По неполным данным, на основные стройки первой пятилетки только по путевкам комсомола прибыло 350 тыс. человек [80].

Таким образом, анализ данных о молодежи показывает коренные изменения в соотношении молодых и старых кадров в структуре новых пополнений рабочего класса. Заметной гранью в процессе омоложения выступает 1930 год — год ликвидации безработицы в СССР. Если в пополнениях 1926—1930 гг. молодежь до 23 лет занимала 1/4 новых рабочих, то в последующие годы реконструктивного периода она составляла более 2/3. Центральной фигурой новых пополнений стал молодой человек в возрасте до 23 лет. Все это привело к новому, более прогрессивному соотношению молодых и старых кадров в возрастной структуре рабочего класса.

Преобладающее пополнение рабочего класса молодежью имело большое положительное значение. С каждым годом в составе вновь приходящих на производство

[77] «Статистический бюллетень ВЦСПС», 1935, № 7(36), стр. 38—44; «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.», стр. 437—441; *А. И. Гуревич*. Победа партии. Черная металлургия к VII съезду Советов. М.—Л., 1935, стр. 71; «История индустриализации Нижегородско-Горьковского края (1926—1941 гг.)». Документы и материалы. Горький, 1968, стр. 277; «Большевик», 1935, № 12, стр. 57.

[78] «Известия ЦК ВЛКСМ», 1935, № 5, стр. 3.

[79] «Под знаменем марксизма», 1931, № 9—10, стр. 219.

[80] *П. Москатов*. Вместе с партией. М., 1958, стр. 167.

молодых рабочих росла прослойка получивших воспитание в советской школе, в пионерских и комсомольских организациях. Огромное значение имело также то обстоятельство, что новые пополнения рабочей молодежи имели большую общеобразовательную подготовку. Например, по переписи 1929 г., средняя продолжительность школьного обучения среди рабочих металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности Ленинграда составляла в возрасте 23—29 лет среди беспартийных 4,4 года, среди коммунистов — 4,8, а в возрастной группе 30—39 лет — соответственно 3,8 и 4,0 года [81]. Подобное соотношение зарегистрировала и перепись 1932—1933 гг. Так, в группе рабочих до 23 лет (без учеников) средняя продолжительность общего образования составляла в черной металлургии 4,1 года, транспортном машиностроении — 4,9, автотракторной промышленности — 5,0 лет, электротехнической промышленности — 5,3 года, а среди рабочих этих же отраслей в возрасте старше 40 лет — соответственно 3,2; 3,4; 3,5 и 3,5 года [82]. К концу реконструктивного периода грамотность среди молодых рабочих еще более возросла. Выборочное обследование молодежи в 1936 г. зарегистрировало среди 7138 молодых рабочих всего 1% неграмотных [83].

Первичные материалы выборочного обследования молодежи 1936 г. дают возможность более детально охарактеризовать новые пополнения рабочих.

Обследование показало, что в основной своей массе молодежь пришла на предприятия в годы первой пятилетки. Если с 1928 по 1930 г. на предприятия поступили 68,4% всех обследованных в 1936 г. молодых рабочих, то на первые три года второй пятилетки приходится всего лишь 24,7%.

Особенно много в годы первой пятилетки поступило молодых рабочих в такие решающие отрасли промышленности, как машиностроение, металлургия, добыча угля. Среди молодых рабочих, пришедших в промыш-

[81] «Перепись рабочих и служащих 1929 г.», т. 1. Металлисты СССР. М., 1930, стр. 91—92.

[82] *М. Т. Гольцман* и *Л. М. Коган*. Старые и новые кадры пролетариата. По данным переписи 13 профсоюзов, произведенной в 1932—1933 гг. М., 1934, стр. 58.

[83] «Молодежь СССР». Стат. сб. М., 1936, стр. 238—239.

ленность в 1928—1930 гг., 39,3% было зачислено на предприятия машиностроения, 20,3% — на металлургические заводы и 15,8% — на угольные шахты. Новые пополнения 1932 г. распределялись между этими отраслями следующим образом: соответственно 40,4, 21,8, 9,8%.

Обследование 1936 г. показало также наличие прямой связи между временем поступления на фабрики и заводы и уровнем образования. Так, среди тех, кто пришел на фабрики и заводы в 1925—1927 гг., было 45,2% имеющих образование в объеме начальной школы, 51,6% — в объеме неполной дневной общеобразовательной школы и 3,2% — закончивших среднюю общеобразовательную школу. Среди тех, кто пришел на фабрики и заводы в 1934 г., лишь 20,3% рабочих имели начальное образование, более $^2/_3$ рабочих (70,0%) — неполное среднее образование, а 9,7% закончили среднюю школу. Эти цифры свидетельствуют о том, что в результате политики партии по ликвидации неграмотности и культурной отсталости трудящихся в промышленность с каждым годом вливалось более квалифицированное, все более образованное пополнение.

Постепенно менялись и социальные источники пополнения рабочих. Если в целом за 1925—1935 гг., по данным выборочного обследования, среди молодых рабочих удельный вес выходцев из семей рабочих составлял 51,5%, то для поступивших на фабрики и заводы в 1925—1927 гг. эта доля была значительно большей — 91,3%.

В первые годы индустриализации, когда в стране еще существовала безработица, рабочий класс пополнялся в основном за счет собственных рядов. Но постепенно доля выходцев из рабочего класса сокращается. В годы второй пятилетки вновь несколько возрастает доля рабочего класса в воспроизводстве своих собственных рядов и падает роль крестьянства как социального источника пополнения рабочего класса, увеличивается доля учащихся. В 1925—1927 гг. лишь 2,2% новых рабочих перед своим поступлением на производство учились в школах или других учебных заведениях. Среди пополнений 1933 г. доля этой категории лиц составляла уже 68,5%, а в 1935 г.— 70,0%. Главной формой подготовки молодых рабочих перед поступлением на фабрики и за-

воды были фабрично-заводские училища. Среди всех об-
следованных в 1936 г. рабочих, имевших какое-либо про-
фессиональное образование, 77,1% являлись выпуск-
никами школ ФЗУ. Показательно, что доля выпускников
ФЗУ среди новых пополнений рабочих увеличивалась с
каждым годом. Среди тех, кто пришел на фабрики и
заводы в 1925—1927 гг. и имел специальную подго-
товку, на долю окончивших ФЗУ приходилось 3,2%, в
1928—1930 гг.— 31,1, а в 1931—1933 г.— 52,7%. Все это
свидетельствует о переходе к правильному, хорошо орга-
низованному порядку пополнения рядов рабочего класса.

Сближение уровней развития республиканских отрядов рабочего класса

Политика Коммунистической партии, самоотвержен-
ность трудящихся всех братских социалистических рес-
публик, постоянная помощь рабочего класса экономи-
чески развитых республик привели к выравниванию и
сближению уровней социально-экономического развития
республиканских отрядов рабочего класса.

Политика ликвидации фактического неравенства на-
родов СССР находила отражение в решениях партий-
ных съездов, определяющих пути развития советского
общества. Так, X съезд партии выдвинул задачу «по-
мочь трудовым массам невеликорусских народов догнать
ушедшую вперед Центральную Россию...» [84]. Задача вы-
равнивания уровней социально-экономического развития
республик оставалась одной из центральных при состав-
лении первых пятилетних планов. Принимая директивы
по составлению плана первой пятилетки, партия преду-
смотрела, что «пятилетний план должен уделить особое
внимание вопросам подъема экономики и культуры от-
сталых национальных окраин и отсталых районов, исхо-
дя из необходимости постепенной ликвидации их эконо-
мической и культурной отсталости, соответственно пре-
дусматривая более быстрый темп развития их эконо-
мики и культуры, исходя из увязки нужд и потребностей

[84] «КПСС в резолюциях...», т. 2, стр. 252.

рабочим из непролетарских слоев гораздо быстрее, чем прежде, преодолевать буржуазные традиции и психологию и подниматься до уровня передовых отрядов рабочего класса.

Превращение новых рабочих в кадровых

Годы социалистической реконструкции отмечены важнейшими социально-экономическими изменениями, которые послужили объективной основой для ускорения темпов воспитания новых пополнений рабочего класса. Период индустриализации характеризуется массовым внедрением и освоением новой техники, огромным ростом и обновлением основных производственных фондов. К 1937 г. из общей массы промышленных предприятий 84,7% (по стоимости производственных фондов) было полностью реконструированных или новых. В тяжелой промышленности этот показатель был еще выше. На 1 января 1937 г. удельный вес новых и обновленных основных фондов составлял в черной металлургии 97,8%, в цветной — 91,7, в химической промышленности — 97,2, по электростанциям — 94,3%. К началу 1936 г. новых заводов было 42,5% от их общего числа. Новые заводы, построенные за 1926—1937 гг., составляли половину всех заводов в СССР[73].

Значительно сократился удельный вес рабочих, занятых в мелкой промышленности. В 1926/27 г. мелкая промышленность составляла в целом по СССР 57,1% по числу занятых в ней рабочих и 22,4% в валовом обороте всей промышленности, а в 1937 г. на мелкую промышленность приходилось только 14% всех промышленных рабочих и всего 5,6% общего промышленного производства[74]. К концу реконструктивного периода подавляющее большинство рабочих промышленности трудилось на крупных предприятиях. По данным на 1 января 1936 г., только 4,8% рабочих крупной промышленности было занято на предприятиях с числом работников до 100 человек, 76,5% — на предприятиях, насчитывающих свыше 500 работников, 62,9% — на предприятиях с числом работников свыше 1000 человек[75]. Таким образом, основная масса новых промышленных рабочих приходила в годы реконструктивного периода на крупные, оснащенные современной техникой предприятия. Это имело решающее значение для ускорения процесса воспитания пролетарской психологии, поскольку, как подчеркивал В. И. Ленин, «главной материальной базой для развития классового пролетарского самосознания является крупная промышленность»[76], «крупное производство и машины — материальная и *психологическая* база пролетариата»[77]. Рост концентрации рабочих на крупных предприятиях в условиях диктатуры пролетариата облегчал воспитание трудовой дисциплины, организованности, чувства сплоченности и коллективизма. Подведение под промышленность новой технической базы коренным образом изменило характер труда, а вместе с ним и самого рабочего: практически овладевая техникой, используя ее в процессе производства, рабочий развивался и сам — отсюда большая тяга к учебе, быстрое продвижение по ступеням квалификации, столь характерные для рабочих реконструктивного периода.

Для ускорения процесса воспитания новых рабочих в социалистическом духе большое значение имела растущая консолидация рядов рабочего класса по мере продвижения советского общества по пути строительства социализма.

После Октябрьской революции перестал существовать слой «рабочей аристократии». В ходе социалистического строительства было ликвидировано деление рабочих на занятых в капиталистическом и социалистическом секторах экономики. Если в 1925/26 г. на общественный сектор приходился 81,2% всех рабочих и служащих, то в 1930 г. их численность увеличилась до

[73] «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг.». М., 1963, стр. 196; *Е. Варга.* Производительные силы капитализма и социализма за 20 лет. — «Большевик», 1937, № 16, стр. 16.

[74] «Построение фундамента социалистической экономики в СССР 1926—1932 гг.». М., 1960, стр. 168. Показатели для 1937 г. исчислены на основе данных Всесоюзной переписи социалистической промышленности 1938 г. (см. «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.» Документы и материалы. М., 1971, стр. 382).

[75] Рассчитано по: «Труд в СССР». М., 1936, стр. 73.

[76] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 308.

[77] Там же, стр. 401.

95,5%, а в 1932 г.— до 99,2%. В частном секторе в 1925/26 г. было занято 18,8% общей численности рабочих и служащих, в 1930 г.— 4,5, а в 1932 г.— только 0,8%. К 1935 г. частнокапиталистический наем рабочей силы в СССР был ликвидирован полностью [78].

Укреплению единства рядов рабочего класса в огромной степени способствовала ликвидация деления рабочего класса на занятую и резервную (безработную) части. В 1926/27 г. безработные составляли 12,7% к общему числу работающих, в 1928/29 г.— 12, в 1929/30 г.— 10%. К концу 1930 г. безработица в СССР была ликвидирована окончательно [79]. Все это коренным образом сказалось на оздоровлении психики не только безработных, но и всех рабочих. «Одним из самых важных улучшений жизни,— писал в 1937 г. М. И. Калинин,— я считаю то, что сегодня над рабочим не висит вечный дамоклов меч — рабочий не боится, что завтра он останется безработным. Молодое да и среднее поколение наших рабочих сейчас не может даже мысленно воспроизвести то ощущение от потери работы, которое переживал пролетариат в прошлом» [80]. Ликвидация безработицы означала устранение состояния недовольства, неуравновешенности, неуверенности в завтрашнем дне, делало ненужной связь с непролетарскими средствами существования — главной причиной длительности сохранения пережитков в сознании новых рабочих, вышедших из непролетарских слоев.

В годы реконструкции происходит значительное упрочение социалистического принципа «от каждого по способностям, каждому по труду». Если, например, в 1924 г. сдельной оплатой труда было охвачено только 47,8% рабочих промышленности (остальные 52,2% получали зарплату повременно), то уже к 1928 г. процент сдельщиков повысился до 57,5%, в 1932 г. составил 63,7%, а в 1936 г.— 76,1% [81]. Это способствовало преодолению

[78] «Труд в СССР». М., 1936, стр. 24; «Социалистическое строительство СССР». М., 1934, стр. 308—309; «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг.», стр. 635.

[79] *Л. С. Рогачевская*. Ликвидация безработицы в СССР. 1917—1930 гг. М., 1973, стр. 299.

[80] *М. И. Калинин*. Избранные произведения, т. 3. 1933—1941 гг., стр. 269—270.

[81] *Е. С. Русанов*. Распределение и использование трудовых ресурсов СССР. М., 1971, стр. 88.

тенденций к мелкобуржуазной уравнительности, характерной для психологии крестьянских пополнений.

Важным обстоятельством, также способствовавшим ускоренному воспитанию новых рабочих, явилось то, что к началу первой пятилетки были достигнуты благоприятные показатели в соотношении слоя закаленных кадровых рабочих и новых, «формирующихся». По расчетам О. И. Шкаратана, доля кадровых рабочих во всей промышленности равнялась не менее 70% [82].

Одним из наиболее важных показателей, характеризующих условия, благоприятствующие воспитанию новых пополнений рабочего класса в социалистическом духе, является величина партийной прослойки в рабочих коллективах. Рабочий-коммунист, как известно,— наиболее передовой тип рабочего на любом из исторических этапов развития рабочего класса. Коммунистам всегда принадлежала роль передовых бойцов на главных, исторически меняющихся фронтах борьбы за коммунизм. Однако роль рабочих-коммунистов высока не только и не столько потому, что они сами занимали передовые шеренги борцов. Еще большее значение имеет организующая и направляющая роль коммунистов, их огромная воспитательная работа в массах.

Попытаемся конкретнее показать влияние рабочих-коммунистов на окружающих их остальных рабочих в производственной сфере. По материалам ряда обследований, хронологически относящихся к реконструктивному периоду, прослеживается прямая зависимость между величиной партийной прослойки и трудовой активностью всех рабочих.

В апреле — мае 1930 г. секцией труда экономико-статистического сектора Госплана СССР был обследован 491 завод с 1 051 тыс. занятых на них рабочих. Выяснялись различные аспекты социалистического соревнования. В ходе обследования обращалось также внимание на соотношение величины партпрослойки и числа рабочих, охваченных соревнованием на предприятиях [83]. Подобные данные содержат и материалы обсле-

[82] *О. И. Шкаратан*. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970, стр. 272.

[83] «Социалистическое соревнование в промышленности СССР». Сб. статей. М., 1930, стр. 18.

дования восьми промышленных предприятий в первой половине 1932 г. [84]

Обследования показали неразрывную связь между ростом партийной прослойки и подъемом социалистического соревнования. Обращает на себя внимание прогрессирующий характер этой связи. По мере роста партийной прослойки на предприятиях число участников соревнования увеличивается гораздо более высокими темпами.

Ведущая роль коммунистов прослеживается также и по связи показателей величины партийной прослойки и производительности труда в рабочих коллективах. А. Цукерник на основе первичных материалов профсоюзной переписи 1932—1933 гг. (статистической обработке подверглись 12,5 тыс. анкет горняков, занятых на 35 шахтах Донбасса) установил не только факт более высокой производительности труда шахтеров — членов партии в сравнении с беспартийными шахтерами, но также и то, что по мере роста партийной прослойки росла производительность труда коллективов данных предприятий в целом. «В зависимости от размеров партпрослойки по отдельным группам обследованных горняков в 10, 15 и 40% (к общему числу рабочих по каждой группе) выполнение норм выработки соответственно составляло: у беспартийных — 108, 110 и 118%, а по каждой группе в целом — 107, 116 и 121%» [85]. И в данном случае характер связи между всеми этими показателями позволяет сделать вывод, что по мере увеличения размеров партийной прослойки в рабочем коллективе возрастает организованность и понимание необходимости повышения производительности труда среди беспартийных рабочих этого же коллектива.

Размер партийной прослойки в рабочей среде с полным основанием считается концентрированным выражением факторов, определяющих организованность и сознательность рабочих масс. Поэтому вполне естественно, что процесс приобщения к классовому сознанию, восприятие рабочей психологии у постоянно вливающихся в ряды рабочего класса новых пополнений быстрее всего

[84] «Партийное строительство», 1932, № 6, стр. 81.

[85] *А. Цукерник.* Рабочие кадры и производительность труда в угольной промышленности Донбасса. — «Проблемы экономики», 1935, № 5, стр. 136.

идет в тех рабочих коллективах, где наиболее высок удельный вес коммунистов.

Прослойка коммунистов среди рабочих в период реконструкции народного хозяйства была достаточно высокой. Если накануне реконструкции она составляла 7 (на 1 июля 1924 г.) и 8% (на 1 июля 1925 г.) [86], то, по данным всесоюзной партийной переписи на 10 января 1927 г., 10,5% всех рабочих промышленных предприятий были коммунистами [87]. Вовлечение лучших рабочих в партию продолжалось и в последующие годы. На 1 января 1930 г. партийная прослойка среди рабочих промышленности насчитывала уже 13,4%, а на 1 января 1933 г.— 13,6%. По всему рабочему классу на 1 января 1930 г. партпрослойка составляла 11,2%, на 1 января 1933 г.—9,6% [88].

К концу реконструктивного периода удельный вес коммунистов среди рабочих несколько сократился. Это объясняется чисткой партии, проведенной по постановлению январского (1933 г.) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), проверкой и обменом партийных документов и приостановкой до 1 января 1936 г. приема в партию. Естественно, что все это в условиях непрекращающегося роста численности рабочего класса и продолжающегося наряду с этим перехода значительных масс коммунистов-рабочих в другие социальные категории (число таких рабочих только за 1934—1937 гг. исчисляется примерно в 700 тыс. человек) [89] привело к некоторому снижению партийной прослойки среди рабочих. Партийные организации, состоящие из лучших представителей рабочих и специалистов, опираясь на непререкаемый авторитет в своих коллективах, вели многогранную деятельность по классовому воспитанию новых рабочих. Рабочие-коммунисты находились в самой гуще пролетарских масс.

[86] «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет. М.—Л., 1926, стр. 76—77.

[87] «Индустриализация СССР 1926—1928 гг.». Документы и материалы. М., 1969, стр. 348.

[88] *Д. А. Баевский.* В. И. Ленин и рост творческой активности масс (1917—1932 гг.). — «Исторические записки», т. 84, 1969, стр. 89.

[89] «Коммунистическая партия — ум, честь и совесть нашей эпохи». М., 1969, стр. 222.

Труд на социалистических стройках и предприятиях является основой воспитания психологии советского рабочего. Однако дело заключается не просто в труде. Замечательный советский педагог А. С. Макаренко писал: «Труд без идущего рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом. Вы можете заставить человека трудиться сколько угодно, но если одновременно с этим вы не будете его воспитывать политически и нравственно, если он не будет участвовать в общественной и политической жизни, то этот труд будет просто нейтральным процессом, не дающим никакого положительного результата. Труд как воспитательное средство возможен только как часть общей системы»[90]. Коммунистическая партия, рабочие, составляющие передовую часть класса, делали все возможное, чтобы раскрыть социально-экономическое содержание и общественно-политическое значение труда, добивались, чтобы каждый новый рабочий видел в своей повседневной деятельности решающее условие укрепления могущества Родины, достижения изобилия материальных и культурных благ, глубоко сознавая, что только умножение и рациональное использование общественного достояния является самым надежным условием удовлетворения потребностей и всестороннего развития каждого члена общества.

Важнейшим средством воспитания новых рабочих явилось развернувшееся в 1929 г. массовое социалистическое соревнование. И это вполне закономерно, ибо если коллектив обладает высокими качествами, то сила его воздействия на находящихся в его составе отдельных сравнительно отсталых рабочих тоже высока. В таких коллективах воспитание новых рабочих происходит значительно быстрее. Это подтверждается конкретными фактами, одним из которых является, например, зависимость между степенью охвата соревнованием рабочих определенного коллектива и производительностью труда среди отдельных групп рабочих в том же самом коллективе.

Такая зависимость прослеживается по материалам упоминавшейся профсоюзной переписи 1932—1933 гг.

[90] *А. С. Макаренко.* Соч., т. 5. М., 1960, стр. 116.

Установлено, что, чем выше по отдельным группам обследованных горняков было их участие в социалистическом соревновании, тем выше была производительность труда как участвовавших в нем, так и каждой группы в целом. Например, в группах, в которых охват новыми формами труда составлял 45, 55 и 70%, выполнение норм выработки характеризовалось соответственно следующими цифрами: у рабочих, не принимавших участия в социалистическом соревновании,— 103, 106 и 112%, а по каждой группе в целом — 107, 112 и 116%[91]. Эти же данные позволяют сделать еще один вывод: чем больше в коллективе ударников производства, тем большее влияние они оказывают на рабочих, не принимавших участия в соревновании.

Прослеживаемая закономерность вполне естественна. В коллективах с высоким уровнем развития соревнования в бóльшей мере проявляются положительные качества социалистической кооперации труда, в частности помощь передовиков производства отстающим рабочим.

Особое значение для скорейшего воспитания новых рабочих в пролетарском духе имело и имеет шефство кадровых рабочих над новичками производства, существовавшее практически на всех предприятиях Советского Союза, а также специальный вид социалистического соревнования за лучшее производственное обучение новых пополнений рабочего класса. Такое соревнование возникло вначале как внутризаводское, а затем стало межзаводским. Инициаторами межзаводского соревнования выступили рабочие Керченского металлургического завода[92].

Эта форма социалистического соревнования способствовала повышению уровня профессиональной подготовки рабочего класса, имела большое воспитательное значение, так как в процессе шефства передовые рабочие выступали также и в роли политических воспитателей новых рабочих. На Керченском металлургическом заводе рабочие-шефы не только передавали производственный опыт, но и вовлекали новичков в общественную жизнь предприятия. Ценная инициатива рабочих

[91] *А. Цукерник.* Рабочие кадры и производительность труда в угольной промышленности Донбасса. — «Проблемы экономики», 1935, № 5, стр. 136.

[92] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 15, д. 371, л. 42.

была одобрена специальным постановлением Президиума ВЦСПС от 18 декабря 1931 г.[93] и получила широкое распространение.

В 1932 г. только на Сталинградском тракторном заводе 1487 старых кадровых рабочих шефствовали над 2898 новичками[94]. Высшее проявление этот почин нашел в изотовском движении, возникшем в мае 1932 г.

В обстановке социалистического соревнования шефов возникала своеобразная цепная реакция. Вчерашние подшефные сами становились шефами и зачастую оказывались лучшими учителями, чем их наставники. Бывший землекоп на строительстве Кузнецкого завода, а затем горновой на домне Селицкий, рассказав на совещании изотовцев, как с помощью шефов он овладевал своей профессией, в заключение отметил: «Теперь я учу первых и вторых подручных. Я их учу лучше, чем меня учили». И он говорил это с полным правом, потому что помнил свой опыт и искал кратчайших путей обучения, которые и применял затем в своей работе с новичками[95].

Таким образом, социалистическое соревнование выступает не только фактором, повышающим производительность труда, но и является огромной школой воспитания производственных коллективов в целом и особенно их новых пополнений.

Отмеченные выше факторы характеризуют условия, способствовавшие ускоренному «перевариванию» новых пополнений рабочего класса в годы первых пятилеток. Кроме того, ко времени начала реконструкции народного хозяйства и в ходе ее социалистический образ жизни в значительной мере изменил и продолжал изменять психологию социальных групп, из которых выходили основные массы новых пополнений рабочего класса. Отмечая сдвиги в социальной психологии масс к 1927 г., А. М. Горький писал: «Главное, чего не хотят замечать и не замечают европейские визитеры, это то, что в Советском Союзе привлекается к жизни масса населения, что народ быстро изживает психологию, воспитанную веками рабства, что он начинает понимать

[93] Там же.
[94] «Ударник», 1932, № 7—8, стр. 61.
[95] «Проблемы экономики», 1935, № 5, стр. 44—45.

государство как организацию людей единой цели, а не как анархическое соединение единиц, разбитых на враждебные классы и касты»[96]. В стране имелись довольно большие крестьянские районы, которые традиционно поставляли большое число сезонников на работу в промышленность, строительство и в другие отрасли народного хозяйства. Многие рабочие, проживая в деревнях, постоянно работали на промышленных предприятиях. Коммунистическая партия с начала реконструкции вела большую политико-воспитательную работу с этими слоями рабочих как на самом производстве, так и непосредственно в районах их проживания. При этом решались одновременно две задачи: роста сознательности этих слоев рабочих и усиления влияния рабочего класса на трудящиеся слои деревни, из которых в последующем вербовались новые кадры для промышленности и строительства.

Эта работа занимала большое место в деятельности ряда областных и уездных партийных комитетов. Значительное внимание этому вопросу уделялось, в частности, партийной организацией Иваново-Вознесенска. Так, в октябре 1928 г. при обсуждении вопроса «О работе среди рабочих, живущих в деревне» на объединенном пленуме Иваново-Вознесенского ГК и ГКК ВКП(б) отмечалось, что в деревнях проживает 37% рабочих. Для них созданы 94 красных уголка, 18 изб-читален, 2 народных дома, 62 библиотеки-передвижки, 23 кинопередвижки, 200 радиоустановок[97]. Намечая пути дальнейшего усиления этой работы, выступавшие говорили о необходимости научного подхода к ее организации. Ставились вопросы об изучении структуры рабочего класса. «Рабочий класс,— говорил в своем выступлении один из участников обсуждения,— представляет собой очень много прослоек, а мы до сих пор эти прослойки сколько-нибудь глубоко не изучали, не поняли их, не знаем еще объекта своего влияния»[98]. «Совершенно ясно,— продолжал эту мысль другой выступающий,— что нельзя, если мы говорим о подтягивании отсталых слоев к передовым, о пролетарском воспитании

[96] Цит. по: «Большевик», 1938, № 12, стр. 38.
[97] Партархив Ивановского обкома КПСС, ф. 2, оп. 11, д. 21, л. 105.
[98] Там же, л. 16.

отсталых слоев рабочих... разрешить задачу без необходимого политического и культурного охвата рабочих, живущих в деревне»[99]. Естественно, что целенаправленная работа с этими слоями рабочих приносила богатые плоды. Новые пополнения рабочих из районов массового отхода еще до перехода в ряды постоянных кадров рабочего класса длительное время испытывали его благотворное влияние.

Как показано выше, основным непролетарским источником пополнения рабочего класса в реконструктивный период было крестьянство. В первые годы реконструкции новые крестьянские пополнения выходили в основном из единоличного сектора деревни. Развитию коллективистских черт в психологии крестьянина способствовали последовательные шаги по кооперированию мелких производителей в 20-е годы. К концу 1929 г. более 80% крестьян уже прошли первую школу коллективизма в различного рода формах низшей кооперации[100]. Подлинной революцией в психологии крестьянства явился поворот середняцких масс в сторону колхозов. По мере развертывания коллективизации сельского хозяйства создавались предпосылки для роста численности колхозников среди новых рабочих. Уже к концу первой пятилетки удельный вес колхозников составлял примерно половину всех деревенских пополнений, а к концу реконструктивного периода — подавляющее большинство. Все это свидетельствовало о громадном качественном росте крестьянских пополнений, об их возрастающей социальной близости к рабочему классу. Производственные отношения в колхозном секторе деревни развивались на основе товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, на собственно социалистической основе перестраивались все сферы жизни деревни — хозяйственно-экономическая, социально-культурная и нравственно-психологическая. Это обусловливало укрепление социалистических черт во всем облике советского крестьянина, коренные изменения в его социальной природе, сознании и психологии.

Несмотря на то что многовековое существование крестьян в условиях натурального и мелкотоварного хозяйства делало основные черты мелкособственнической психологии очень живучими, а вступление в артели, как отмечалось в резолюции XVI съезда ВКП(б), отнюдь не завершало дело изживания такой психологии[101], все-таки сдвиги в сознании крестьянства, из которого выходили основные массы новых пополнений рабочего класса, были налицо. Эти сдвиги становились все более значительными по мере укрепления колхозного строя. Общественное владение землей с такой же необходимостью стимулирует развитие коллективизма в сознании и психологии крестьянства, с какой ранее частная собственность порождала индивидуализм и враждебное отношение одного земледельца к другому. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов способствовало росту социалистических черт в сознании советского крестьянства.

Государственная собственность на землю является материальной основой сближения интересов крестьянства с общегосударственными интересами. Она предполагает, что вместе с колхозниками заботу о земле, о ее плодородии и сохранности разделяют другие слои населения, и прежде всего рабочий класс. Все это скрепляет коллективные интересы колхозников с интересами рабочего класса. Поэтому новые пополнения рабочего класса, вливающиеся в него из состава крестьянства, прошедшего начальную школу социализма в колхозах, гораздо скорее «переваривались» в фабричном котле, изживали частнособственнические пережитки и превращались в передовых рабочих своего времени. Такое положение в известной мере справедливо и по отношению к бедняцко-середняцким массам, перешедшим в ряды рабочего класса без прохождения сколько-нибудь продолжительной предварительной школы колхозной жизни. Это объясняется тем, что начиная с рубежа 1929—1930 гг. коренным образом меняется характер связи данного отряда новых пополнений рабочего класса с деревней.

В предшествующий период большая часть пополнений, приходящих в ряды рабочего класса из деревни, длительное время сохраняла с ней экономические связи: часть средств для своего существования такие рабо-

---

99 Там же, л. 2.

100 «Колхозы в 1929 году. Итоги сплошного обследования колхозов». М., 1931, стр. VII.

101 См. «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 459.

чие получали от государственного предприятия, а другую — в сохраняющемся в деревне частнособственническом хозяйстве. Такое положение в производстве тормозило процесс классового пролетарского воспитания.

Анализ материалов переписи рабочих и служащих 1929 г. показывает, что из 76,5 тыс. учтенных ею новых рабочих, влившихся в промышленность в 1926—1929 гг., 22,9% имели землю в деревне и сохраняли реальные контакты с собственным хозяйством [102]. Всего в момент проведения переписи в составе учтенных рабочих насчитывалось 20,6%, имевших землю [103]. Новейшие исследования, основанные на сравнении данных профсоюзов ряда отраслей промышленности за 1925 г. и материалов переписи 1929 г., показывают, что такой уровень связи (около 20%) был характерен для всего этого периода [104]. С учетом рабочих, скрывавших связь с землей из-за боязни быть уволенным по этой причине в условиях безработицы, считается, что доля имевших землю могла достигать 25% [105].

На рубеже 20—30-х годов характер связи крестьян, перешедших в ряды рабочих, с деревней резко меняется. В это время к факторам, ускорявшим разрыв связи рабочих с землей в советский период (отсутствие кризисов производства, создание социального обеспечения в случае болезни или старости и др.), прибавились новые. Наиболее значительными из них, как уже отмечалось, были массовая коллективизация сельского хозяйства, ликвидация безработицы в городе, омоложение состава новых пополнений.

Ликвидация безработицы в городе порождала уверенность новых рабочих в своем завтрашнем дне, наносила решительный удар по необходимости содержать и вести свое хозяйство в деревне. Естественно, что экономическая связь новых рабочих с деревней в таких условиях ослабевала неизмеримо быстрее, чем прежде.

[102] «Труд в СССР». Справочник. 1926—1930 гг. М., 1930, стр. 28—29.

[103] Там же, стр. 27.

[104] *А. П. Финаров.* Коммунистическая партия — организатор и вдохновитель великого трудового подъема рабочего класса СССР в 1926—1929 гг. — «Ученые записки кафедр общественных наук Калининского политехнического ин-та». Вып. 1, ч. I. Калинин, 1970, стр. 37.

[105] *А. Г. Рашин.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930, стр. 25; «Ученые записки кафедр общественных наук Калининского политехнического ин-та». Вып. 1, ч. I, стр. 37.

Проведение сплошной коллективизации ставило рабочих, имевших землю в деревне, перед выбором: оставаться в городе или возвращаться в деревню, что часто являлось причиной окончательного разрыва таких рабочих со своим индивидуальным хозяйством. Сплошная коллективизация означала также, что в подавляющем большинстве случаев родители и родственники ушедших в город крестьян вступили в колхозы и стали вести обобществленное хозяйство. Таким образом, бывший единоличник освобождался и от забот о частнособственническом хозяйстве своих родителей и родственников.

Прочность связей с землей находилась в определенной зависимости от возраста новых рабочих. Материалы переписи 1929 г. показали, например, что молодежь в целом была меньше связана с сельским хозяйством по сравнению со взрослыми рабочими, а среди молодежи с землей были меньше связаны самые молодые рабочие [106]. Если учесть, что в пополнениях 1926—1930 гг. молодежь до 23 лет занимала около 30% всех новых рабочих, а в последующие годы реконструктивного периода она составляла около 70% всех пополнений [107], то становится очевидным значение омоложения новых пополнений в качестве фактора, ускорявшего их адаптацию в рабочем классе.

Характерно, что уже материалы профсоюзной переписи 1932—1933 гг., в которых понятие «связь с землей» трактовалось довольно неопределенно и расширительно [108], показали, что «по сравнению с материалами переписи 1929 г. имеется резкое снижение удельного веса рабочих, связанных с сельским хозяйством» [109]. «Несмотря на значительное увеличение числа новых рабочих, пришедших из деревни,— отмечали исследова-

[106] «Состав рабочей молодежи по массовым данным профпереписи». М., 1931, стр. 106.

[107] См. гл. 3, стр. 133.

[108] К сохранявшим связь с сельским хозяйством относили рабочих, члены семей которых жили в деревне и трудились как колхозники или оставались единоличниками. Рабочие, имевшие в деревне только дом с приусадебным участком или корову, но без посева и рабочего скота, к таковым не причислялись («Профсоюзная перепись 1932—1933 гг.». М., 1934, стр. 17, 26).

[109] Там же, стр. 7.

тели этого вопроса,— связь с сельским хозяйством не только не повысилась, как это можно было бы ожидать, но в большинстве предприятий даже значително снизилась»[110]. Если допустить, что экономические связи с деревней в 1932—1933 гг. оставались на уровне 1929 г., то и в этом случае можно констатировать (принимая во внимание громадное увеличение удельного веса бывших крестьян в составе рабочих за это время), что разрыв связи с землей необычайно ускорился уже в годы первой пятилетки.

В годы второй пятилетки ускоренное продвижение новых рабочих по ступеням квалификации, рост их уровня жизни приводили к довольно быстрому и безболезненному разрыву связей с землей у основной массы вновь поступающих из села пополнений рабочего класса. Сохраняющиеся семейные, родственные, психологические связи таких рабочих с деревней строились теперь уже на совершенно иных началах, которые не препятствовали сравнительно быстрому превращению крестьянина в передового кадрового рабочего.

Таковы факты, свидетельствующие, с одной стороны, о возрастающих возможностях рабочего класса быстрее перевоспитывать отсталые массы новых пополнений в пролетарском духе и, с другой стороны, о растущей на протяжении всего рассматриваемого периода социальной близости основных масс новых пополнений к рабочему классу. Все это, вместе взятое, вело к ускорению процесса превращения новых пополнений рабочего класса в кадровых рабочих.

Какие же конкретные сроки были необходимы для формирования психологии кадровых рабочих в реконструктивный период? Историки по-разному отвечают на этот вопрос. Одни из первых исследователей этой проблемы считали, например, что тысячи, десятки тысяч новых рабочих, придя на производство совершенно неквалифицированными и отсталыми, через один, два, три года превращались в квалифицированных рабочих, в энтузиастов социалистического строительства[111]. Правильность такого утверждения по отношению к отдельным рабочим и целым отрядам новых пополнений, вливавшихся в коллективы, где были наиболее благоприятные условия для формирования социалистической психологии, не подлежит сомнению. Доказательством тому служат, в частности, многочисленные воспоминания бывших крестьян, перешедших в ряды рабочего класса и приобретших затем всесоюзную известность своим замечательным трудом на благо всего советского общества.

Воспоминания Н. А. Изотова, А. Г. Стаханова, А. Х. Бусыгина, И. И. Гудова, М. Н. Мазая (все — выходцы из крестьян) и сотен других показывают глубочайший переворот в сознании людей (зачастую приходивших в город из-за стремления заработать деньги на устройство своего хозяйства в деревне) в результате первого же соприкосновения с трудом рабочего на социалистических предприятиях. Немногим более года понадобилось И. И. Гудову для того, чтобы в совершенстве овладеть сложной профессией фрезеровщика и стать одним из зачинателей стахановского движения.

Примеров, подобных этому, можно привести немало. Однако если иметь в виду основные массы пополнений из непролетарских слоев, то они становились кадровыми в более продолжительное время, определить которое можно, лишь указав на критерии, позволяющие судить о завершенности процесса «переваривания» именно основных масс новых рабочих.

Таким критерием может, в частности, служить показатель связи стажа рабочих с теми явлениями в их среде, по которым можно сделать заключение и о степени восприятия социалистической психологии этими рабочими. Мы попытались проследить связь стажа рабочих с нарушениями трудовой дисциплины, прогулами, текучестью и тому подобными отрицательными явлениями, характеризующими незавершенность процесса превращения нового рабочего в кадрового.

В октябре 1926 — июле 1927 г. тарифно-экономическим отделом ВЦСПС было проведено обследование 48 промышленных предприятий с 214 817 занятыми на них рабочими[112].

Результаты обследований показали, что текучесть в основном приходится на рабочих с небольшим стажем.

---

110 *М. Т. Гольцман* и *Л. М. Коган*. Старые и новые кадры пролетариата. М., 1934, стр. 42—43.

111 Там же, стр. 12.

112 ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 11, д. 356, л. 34, 37 об.

Почти на всех предприятиях в число уволенных попало от 70 до 99% рабочих со стажем меньше трех лет. Трехлетний стаж здесь выступает определенной переломной гранью, после которой нарастание стажа дает резкое снижение числа увольняющихся рабочих.

Осенью 1932 г. Наркомат труда РСФСР организовал обследование причин текучести рабочей силы на заводах Рыбинска и Кинешмы. Выяснилось, что текучести были подвержены в основном рабочие в возрасте от 18 до 25 лет, «главным образом, еще не оформившийся кадр рабочих со стажем до 1 года — 49%, со стажем 1—3 года — 37%. Квалифицированная группа рабочих текучести не подвержена» [113].

Среди уволенных с Московского автозавода в 1937 г. на рабочих с двухлетним стажем приходилось 75,5%, а на рабочих, имевших стаж не более четырех лет,— 93,8% [114].

К сожалению, в приведенных материалах не содержится данных, характеризующих распределение всех рабочих данных предприятий по их производственному стажу. И хотя в данном случае картина ясна, формально, при предположении, что распределение всех рабочих по стажу идентично распределению по стажу среди уволенных, вывода о преобладающей текучести в какой-либо группе рабочих делать нельзя. Такой вывод может дать лишь сопоставление размеров текучести в группах рабочих с разным стажем.

В этом отношении выгодно отличаются материалы обследования Наркомата РКИ и его местных органов в 1929 г. (обследовано 49 предприятий, на которых было занято свыше 80 тыс. рабочих) [115].

Результаты обследования выявили, что наибольшей интенсивности текучесть достигала среди рабочих с малым производственным стажем. В группе рабочих со стажем до одного года текучесть была в 5,2 раза, а в группе рабочих со стажем до трех лет — в 1,8 раза выше, чем в группе со стажем свыше трех лет [116].

[113] Государственный архив Ивановской области, ф. 1273, оп. 2, д. 54, л. 84.
[114] ЦГАНХ СССР, ф. 7995, оп. 2, д. 70, л. 115.
[115] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 344, л. 52.
[116] Там же, л. 54.

Вывод о том, что текучесть рабочей силы находится в обратной зависимости к стажу, подтверждается и на материалах отдельных заводов. Так, распределение 2213 уволенных с завода «Красное Сормово» в 1931 г. показало, что в группе рабочих со стажем до трех месяцев их было в 8 раз, в группе со стажем до шести месяцев — в 3 и до года — в 2 раза больше, чем среди рабочих со стажем от двух до трех лет [117].

Зависимость нарушений трудовой дисциплины от стажа рабочих также прослеживается по данным, относящимся к ряду предприятий. Например, среди уволенных за нарушение трудовой дисциплины с завода им. Петровского за два месяца 1931 г. рабочие со стажем до года составляли более 82%. Это в 4,7 раза превышало число нарушителей, имевших производственный стаж более года [118].

Разработка данных обследования восьми предприятий Армении за сентябрь — декабрь 1932 г. выявляет следующий состав прогульщиков: 88,2% из них составляли рабочие со стажем до года и 89,3% — со стажем менее трех лет. Среди рабочих, имевших стаж больше трех лет, прогульщиков было почти в 4 раза меньше, чем среди рабочих со стажем до одного года [119].

Среди уволенных за нарушения трудовой дисциплины с ткацкой фабрики «Пролетарка» с ноября 1932 по апрель 1933 г. рабочие со стажем свыше пяти лет составили 2,7%, а со стажем до года — 65,2%, от года до трех лет — 26,1%, от трех до пяти лет — 6,0% [120].

Уволенные за прогулы с фабрики «Рот-Фронт» в 1932—1933 гг. имели рабочий стаж до года — 72,6%, от года до трех лет — 21,2, свыше трех лет — 6,2% [121].

По данным обследования одного из металлургических заводов с числом рабочих свыше 5 тыс. человек, в 1929 г. 40% всех нарушений трудовой дисциплины приходилось на рабочих со стажем до года, 27,6% — на рабочих со стажем один-два года, 28% — на рабочих со стажем от трех до пяти лет, 3,7% — на рабочих со ста-

[117] *Д. П. Вавилов.* Текучесть рабочей силы и меры борьбы с нею. — «Ударник», 1932, № 13, стр. 28—29.
[118] «Ударник», 1931, № 1, стр. 27.
[119] Рассчитано по: ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 17, д. 300, л. 81.
[120] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 17, д. 301, л. 142.
[121] Там же, л. 177—177 об.

жем от 6 до 15 лет и 0,7% — на рабочих со стажем 16 лет и более. Подавляющее число нарушений трудовой дисциплины падает на рабочих со стажем до пяти лет. Если же при этом учесть, что рабочие со стажем до пяти лет включительно составляли всего 55% к общему числу рабочих этого завода, а рабочие со стажем свыше шести лет — 45%, то показатель дисциплинированности в группе рабочих со стажем до шести лет был почти в 22 раза хуже по сравнению с таким же показателем в группе рабочих с более высоким стажем [122].

Таким образом, приведенный фактический материал свидетельствует, что по мере возрастания производственного стажа число нарушителей трудовой дисциплины постоянно сокращается. В целом же он позволяет сделать вывод о том, что производственная школа продолжительностью до пяти лет является вполне достаточной для воспитания у нового рабочего такой важной пролетарской черты его психологии, какой является дисциплинированность, сознательное отношение к труду на социалистическом предприятии.

С увеличением производственного стажа растет трудовая и политическая активность рабочих. Результаты упоминавшегося уже выше обследования молодых рабочих в 1936 г. показывают, например, прямую зависимость между участием в соревновании и производственным стажем (табл. 18).

Таблица 18

УЧАСТИЕ РАБОЧИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ
(в % от общего числа рабочих с данным производственным стажем)

Время поступления на производство (годы)	Доля принимавших участие в соревновании	Доля стахановцев
1925—1927	72,1	44,7
1928—1930	66,9	41,0
1931	65,4	41,6
1932	54,7	31,9
1933	52,8	30,8
1934	40,2	16,7
1935	25,2	9,4

[122] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 369, л. 133.

Чем больше производственный стаж, тем выше уровень развития социалистического соревнования и его высшей в то время формы — стахановского движения.

Среди тех, кто пришел на промышленные предприятия в 1925—1930 гг., было лишь 7,8% рабочих, не выполнявших производственные нормы к моменту обследования (1936 г.). Зато среди молодых рабочих призыва 1935 г. доля не выполнявших производственные нормы составляла около 20%. Значительно выше среднего была доля рабочих, перевыполнявших нормы, среди тех, кто к моменту обследования 1936 г. имел пятилетний производственный стаж. Характеристика рабочих по выполнению производственных норм свидетельствует о быстрых темпах адаптации молодых рабочих в пролетарской среде.

Одним из важнейших показателей политической активности (о чем говорилось выше) является величина партийной прослойки среди рабочих. Она также растет по мере увеличения трудового стажа. Зависимость производственного стажа и партийности прослеживается по переписи рабочих и служащих, проводившейся в 1929 г., и по материалам профсоюзной переписи 1932—1933 гг. В обоих случаях средние показатели партийности среди промышленных рабочих совпадают или очень близки к показателям в группе рабочих со стажем от четырех до шести лет, по переписи 1929 г. (к сожалению, более дробной группировки данных в публикации переписи не содержится), и от четырех до пяти лет, по переписи 1932—1933 гг. [123]

Обследование молодых рабочих в 1936 г. показало, что 87,4% зарегистрированных в ходе обследования коммунистов поступили на работу в промышленность в 1925—1930 гг. Среди всех учтенных обследованием рабочих доля членов ВКП(б) составляла 0,5%, но среди тех, кто пришел на фабрики и заводы в 1925—1927 гг., коммунистов было 7,5%. Показательно, что 94,3% коммунистов, вступивших в партию в 1931—1932 гг., пришли на фабрики и заводы в 1925—1927 гг., т. е. вступили в партию, имея пять-шесть лет рабочего стажа. 84,8%

[123] «Перепись рабочих и служащих 1929 года», т. I. Металлисты СССР. М., 1930, стр. 101; *М. Т. Гольцман* и *Л. М. Коган*. Старые и новые кадры пролетариата, стр. 68—69.

членов ВКП(б), вступивших в партию в 1932—1933 гг., были из числа тех, кто начал работать на фабриках и заводах в 1928—1930 гг., т. е. примерно три — пять лет назад. Эти данные не только подтверждают вывод о сравнительно коротких сроках воспитания социалистического сознания среди новых пополнений рабочего класса — они совершенно определенно указывают и на примерную длительность этого срока. Аналогичные выводы можно сделать и при рассмотрении вопроса о времени вступления молодых рабочих в комсомол. 62,4% всех рабочих, вступивших в члены ВЛКСМ в 1928—1932 гг., начинали работу на фабриках и заводах в 1925—1927 гг., т. е. вступили в комсомол, имея примерно три — пять лет трудового стажа.

Большое значение при решении вопроса о сроках превращения нового рабочего в кадрового имеет положение Устава ВКП(б) о порядке приема в члены партии, принятое на XVII съезде партии в 1934 г. и действовавшее без изменений на протяжении всех последующих лет реконструктивного периода. В зависимости от социального положения Устав подразделял всех вступавших в партию на четыре категории, для которых устанавливались различные условия приема и длительность кандидатского стажа. Характерно, что на первое место, как наиболее близкие к партии, были поставлены промышленные рабочие с производственным стажем не менее пяти лет, а на второе — промышленные рабочие со стажем менее пяти лет и остальные рабочие[124]. Это значит, что материалы, служащие основой для данного уставного положения, также позволяли выделить стаж в пять лет как переломную грань.

Стаж в пять лет может служить своеобразной верхней границей при рассмотрении вопроса о длительности «переваривания» основных масс новых пополнений рабочего класса. В целом же для завершения процесса превращения широких масс новых рабочих в кадровых в условиях реконструктивного периода требовалось в среднем около трех — пяти лет.

---

[124] См. «КПСС в резолюциях...», т. 5, стр. 161.

Производственная подготовка новых пополнений и сдвиги в квалификационном составе рабочих

Успехи реконструкции народного хозяйства во многом зависели от уровня квалификации рабочих. Усложнение производства требовало технически грамотных кадров. Между тем уже в первые годы индустриализации обнаружилась нехватка квалифицированных рабочих. Положение усложнилось в годы первой пятилетки, когда к индустриальному труду во все больших размерах привлекались вчерашние крестьяне, впервые сталкивавшиеся с техникой и имевшие низкий уровень общеобразовательной подготовки. Проблема обеспечения промышленности квалифицированными кадрами оставалась острой и в последующие годы реконструктивного периода, что было связано с огромным размахом нового строительства и дальнейшим расширением производства.

Естественно, что вовлечение огромного числа новых неквалифицированных рабочих должно было вести к ухудшению квалификационного состава рабочего класса и лишь пропорционально возрастающие темпы технической подготовки новых рабочих должны были нейтрализовать эту тенденцию. Социалистический строй и происходившая в стране культурная революция создавали объективные предпосылки для ускоренного производственного обучения и коренного подъема технического уровня многомиллионных масс рабочих страны. Во главе борьбы советского рабочего класса за создание высококвалифицированных кадров рабочих стояла Коммунистическая партия, намечавшая конкретные пути решения этой сложной проблемы.

«Практическое осуществление индустриализации,— говорилось в резолюции XV конференции ВКП(б),— выдвигает неотложную задачу улучшения технической квалификации наличных и подготовки новых кадров квалифицированных рабочих, а также поднятия общего культурного уровня рабочих масс. В связи с этим не-

трудовых резервов при СНК СССР. Комплектование училищ и школ ФЗО проводилось в порядке мобилизации или открытого добровольного набора из городской и сельской молодежи в возрасте 14—15 лет в училища и 16—17 лет в школы ФЗО. Все кончавшие училища и школы ФЗО распределялись на решающие участки советской индустрии, независимо от территориального расположения предприятия. Выпускники были обязаны проработать четыре года на определенных предприятиях, куда они посылались государственной комиссией. Во время учебы в училищах и школах ФЗО учащиеся находились на полном обеспечении государства. Учебные планы школ ФЗО и ремесленных училищ предусматривали глубокое овладение специальностью.

В декабре 1940 г. в стране было создано 1550 учебных заведений трудовых резервов (622 ремесленных училища, 122 железнодорожных училища, 806 школ ФЗО), из них 682 были организованы вновь, а 868 — на базе существовавших прежде школ ФЗУ. Первый призыв городской и колхозной молодежи был проведен с 10 по 25 ноября 1940 г. Всего в учебные заведения трудовых резервов было принято 602 517 человек[155]. Они составили лишь половину желавших учиться — стремление получить рабочую профессию среди городской и сельской молодежи было очень велико.

В 1941 г. сеть учебных заведений трудовых резервов была значительно расширена. В мае 1941 г. в стране насчитывалось 2052 училища и школ ФЗО, в них обучалось 709 тыс. юношей и девушек. Первый выпуск школ ФЗО состоялся незадолго до начала Великой Отечественной войны. В мае 1941 г. право называться молодыми рабочими получили 250 тыс. питомцев школ фабрично-заводского обучения[156].

Система трудовых резервов обеспечила государству мощные и мобильные резервы квалифицированной рабочей силы, которые использовались в централизованном порядке для удовлетворения нужд народного хозяйства.

Грянувшая 22 июня 1941 г. война с особой силой показала своевременность создания новой формы пополнения индустрии молодыми, профессионально и политически подготовленными рабочими, воспитанными в духе беспредельной преданности своей социалистической Родине. В трудных условиях военного времени, когда наиболее жизнедеятельная часть населения страны была мобилизована в Действующую Армию, пополнение рабочего класса молодежью, прошедшей систему государственных трудовых резервов, имело первостепенное значение. За годы войны в этой системе было подготовлено около 2,5 млн. квалифицированных рабочих[157]. Из приведенных данных видно, что масштабы профессионального обучения новых рабочих и борьба за повышение квалификации занятых на производстве за годы предвоенных пятилеток постоянно нарастали. Все это вызывало определенные сдвиги в квалификационном составе рабочего класса СССР.

Характер изменений в квалификационном составе рабочих имел свои особенности на различных этапах реконструктивного периода и в различных отраслях народного хозяйства. Они зависели в основном от двух факторов: от того, насколько та или иная отрасль (завод, регион и т. д.) были захвачены процессами реконструкции и насколько состав работников этих отраслей пополнялся за счет новых необученных кадров.

Абсолютное число квалифицированных кадров рабочих постоянно росло на протяжении всех лет реконструктивного периода. Но в тех случаях, когда темпы подготовки квалифицированных рабочих отставали от темпов вовлечения новых пополнений в производство, абсолютный рост численности квалифицированных кадров не приводил к повышению их удельного веса в общей массе рабочих.

Например, в первые годы реконструкции народного хозяйства отмечалось падение удельного веса высококвалифицированных кадров в промышленности. По данным профучета, удельный вес квалифицированных рабочих в металлопромышленности упал с 46,8% в 1925 г. до 25,7% в 1929 г., в хлопчатобумажной промышленности — с 43,0 до 34,0%, в каменноугольной — с 45,7 до 39,5%[158].

---

[155] Индустриализация СССР, 1938—1941 гг.», стр. 259—264.

[156] *Э. С. Котляр.* Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1975, стр. 19.

[157] *А. В. Митрофанова.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971, стр. 474.

[158] *Я. Мебель.* Рост пролетариата и подготовка кадров. — «Ударник», 1932, № 17—18, стр. 37.

В годы первой пятилетки, в условиях огромного притока новых необученных пополнений во все отрасли народного хозяйства, отмечается не только падение удельного веса квалифицированных рабочих, но и рост удельного веса неквалифицированных кадров. Так, по данным выборочной переписи ЦУНХУ, численность высококвалифицированных рабочих в машиностроении Ленинграда с 1929 по 1931 г. увеличилась на 123%, а квалифицированных — на 146%, но удельный вес обеих этих групп рабочих за это время уменьшился с 23,2 до 18,6%. Удельный вес полуквалифицированных рабочих сократился с 43,2% в 1929 г. до 40,0% в 1931 г., а доля неквалифицированных рабочих увеличилась с 33,6 до 41,4%. Такое положение объясняется тем, что темпы роста неквалифицированных рабочих были значительно выше, чем рабочих высшей квалификации, и составляли 210% [159].

Иная картина наблюдалась в это время в текстильной промышленности Ленинграда, численность рабочих в которой в это время сокращалась. Удельный вес квалифицированных рабочих здесь не только не уменьшился, а вырос с 28,8 до 40,5%, доля полуквалифицированных уменьшилась с 58 до 44,1%, а удельный вес неквалифицированных рабочих повысился сравнительно незначительно — с 13,2 до 15,4% [160].

Огромное значение для подъема квалификации рабочих имеет повышение уровня механизации производства. Развитие техники требует не только абсолютного прироста квалифицированных кадров, но и повышения их удельного веса в общем числе рабочих. Такой вывод позволяют сделать, в частности, данные по ряду металлургических заводов, претерпевших реконструкцию (табл. 19).

Из таблицы видно, что, чем выше уровень механизации, тем больше удельный вес рабочих высококвалифицированных и квалифицированных, а соответственно меньше доля неквалифицированных рабочих. Такое по-

[159] «XV лет диктатуры пролетариата». Экономико-статистический сб. (таблицы). Л., 1932, стр. 90; *М. Авдиенко*. Сдвиги в структуре пролетариата в первой пятилетке. — «Плановое хозяйство», 1932, № 6—7, стр. 158.

[160] «XV лет диктатуры пролетариата». Экономико-статистический сб. (таблицы), стр. 37, 90.

Таблица 19

КВАЛИФИКАЦИОННЫЙ СОСТАВ РАБОЧИХ ПО РЯДУ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДОВ В 1934 г.

(в % к общему числу рабочих)

Группы рабочих	Доменное производство			Мартеновское производство			Прокатное производство		
	немеханические печи	полумеханические печи	механизированное	до реконструкции	после реконструкции	новые цехи	до реконструкции	после реконструкции	новые цехи
Высококвалифицированные	5,3	5,3	9,1	4,7	7,2	9,5	6,1	8,5	9,4
Квалифицированные . .	12,6	17,8	36,4	51,6	59,4	70,1	47,2	62,5	62,6
Малоквалифицированные .	82,1	76,9	54,5	43,7	33,4	20,4	46,7	29,0	28,0

Источник: «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.», стр. 477.

ложение характерно не только для отдельных агрегатов и цехов. Оснащение реконструированных и вновь построенных заводов новейшей техникой вызывало качественные сдвиги в квалифицированном составе рабочих, занятых на производстве. Для примера можно привести данные по Надеждинскому металлургическому заводу до и после реконструкции и по вновь построенному Ново-Тагильскому заводу (табл. 20).

Естественно, что снижение доли неквалифицированных и повышение удельного веса квалифицированных рабочих в результате реконструктивных процессов было характерно не только для металлургического, но и для других производств. Например, только с 1931 по 1932 г. удельный вес чернорабочих на Ростсельмаше сократился с 21,4 до 13,8%, на Люберецком заводе сельскохозяйственного машиностроения — с 22,8 до 10,6%, на Сибсельмаше — с 21,9 до 15,9% [161].

О сдвигах в квалификационном составе рабочих в промышленности СССР можно судить по данным института экономических исследований Госплана о распреде-

[161] *С. Бычковский.* Организация труда в сельхозмашиностроении. — «Вопросы профдвижения», 1933, № 13, стр. 68.

Таблица 20

ВЛИЯНИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ НА КВАЛИФИКАЦИЮ РАБОЧИХ

Заводы	Доля рабочих (в %)			
	малоквалифицированные	полуквалифицированные	средней квалификации	высшей квалификации
Надеждинский до реконструкции	23,1	38,7	29,5	8,7
после реконструкции	15,0	25,2	40,0	12,15
Ново-Тагильский	17,5	25,7	37,11	19,9

Источник: В. Радзиминский, Я. Мебель. Проблема зарплаты во второй пятилетке. — «Ударник», 1932, № 15—16, стр. 24.

лении рабочего состава по разрядам тарифной сетки в 1927 и 1934 гг. Обследование касалось 2 553,1 тыс. рабочих, занятых в крупной промышленности на 1 ноября 1927 г., и 4 993,1 тыс.— на 1 ноября 1934 г. (табл. 21).

Таблица 21

ИЗМЕНЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИОННОГО СОСТАВА РАБОЧИХ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗА 7 ЛЕТ

Годы	Квалифицированные		Полуквалифицированные		Неквалифицированные		Всего	
	тыс. человек	% к итогу	тыс. человек	% к итогу	тыс. человек	% к итогу	тыс. человек	%
1927	1 039,3	40,7	863,8	33,8	650,0	25,5	2 553,1	100
1934	2 002,7	41,4	2 027,7	39,3	962,7	19,3	4 993,1	100

Источник: «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.», стр. 475. Данные приведены по состоянию на 1 ноября.

Результаты обследования показывают, что к 1934 г. вовлечение новых кадров в промышленность уже не сопровождалось увеличением удельного веса неквалифицированных рабочих. Напротив, если общее количество рабочих по учтенным производствам увеличилось на 95%, то число неквалифицированных рабочих выросло

только на 49%, в результате чего их удельный вес сократился с 25,5% в 1927 г. до 19,3% в 1934 г. Численность рабочих высокой и средней квалификации увеличилась за это же время на 212%, удельный вес рабочих этих категорий повысился с 74,5 до 80,7%. Общий рост квалификации рабочих промышленности с 1927 по 1934 г. отразился в повышении среднего тарифного разряда. Однако удельный вес рабочих высокой квалификации в промышленности в 1934 г. оставался при этом примерно на уровне 1927 г., в то время как доля рабочих средней квалификации увеличилась.

Таблица 22

ИЗМЕНЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОЧИХ В ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(в %)

Отрасли промышленности		Квалифицированные	Полуквалифицированные	Неквалифицированные
Черная металлургия	1927 г.	35,2	29,8	35,0
» »	1934 г.	29,5	50,3	20,2
Машиностроение:				
паровозо-вагоностроение	1927 г.	51,6	29,3	19,1
	1934 г.	48,7	35,3	16,0
автотракторное	1934 г.	47,3	39,2	13,5
сельскохозяйственное	1927 г.	49,6	29,2	21,2
	1934 г.	35,8	44,8	19,4
Каменноугольная промышленность Донбасса	1927 г.	50,5	34,5	15,0
	1934 г.	52,4	29,0	18,6

Источник: «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.», стр. 476.

Данные по отдельным отраслям промышленности (табл. 22) свидетельствуют о том, что, несмотря на абсолютный рост квалифицированных рабочих с 1927 по 1934 г. в угольной промышленности почти в 2 раза, в черной металлургии — более чем в 2 раза, в машиностроении — в 2,5 раза[162], удельный вес квалифицированных рабочих в 1934 г. в черной металлургии и машиностроении еще не достиг уровня 1927 г., а в каменноугольной промышленности лишь несколько превзошел

[162] *Б. Л. Маркус.* Труд в СССР. М., 1939, стр. 213.

его. Причиной этого явилось главным образом вовлечение большого числа новых людей в указанные отрасли. Но несмотря на это, удельный вес неквалифицированных рабочих как в целом по промышленности, так и в отдельных его отраслях (за исключением каменноугольной) к 1934 г. значительно понизился. Это свидетельствовало о том, что огромные массы новых неквалифицированных рабочих, вовлеченных в производство в предшествующие годы, к этому времени стали уже рабочими средней квалификации (в данном случае 3-го и 4-го разряда в черной металлургии и каменноугольной промышленности, 2-го и 3-го — в машиностроении). Средний разряд занятых в промышленности рабочих в связи с этим значительно повысился, о чем свидетельствуют, например, данные за 1932—1934 гг. по ряду заводов (табл. 23).

Таблица 23

ИЗМЕНЕНИЕ СРЕДНЕГО РАЗРЯДА ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ ПО РЯДУ ЗАВОДОВ

Дата	Ростсельмаш	Коммунар	Московский автозивод	Сталинградский тракторный	Харьковский тракторный	Уралмаш	Электрозавод*	Красный путиловец
1 июля 1932 г. . . .	2,9	2,5	3,0	3,4	3,3	3,2	3,4	3,1
1 октября 1933 г. .	3,0	3,0	3,2	3,5	3,4	3,3	3,6	3,4
1 ноября 1934 г. . .	3,4	3,0	3,6	3,6	3,6	3,4	—	—

* Данные за июль 1932 и 1933 гг.

Исходные данные: «Проблемы экономики», 1935, № 5, стр. 46; Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.», стр. 425.

Во второй половине 30-х годов темпы подготовки квалифицированных кадров из числа новых пополнений были значительно выше темпов притока на производство необученных рабочих. Квалификационная структура рабочих улучшалась поэтому более быстрыми темпами. О значительных сдвигах в квалификационном составе рабочего класса промышленности к маю 1941 г. свидетельствуют следующие данные (табл. 24).

Таким образом, рассмотренные материалы показывают, что накануне реконструкции в 1925 г. в промыш-

Таблица 24

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЯДА НАРКОМАТОВ ПО ТАРИФНЫМ РАЗРЯДАМ

Наркоматы	Отнесено к тарифным разрядам (в %)						Средний тарифный разряд
	I и II	III и IV	V	VI	VII	VIII	
Среднего машиностроения . . .	10,7	48,4	18,4	12,6	7,7	2,2	4,3
Тяжелого машиностроения . . .	13,2	47,3	19,1	12,2	6,0	2,2	4,2
Минометного вооружения . . .	13,9	49,6	16,7	11,9	6,0	1,9	4,1
Электропромышленности . . .	14,4	46,2	18,1	12,9	6,6	1,8	4,2

Источник: «Профсоюзы СССР». Документы и материалы в 4-х томах. 1905—1963 гг., т. III. Профсоюзы в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (1937—1952 гг.). М., 1963, стр. 254.

ленности насчитывалось 18,5% квалифицированных и высококвалифицированных рабочих и 81,5% малоквалифицированных и неквалифицированных. Соотношение между этими группами выражалось как 1 : 4,4. В 1937 г. положение коренным образом изменилось. Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие составляли уже 40,5%, их удельный вес вырос по сравнению с 1925 г. в 2,2 раза. Доля малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих сократилась до 59,5%, т. е. стала в 1,4 раза меньше по сравнению с 1925 г. Изменилось и соотношение между первой и второй группой рабочих, в 1937 г. оно выражалось как 1 : 1,5. При этом следует подчеркнуть, что рост квалификации рабочих был достигнут при громадном увеличении общей численности рабочего класса [163].

В наибольшей степени сократилась доля неквалифицированных рабочих. В машиностроении их удельный вес с 1926 по 1939 г. снизился с 40—50 до 20—30% [164].

[163] *Е. Л. Смирнов* и др. Подготовка квалифицированных кадров. — «Труд и зарплата в СССР». М., 1968, стр. 126.

[164] *К. И. Клименко.* Производительность труда в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности СССР. — «Производительность труда в промышленности СССР». М.—Л., 1940, стр. 211.

Среди работников Баку, занятых на добыче нефти, на 1 октября 1924 г. было 33,4% неквалифицированных рабочих, а на 1 января 1937 г. — только 17,3% [165].

Снижение доли неквалифицированных рабочих и повышение удельного веса высококвалифицированных происходило не только в промышленности, но и в других отраслях народного хозяйства СССР. Среди строителей, например, доля рабочих высших разрядов в 1925 г. составляла 6%, в 1934 г. — 11, а в 1939 г. — 18% [166].

В действительности же рост квалификации рабочих был еще более значительным, так как распределение рабочих по разрядам тарифной сетки в начале и конце реконструктивного периода не может в полном объеме отразить происходившие сдвиги, так как оно не учитывает изменения критериев квалификации. Степень квалификации определялась в начале реконструктивного периода по гораздо более низким показателям, чем в последующие годы. Если в начале реконструкции квалификация зачастую определялась умением рабочего выполнять те или иные приемы ручного труда, то в ходе реконструкции показателем квалификации становилась все возрастающая степень овладения техникой. Поразрядное распределение рабочих в начале и конце реконструкции не учитывает также процессы замены старых профессий новыми, малосравнимыми с прежними.

В каменноугольной промышленности, например, в 1927 г. преобладали профессии тяжелого ручного труда. Забойщики, трудившиеся вручную, насчитывали 25,8% всех рабочих шахт. Саночники, тягальщики, уборщики породы, откатчики-вагонщики, откатчики на поверхности, чернорабочие составляли больше половины всех рабочих, занятых на шахтах (55,8%). К 1934 г. численность этих категорий рабочих сократилась в 2 с лишним раза. В то же время резко возросло число машинистов врубовых машин и забойщиков, работавших отбойными молотками. В 1927 г. их было 7 человек на 1000, а в 1934 г. — 45. Росло число слесарей, электриков и машинистов: в 1927 г. их насчитывалось 27, а в 1934 г. — 81 человек на 1000 [167].

[165] *Н. М. Николаевский.* Производительность труда в нефтяной промышленности СССР. — Там же, стр. 154.

[166] *Ф. М. Волков.* Расширенное воспроизводство квалифицированной рабочей силы в СССР. М., 1961, стр. 119.

Появляется ряд профессий, связанных с освоением новой техники в черной металлургии, — машинисты вагон-весов, машинисты разливочных машин, трансферкарров, грейферных кранов, рольгангов [168]. В то же время на новых и реконструированных заводах была полностью вытеснена профессия каталя, который подавал сырой материал с рудного двора в доменную печь. От каталей не требовалось технических знаний и высокой квалификации. В 1927 г. число каталей и грузчиков составляло 56,45% всех рабочих доменного производства, в дальнейшем работа каталей была механизирована [169].

Подобные изменения происходили и в среде нефтяников. В связи с развитием глубоконаносного и компрессорного способов добычи нефти к 1937 г. практически перестала существовать профессия тартальщиков, удельный вес которых в 1924 г. составлял 47,0% всех рабочих, а в 1937 г. — только 0,3%. Совсем исчезла профессия желонщиков и их подручных, насчитывавших 7% рабочих в 1924 г. Вместе с тем эксплуатация скважин потребовала резкого увеличения числа слесарей (с 11,5 до 47,3%), электромонтеров (с 1,0 до 12,2%), появились профессии регулировщиков воздуха (составлявших в 1937 г. 4,4% всех рабочих), сварщиков (2,1%) и т. д. [170]

Ускоренный рост числа рабочих наиболее квалифицированных профессий наблюдался в машиностроении. Общая численность рабочих с 1928 по 1934 г. увеличилась в этой отрасли в 3 раза, а число токарей за это же время выросло в 5 раз, слесарей — в 5 с лишним раз, слесарей инструментальных цехов — в 9 раз, число наладчиков увеличилось почти в 15 раз, сварщиков — в 14 раз. В связи с механизацией внутризаводского транспорта значительно выросло количество крановщи-

[167] *С. Хейнман.* О росте уровня жизни рабочего класса СССР. — «Проблемы экономики», 1938, № 3, стр. 91; *Б. Л. Маркус.* Труд в СССР, стр. 259.

[168] «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.», стр. 478.

[169] *А. А. Аракелян.* Производительность труда в черной металлургии СССР. — «Производительность труда в промышленности СССР», стр. 58.

[170] *Н. М. Николаевский.* Производительность труда в нефтяной промышленности СССР. — «Производительность труда в промышленности СССР», стр. 153.

ков, лебедчиков, электрокарщиков и пр.[171] Естественно, что подобные процессы продолжались и в последующие годы периода реконструкции. Об этом свидетельствует перепись 1939 г. По данным переписи, при общем росте числа металлистов с 1926 по 1939 г. в 4,4 раза, количество токарей увеличилось в 6,8 раза, фрезеровщиков — в 13 раз, прочих станочников — в 14, инструментальщиков и лекальщиков — в 12,2 раза, прессовщиков и штамповщиков — в 6,3 раза и т. д.[172]

В наиболее обобщенном виде рост культурно-технического уровня рабочих в годы реконструкции характеризуют данные об увеличении производительности труда в промышленности СССР. В 1928 г. производительность труда возросла по сравнению с предшествующим годом на 12,2%, в 1929 г.— на 12,9, в 1930 г.— на 9,7, в 1931 г.— на 7,6, в 1932 г.— на 2,6, в 1933 г.— на 8,7, в 1934 г.— на 10,7, в 1935 г.— на 15,6, в 1936 г.— на 21,4%[173].

Рост производительности труда за 1928—1936 гг. не был равномерным. 1930—1932 годы — период наибольшего притока в промышленность неквалифицированных кадров — дали замедление темпов роста производительности труда. Это замедление сменилось скачком в 1933 г., когда приток новых кадров был совсем незначителен и промышленность освободилась от избыточного числа неквалифицированных рабочих. Борьба рабочего класса за техническую грамотность в последующие годы второй пятилетки сопровождалась ускорением темпов роста производительности труда. Наряду с другими факторами возросший квалификационный уровень рабочих явился причиной зарождения и быстрого распространения движения новаторов производства в последние годы второй пятилетки. Эти годы отмечены наиболее значительным ростом производительности труда в промышленности СССР.

---

[171] *К. И. Клименко.* Производительность труда в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности СССР. — Там же, стр. 211.

[172] «Вопросы истории народного хозяйства СССР». М., 1957, стр. 555.

[173] «Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926—1932 гг.», стр. 552; «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг.», стр. 90.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что огромные массы вновь привлеченных в производство рабочих под руководством и при активной помощи партийных и профсоюзных организаций в условиях, когда старые кадры рабочих бескорыстно передавали свой опыт новичкам производства, успешно овладевали профессиями. Но как быстро продвигались новые рабочие по ступеням квалификации в годы реконструктивного периода? Наиболее ярким материалом, который может быть использован при ответе на этот вопрос, служат результаты специального опроса 7138 молодых рабочих девяти промышленных центров СССР, проведенного ЦУНХУ совместно с комсомольскими организациями в 1936 г. к X съезду ВЛКСМ.

Чем выше производственный стаж, тем больший размер зарплаты получали рабочие. Это было одним из важных показателей степени завершенности формирования новых пополнений рабочего класса, ибо размер заработной платы прямо определялся уровнем профессионально-квалификационной подготовки рабочих. В ходе обследования 1936 г. задавался вопрос о заработной плате в декабре 1935 г. Оказалось, что среди рабочих, пришедших на фабрики и заводы в 1925—1927 гг., заработную плату* больше 300 руб. получали 36,9%, от 201 до 300 руб.— 34,0, от 151 до 200 руб.— 20,5%. Примерно аналогичными выглядят цифры и для рабочих набора 1928—1930 гг. А вот среди тех, кто поступил на фабрики и заводы в 1934 г., лишь 5% получали зарплату свыше 300 руб., 21,3% — от 201 до 300 руб., 32,7% — от 151 до 200 руб., 29,2% — от 101 до 150 руб. Среди тех, чей производственный стаж начался только в 1935 г., 4,1% получали зарплату больше 300 руб., 12,2% — от 201 до 300 руб., 14,5% — от 151 до 200, 25,8% — от 101 до 150, 10,4% — от 86 до 100, 15,4% — от 71 до 85 руб. и 7,6% — меньше 70 руб. Тот факт, что распределение рабочих набора 1925—1927 гг. и 1928—1930 гг. по размеру заработной платы совпадают, свидетельствует о том, что к концу 1935 г. различия между ними по уровню профессионально-квалификационной подготовки в основном уже ушли в прошлое. Можно сказать о том, что спустя пять лет после поступления на фабрики и заводы завершил-

---

* Здесь и далее в денежном исчислении того времени.

ся процесс адаптации новых пополнений в рабочей среде и с точки зрения профессиональной подготовки.

Обследование, проведенное в сентябре 1936 г., показало, что наиболее высокую зарплату получали рабочие 30—34 лет [174]. Это означало, что рабочие, пришедшие на предприятия в первые годы реконструктивного периода, через 8—10 лет выросли настолько, что возглавили ряды передовиков производства. В этом также ярко проявился факт необычайно быстрого повышения квалификации советских рабочих за годы реконструкции.

Некоторые черты социальной психологии новых пополнений рабочего класса

Одним из важнейших показателей, характеризующих степень завершенности этапа превращения новых рабочих в кадровых, является усвоение ими пролетарской идеологии, социалистического общественного сознания. Это был сложный процесс, который сопровождался острой борьбой нового со старым, мелкобуржуазной идеологии с пролетарской. В этой борьбе под руководством Коммунистической партии были одержаны замечательные победы. Но начало было трудным.

Для характеристики социальной психологии новых пополнений представляют интерес мотивы и стремления, обусловливающие переход представителей других социальных групп, и прежде всего громадных масс крестьян, в ряды рабочих. Как показывают воспоминания рабочих, пришедших на фабрики и заводы в годы реконструкции народного хозяйства, среди них необходимо различать людей с твердой установкой на переселение и закрепление в городе и людей, лишь временно покидавших деревню, т. е. с психологией отходника или сезонника.

Одной из основных причин, обусловивших переход в город на постоянное жительство, было различие в доходах и вообще в условиях жизни городского и сельского

[174] «Проблемы экономики», 1938, № 3, стр. 90—91.

населения. Разрыв в уровнях доходов в начале реконструкции был довольно значителен. Например, в 1926/27 г. средний годовой доход бедняка составлял 127,8 руб., середняка — 174,6, а средний доход рабочего равнялся 338 руб. [175]

«Крепко осточертела мне жизнь крестьянская,— вспоминает А. Х. Бусыгин.— Начал я понимать, что жизнь в убогом нашем хозяйстве надо на какие-то другие рельсы переводить». Он одним из первых откликнулся на призыв строить колхозы. Но колхоз на первых порах «не ладился». А в это время дошла весть о том, что в Горьком строится большой завод, и А. Х. Бусыгин решает вслед за своим братом «попробовать счастья» на этом заводе. Осенью 1930 г. он покидает деревню [176].

Те из крестьян, которые закрепились в городе и сравнивали условия своей жизни с деревенской, всегда высказывались в пользу городской жизни. «Самое лучшее время у меня, я считаю, здесь началось,— пишет кузнец-штамповщик Сталинградского тракторного завода Г. Ремизов.— В деревне я так и был бы трактористом. Может, продвинулся, бригадиром бы стал, но это через долгое время. А здесь я через два года вон куда попал... В совпартшколе учусь. За два года я тут больше вырос, чем в деревне за все время, какое я там жил» [177].

Основные помыслы недавних крестьян в первое время были направлены почти исключительно на заработок. Вот характерные воспоминания будущего стахановца Н. А. Зезюлина, относящиеся к 1926 г.: «Поехали зимой наши мужики в Москву. Осенью вернулись и говорят: «Образовалась в Москве какая-то Шатура. И есть там работа — рытье канав. Заработки ничего... Первый раз, когда я приехал на Шатуру, то весь интерес был, чтоб денег побольше заработать» [178]. С такой же психологией отходника начинал свой путь рабочего А. Г. Стаханов. «В 1927 г. пришел я... на шахту. В лаптях, сундучок за плечами. Расчет мой был нехитрый: подработаю не-

[175] *А. М. Панфилова.* Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки. М., 1964, стр. 14.

[176] *А. Х. Бусыгин.* Жизнь моя и моих друзей. М., 1939, стр. 10, 11.

[177] «Люди Сталинградского тракторного». М., 1934, стр. 370.

[128] *Н. Зезюлин.* Моя жизнь — моя работа. М.—Л., 1935, стр. 14.

много, сотни четыре за лето скоплю, вот тебе и коняга и упряжь, земли же дали вволю. Скажу откровенно, шахты я боялся страшно...»[179]

Многие молодые рабочие рассматривали труд на строительстве и на промышленных предприятиях как средство упрочить свое положение в деревне. Неудивительно поэтому, что в социальной психологии таких рабочих было мало интересов, составляющих основу классового самосознания рабочего класса. Это отражено, например, в воспоминаниях секретаря парткома строительства Сталинградского тракторного завода М. И. Сучкова. «Весной 1929 г. на сталинградскую строительную площадку со всех концов Центральной России и с Украины двинулись строители-сезонники. Они ехали в теплушках со своими телегами и лошадьми, со своими лопатами... Они жили артелями со старостами во главе, соблюдали дедовские обычаи. Каждая артель питалась из своего котла, имела свою кухарку. Весь заработок членов артели шел в общий котел, дележ производился «на топор», причем старикам отдавалось преимущество. Львиная же доля артельного заработка доставалась старосте — фактическому хозяину артели, крепко державшему ее в своих руках. Отходники ехали на временные заработки, имея в виду скопить за лето некоторую сумму, чтобы зимой вложить ее в свое хозяйство. Ехали они на срок «до Покрова», т. е. до 14 октября, когда сезонники обычно бросали работу и возвращались в свои деревни. Среди сезонников были бедняки, середняки, а также значительная прослойка кулаков и подкулачников, бывших подрядчиков. Последние составляли большинство артельных старост, вся житейская мудрость которых сводилась к правилу: «Дать поменьше, а содрать побольше»[180]. На строительстве Горьковского автозавода, вспоминает А. Х. Бусыгин, «больше всего было сезонников, пришедших из деревни. Первоначально их мысли были в деревне. Приходили они денег подработать — лошадь купить, телегу справить... Много было среди сезонников любителей «длинного» рубля. Не столько работали, сколько шныряли по стройке, узнавали, где лучше платят, на чем больше заработать можно»[181].

[179] «Рассказы о социалистическом мастерстве». М., 1936, стр. 9

[180] «Говорят строители социализма. Воспоминания участников социалистического строительства в СССР». М., 1959, стр. 149.

Несмотря на все принятые меры, на предприятиях и стройках на протяжении первой пятилетки ощущалась большая потребность в рабочей силе, которая не могла быть полностью удовлетворена за счет оргнабора. Этим как раз и пользовались любители «длинного» рубля, прибывающие на стройки самотеком. «Неорганизованно на стройки прибывали преимущественно многоопытные сезонники, объездившие со своим топором и пилой всю Россию, ехали без всякой организации — по годам складывающейся привычке. Такие рабочие знали все: и какой обед дают в Сталинграде, и какие промтовары имеются в распределителях Днепростроя, и как зарабатывают на Магнитке. За один сезон они успевали обойти и объехать все крупные стройки Союза»[182].

Многие из сезонников, намеревавшихся лишь на время связать свою судьбу с рабочим классом, навсегда остались в его рядах. Атмосфера новостроек первых пятилеток, пример передовых рабочих благотворно влияли на их психологию. Постепенно они становились сознательными строителями социализма. «Сначала мы имели одно желание — заработать больше. Артель наша цементировалась прежде всего рублем. Но, выбрасывая десятки и сотни кубометров земли для закладки будущих корпусов комбината, мы постепенно начали понимать, что́ строим и для кого строим... Прежняя артель умирала. Рождалась бригада сознательных строителей. Днем рождения бригады я считаю день, когда мы вызвали на социалистическое соревнование другую бригаду землекопов... Социалистическое соревнование превратило нас в энтузиастов строительства»[183] — в таких словах изображает перелом в психологии сезонников строитель Березниковского химкомбината М. Ардуанов.

Примерно такого же содержания послал письмо в одну из центральных газет землекоп Никаноров с Маг-

[181] *А. Х. Бусыгин.* Жизнь моя и моих друзей, стр. 15.

[182] *В. Н. Елисеева.* О способах привлечения рабочей силы в промышленность и строительство в период социалистической индустриализации СССР (1926—1937 гг.). — «Известия Воронежского гос. пед. ин-та», т. 63. Воронеж, 1967, стр. 39.

[183] «Говорят строители социализма», стр. 125.

нитостроя. «Ехали мы сюда — таить правду нечего — за длинным рублем. Думаем, помучаемся, сорвем тыщонку за лето. А на зиму домой закатимся до тепла. А тут поглядели месяц-другой, как работает народ советский,— совесть ушибла: а если коротко сказать, то так дело обернулось: закрепились мы на постройке пока землекопами. Зимой же начнем машинную квалификацию получать,— мы для завода фундамент рыли, мы в своем заводе и рельсы будем делать... Трудновато бывает, понятно, да, товарищи, как говорится, растопи сперва печку, а потом и блины на стол требуй» [184].

Другая категория крестьян, намереваясь перейти из деревни в город, связывала с этим представления о более благоустроенной жизни, о более широких интересах. Эти представления возникали или в результате личного знакомства с городскими условиями, или по рассказам городских жителей. И. И. Гудов вспоминает, например, что большую роль в его переходе в город сыграло знакомство с фабричным поселком [185].

Немалую роль в социальных перемещениях из деревни в город играла служба в Красной Армии. По окончании службы значительная часть красноармейцев, прошедших в армии большую школу политического воспитания, воодушевленных великими целями индустриализации, изъявляла желание работать на промышленных стройках. «Место строительства вашего завода нам не известно ни по географической, ни по строительной картам. Просто слышали от некоторых товарищей, что есть такой-то завод, и только, где можно устроиться и работать»,— писали красноармейцы Краснодарской дивизии, целой группой направляясь на один из строящихся уральских заводов [186].

Недавние крестьяне, пришедшие в город, приносили с собой отрицательные черты психологии мелкого собственника, что сказалось на ряде важнейших показателей работы промышленности. В частности, усилилась текучесть рабочей силы. В крупной промышленности количество принятых в 1926—1929 гг. в сравнении со

[184] «Индустрия социализма», 1939, № 1, стр. 31.

[185] *И. Гудов.* Путь стахановца. Рассказ о моей жизни. М., 1938, стр. 11.

[186] «История индустриализации Урала. 1926—1928». Документы и материалы. Свердловск, 1967, стр. 372.

Таблица 25

ОБОРОТ РАБОЧЕЙ СИЛЫ
В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЗА 1932—1937 гг.

В % к среднесписочному составу	Годы					
	1932	1933	1934	1935	1936	1937
Принято	284,9	295,8	225,3	226,3	255,7	217,0
Уволено	306,0	291,5	230,5	235,1	241,0	241,6

Источник: «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.», стр. 512.

среднесписочным составом рабочих было 101—122%, а уволенных — 92—115%. Самой большой текучестью (о чем подробно говорилось выше) отмечен 1930 г., когда число пришедших на производство составило 176,4%, а уволенных — 152,4%. Этот же год является переломным: в крупной промышленности началось систематическое снижение текучести рабочей силы. В 1933 г. было уже 124,9% принятых и 122,4% уволенных, а в 1934 г.— соответственно 100,5 и 96,7%. В 1935—1936 гг. уровень текучести был уже меньше уровня 1930 г. примерно в 2 раза [187]. В строительстве, где довольно широко применялся труд сезонников, текучесть была значительно большей, а процесс ее снижения в несколько раз медленней (табл. 25).

Большая текучесть наблюдалась в годы реконструкции и на транспорте. За годы второй пятилетки, по данным Центрального отдела учета НКПС, только количество выбывших с работы на транспорте (без внутритранспортных переходов с работы на работу) по службам: паровозной, вагонной, движению, пути, сигнализации и связи, грузовой, пассажирской, жилищному отделу составляло в 1933 г. 67,8% от наличного среднесписочного количества рабочих, в 1934 г.— 45,6, в 1935— 48,1, в 1936 г.— 54,8, в 1937 г.— 36,8%. В среднем за каждый год второй пятилетки, судя по этим данным, выбывало с транспорта 50% среднесписочного состава рабочих [188].

[187] «Труд в СССР». М., 1936, стр. 95; «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.», стр. 491.

[188] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 38, д. 395, л. 11.

В основном текучести были подвержены новые рабочие, и почти весь объем ее приходился на людей с самым небольшим производственным стажем. Так, анализ данных об обороте рабочих за 1936 г. в Госплане СССР показал, что при устойчивости основного слоя рабочих (до 75%) вся масса оборота приходится на 25% рабочих мест и дает почти четыре оборота в год на одно рабочее место [189].

Среди причин текучести следует назвать нелегкие условия жизни и работы в необжитых районах новостроек, что вызывало порой попросту бегство от этих трудностей [190], недостаточную организацию труда, разный уровень оплаты за одну и ту же работу в различных отраслях промышленности, а иногда и на однотипных же предприятиях и стройках. Текучесть порождалась также сезонностью отдельных отраслей народного хозяйства и связанной с ней необходимостью найма огромного количества рабочих на краткий срок. Одна из важных причин заключалась в плохих жилищно-бытовых условиях.

Невнимание к обеспечению жильем и прочими бытовыми условиями было характерно для многих новостроек. Например, на Кузнецкстрое, как вспоминает рабочий Ф. Елизаренко, «у некоторых хозяйственников была такая «линия»: мы должны строить завод, а не жилье; нужно тебе жилье — строй» [191]. Об этом же пишет в своих воспоминаниях главный инженер Кузнецкстроя И. П. Бардин: «Упустили мы одну существенную «мелочь»,— и то была ошибка, которую одинаково совершали на всех строительствах Союза в первые годы индустриализации. Мы не подумали, что бани, пекарни, магазины, столовые — это далеко не последнее, а первое звено в крупном строительстве, где заняты десятки тысяч людей» [192]. Начальник строительства Магнитостроя

---

[189] «Индустриализация СССР. 1933—1937 гг.», стр. 491.

[190] См., например, *Ю. Жуков.* Люди 30-х годов. М., 1966, стр. 270; *С. Бойко.* Записки доменщика. — «Сибирские огни», 1939, № 4, стр. 53; «История индустриализации Урала. 1926—1928», стр. 417; *В. Полонский.* Магнитострой. М., 1931, стр. 44—52.

[191] «Кузнецкстрой (История Кузнецкстроя в воспоминаниях)». Новосибирск, 1934, стр. 41.

[192] *И. П. Бардин.* Рождение завода. Воспоминания инженера. Новосибирск, 1936, стр. 80.

Я. С. Гугель в числе субъективных причин, осложнявших решение жилищно-бытовых проблем на новостройках, отмечал недооценку их значения со стороны проектировщиков и руководителей строительства. В нашем плане строительства Магнитостроя, писал он, мы тщательно подсчитывали количество земли, бетона, кирпича, железа, леса, но в наших подсчетах не фигурировали дети, которых надо учить. В плане Наркомпроса это тоже не было предусмотрено. В наших подсчетах не было указано, сколько нужно портных, сапожников, модисток, прачек. В итоге в феврале 1931 г. Магнитогорск почти на 200 тыс. жителей имел всего 15 сапожников. Происходило это потому, что руководители стройки хотели «сделать с короткого разбега длинный прыжок к социализму». На площадке строительства господствовал лозунг «Домну в срок!». Считалось даже неприличным, несоциалистическим уделять в такое время слишком много внимания личным удобствам [193].

Жилищные и бытовые трудности, плохая организация мелочей бытового характера на самих предприятиях во многом определяли текучесть и в промышленности. Невнимание к жилищным нуждам основных квалифицированных кадров завода, подчас формальное отношение к вопросам зарплаты, забвение «бытовых мелочей», слагающихся из очередей в кассы столовых и буфетов, недостаточного ассортимента продуктов в столовых и буфетах, отсутствие в ряде случаев заботы о растущих культурно-бытовых потребностях — все это усиливает текучесть, отмечалось в обзоре о деятельности автотракторной промышленности СССР за две первые пятилетки [194].

Субъективные причины текучести были обусловлены также несознательностью части рабочих, которые, гонясь за выгодами, превращали перемену места работы в своего рода профессию. Таких рабочих называли летунами. ««Пойду поищу, где работа полегче, а деньжат побольше» — вот основная заповедь летуна» [195]. «Что мне твой план, какое мне дело до вашего прорыва?!

---

[193] См. *В. Н. Елисеева.* Указ. статья. — «Известия Воронежского гос. пед. ин-та», т. 63, стр. 73—74.

[194] ЦГАНХ СССР, ф. 7622, оп. 1, д. 58, л. 62.

[195] «Свет над заставой». М., 1959, стр. 179.

Давай мне десятку в день, или уйду. Пятилетке люди нужны» — так «рассуждали» некоторые из них [196].

Текучесть рабочей силы наносила большой ущерб делу строительства социализма.

Однако не всякую текучесть нужно рассматривать как отрицательное явление, порожденное лишь несознательностью рабочих или некоторыми объективными отрицательными явлениями. Годы индустриализации характеризуются весьма интенсивными социальными перемещениями. Эти перемещения шли не только по линии село — город, но и в направлениях, связанных с получением более высокого уровня квалификации и образования. Специальное изучение обстоятельств перехода 10 430 рабочих с одного предприятия на другое в 1928/29 г. свидетельствовало, например, о том, что 80% неквалифицированных рабочих поменяли при переходе профессию, 86% всех обследованных рабочих — отрасль промышленности [197]. Изучение условий текучести в 1933 г. также показало, что «молодой рабочий, проработав 1—2 года и не видя перспективы продвижения, часто меняет предприятие» [198].

Работа на новостройках пятилеток порождала у строителей стремление к продвижению из разряда неквалифицированных строительных профессий в разряд квалифицированных рабочих других профилей. Немалая часть рабочих новых фабрик и заводов вышла из рядов строителей этих предприятий. В 1934 г., например, 10% рабочих Харьковского тракторного завода были в недавнем прошлом строителями этого завода, а бывшие строители Челябинского тракторного и Горьковского автомобильного заводов составляли в том же году 15% общего числа рабочих данных предприятий [199].

Большинство крестьян, пришедших на строительные площадки Харьковского тракторного завода, как вспоминает Е. О. Патон, после завершения строительства

[196] *С. Костюченко* и *др.* История Кировского завода. 1917—1945 гг. М., 1966, стр. 339.

[197] *М. Вовси* и *Р. Шостак.* К вопросу о текучести рабочей силы в промышленности (по материалам одного обследования). — «Пути индустриализации», 1930, № 14, стр. 27, 34.

[198] «Вопросы профдвижения», 1933, № 3, стр. 37.

[199] *С. Гинзбург.* Строительная индустрия СССР. — «Плановое хозяйство», 1934, № 8—9, стр. 60.

«встали к умным и точным станкам и своими руками выпускают мощные тракторы» [200]. С вводом в действие завода в Кузнецке «люди, еще вчера называвшие себя каменщиками, бетонщиками, такелажниками, сейчас должны были стать металлургами, доменщиками, сталеварами, прокатчиками — людьми сложнейших профессий»,— писал И. П. Бардин. И в этом не было ничего удивительного. Кузнецкстрой создал такой конвейер превращения чернорабочих в бетонщиков, клепальщиков и т. д., что после пуска предприятия «считалось само собой разумеющимся, что если цех получает достаточное количество чернорабочих, то он в короткое время вырастит необходимые кадры других профессий» [201].

Переход строителей в разряд промышленных рабочих был явлением настолько распространенным, что от этого иногда страдало собственно строительство. Г. К. Орджоникидзе, выступая 12 мая 1935 г. на совете при Наркомате тяжелой промышленности, говорил руководителям новостроек: «Вы растеряли свои кадры так, что даже бригадиров не стало. Я понимаю, чем это объясняется. Когда завод построен, лучшие кадры строительной площадки переходят на работу по эксплуатации» [202].

Приведенный материал позволяет сделать вывод о том, что в психологии рабочих-строителей реконструктивного периода постепенно вырабатывались твердые установки на переход в число квалифицированных промышленных рабочих.

Приток новых рабочих оказывал самое непосредственное влияние на общее состояние трудовой дисциплины рабочего класса. В частности, если для всего переходного периода в общем характерен процесс снижения прогулов по неуважительным причинам (табл. 26), то моменты наибольшего притока новых рабочих отмечены замедлением этого процесса или вели даже к возрастанию численности прогулов в расчете на одного человека в год (1926, 1930—1932 гг.).

[200] *Е. О. Патон.* Воспоминания. Киев, 1962, стр. 125.

[201] *И. П. Бардин.* Жизнь инженера (Автобиографическая повесть). М., 1938, стр. 188.

[202] *Г. К. Орджоникидзе.* Статьи и речи. В 2-х томах, т. 2. 1926—1937 гг. М., 1957, стр. 684—685.

Таблица 26

ПРОГУЛЫ ПО НЕУВАЖИТЕЛЬНЫМ ПРИЧИНАМ В РЯДЕ ОТРАСЛЕЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР
(число дней в год на одного человека)

	Годы										
	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935
Промышленность . . .	7,43	7,86	6,94	5,72	4,09	4,49	5,96	5,96	0,93	0,67	0,76
в том числе: машиностроение и металлообработка .	6,40	6,38	5,08	4,33	2,60	4,37	5,83	5,24	0,55	0,46	0,53
швейная . . .	6,25	5,84	4,74	4,24	1,96	2,30	3,45	4,34	0,63	0,55	0,34
Строительство .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	10,79	9,85	2,39	1,92	1,87

Источник: «Труд в СССР». Стат. справочник. М., 1936, стр. 96, 155, 219, 250.

Годы наиболее высоких темпов прироста характеризуются также снижением профсоюзной прослойки в рядах рабочего класса. Если в 1928 г. профсоюзы объединяли 86,4% всех занятых в народном хозяйстве, то в 1930 г.— 74,5, в 1931 г.— 68,5, в 1932 г.— 74,0, в 1933 г.— 75,3, в 1936 г.— 82,6% [203].

Культурная и техническая отсталость новых слоев рабочего класса являлась одной из причин так называемых спецеедческих настроений и спецеедства, сохранявшихся в рабочей среде примерно до середины первой пятилетки [204].

Еще одним специфическим явлением, причины которого во многом определялись мелкобуржуазными пережитками, явилось стремление некоторых рабочих к уравнительной системе оплаты труда.

Как показывали многочисленные обследования, инициаторами уравнительных форм оплаты труда обычно

[203] Рассчитано по: ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 17, д. 305а, л. 4; оп. 19, д. 504, л. 66-об.; «Вопросы профдвижения», 1937, № 2, стр. 59.

[204] «Первые шаги индустриализации СССР. 1926—1927 гг.». Сб. документов. М., 1959, стр. 184; «Первенец индустриализации страны — Днепрогэс им. В. И. Ленина». Сб. документов. Запорожье, 1960, стр. 55; «Кузнецкстрой (История Кузнецкстроя в воспоминаниях)», стр. 46; *С. А. Федюкин.* Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР. М., 1960, стр. 49—50.

являлись недавно пришедшие на производство неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие, которым такие формы оплаты были особенно выгодны [205]. Характерный в этом отношении случай приводился на совещании в ВЦСПС в марте 1930 г. На заводе «Серп и молот» существовала ударная бригада, треть которой составляли высококвалифицированные рабочие VII разряда, а остальные были малоквалифицированными сверловщиками, недавние чернорабочие. Заработок сверловщиков достигал 90—100 руб. в месяц, в то время как рабочие VII разряда получали 280 р. Сверловщики выступили с предложением создать производственную коммуну и делить зарплату всем поровну. На собрании, где обсуждался этот вопрос, высококвалифицированные рабочие говорили о том, что это неправильно, что из-за разницы уровня квалификации выработка их несопоставима. В ответ сверловщики стыдили высококвалифицированных: «У вас отсталое настроение, мы собрались, чтобы объединиться. Если вы не желаете зарплату в один котел давать, то незачем нам и объединяться». Когда было внесено предложение объединиться и делить заработок по разрядам, то сверловщики отказались, заявив, что в таком объединении для них смысла нет [206].

В 1930 г. партия решительно взяла курс на укрепление социалистического принципа распределения по количеству и качеству труда. Большую роль в этом сыграла тарифная реформа в сентябре 1931 г. [207]. Партия и профсоюзы не прекращали борьбы с уравнительными тенденциями и в дальнейшем, что способствовало закреплению в сознании масс основных принципов социализма.

Одна из существенных сторон социальной психологии новых рабочих может быть раскрыта через их отношение к различным формам трудовой активности, застрельщиками которых выступали и выступают передовые рабочие. Лучшая часть новых рабочих (главным образом комсомольская молодежь), проявляя энтузиазм и самоотверженность, не только подхватывала почины

[205] «Ударник», 1931, № 1, стр. 17; ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 14, д. 304, л. 64, 72—73.

[206] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 14, д. 305, л. 84—85.

[207] «Социалистическое соревнование в СССР в 1918—1964 гг.». Документы и материалы профсоюзов. М., 1965, стр. 475.

передовиков, но и сама являлась инициатором многих форм социалистического соревнования. Большое значение в этом плане имело то, что молодые рабочие, в массе своей более грамотные, были свободны от традиций и привычек работать по старинке. Их трудовые навыки складывались в условиях новой организации общественного производства, в условиях применения новой техники. Между тем груз консервативных привычек был серьезной помехой для пожилых рабочих, вставших перед необходимостью освоения новой техники.

Рассказывая о трудностях освоения Сталинградского тракторного завода, парторг этого завода называл в их числе разрыв между уровнем техники и степенью технической подготовленности и консервативностью старых привычек у людей, которым эта техника была вручена. «Беда заключается в том,— писал он,— что люди, даже квалифицированные рабочие-коммунисты, мобилизованные на СТЗ Центральным Комитетом, никак не могли понять производства, свыкнуться с новой техникой. Над ними тяготели старые привычки кустарных заводов» [208].

Чрезвычайно показательна в этом отношении история с пушкой Брозиуса на Магнитогорском металлургическом комбинате. Заменявший тяжелый труд механизм долгое время не мог найти признания у рабочих. Старые производственники, десятилетиями вырабатывавшие навыки вручную забивать летку домны огнеупорной глиной, отказывались осваивать непривычное орудие, заменявшее этот труд. «Мне никогда не приходилось видеть такой пушки. Я прожил 53 года. 30 лет работал на производстве и нигде не видел такого чудовища. Я ответственно заявляю, что пушка Брозиуса работать не будет»,— говорил мастер Усс во время «суда» над этим механизмом. Старого мастера не убеждал пример других рабочих, применявших пушку: «Ну и пущай они работают, а я не буду»,— говорил он. Привычка работать по старинке была очень сильна. «Пусть я даже уеду с Магнитогорска, но на этой адовой пушке работать не буду». Психология, выражаемая словами: «Мы десятки лет работали по-старому, привыкли к этой

[208] «Говорят строители тракторного». М., 1934, стр. 79.

работе, перестраиваться не хотим», была свойственна многим пожилым рабочим, отмечал автор брошюры, описавший случай со злополучной пушкой [209].

Для большой части пополнений рабочего класса трудности подобного рода не возникали. Однако некоторые новые рабочие (особенно пришедшие из непролетарских слоев) в силу своей отсталости, отсутствия квалификации пополняли ряды тех, кто не принимал участия в социалистическом соревновании, в движении за освоение новой техники и рационализацию производства, полагая, что новые формы организации труда впоследствии могут якобы неблагоприятно отразиться на условиях их жизни и работы.

В одном из документов ВЦСПС, где обобщался материал за 1926—1928 гг., отмечалось: «Рационализация непосредственно затрагивает вопросы труда, в частности вопросы нормирования и зарплаты, численности и квалификации рабочей силы, трудовой дисциплины и т. д. Этим, между прочим, объясняется острый интерес к вопросам рационализации, который проявила рабочая масса. Профсоюзам приходилось преодолевать недоверие отсталых групп рабочих, котор[ые] в рационализации усматрива[ли] только сокращение рабочей силы и уплотнение работы» [210]. В информационном обзоре ЦК ВЛКСМ от 16 марта 1928 г. сообщалось, что на деле не всякое рационализаторское мероприятие встречается рабочими дружелюбно, не всегда ему оказывается широкая поддержка. Это объяснялось боязнью, что рационализаторское новшество приведет к снижению зарплаты, сокращению рабочих, помешает получить квалификацию и т. д. (такое мнение главным образом распространено среди отсталых групп рабочих) [211].

Распространению подобных настроений способствовало то, что в результате рационализации действительно иногда приходилось сокращать число рабочих на данном предприятии. На Каслинском заводе (Урал) в 1928 г., например, без всякой разъяснительной работы была сокращена часть рабочих. В результате возни-

[209] *Г. Принцмитул.* Магнитогорские большевики в боях за технику. М., 1932, стр. 31—32.
[210] «Индустриализация СССР. 1926—1928 гг.», стр. 477.
[211] Там же, стр. 447.

кали настроения: «Рационализация проводится за счет рабочих»[212]. В условиях сохранявшейся еще безработицы подобные настроения распространялись особенно быстро, так как отсталые рабочие могли рассуждать: «Поставят машины, а нас на биржу труда»[213].

Даже в тех случаях, когда новшества не грозили сокращением или перемещением рабочих, противодействие иногда имело место в силу только привычки к старому. В 1926 г. Управление ленинградского завода «Красный треугольник» решило перевести на новую систему работы галошные мастерские, однако встретило сопротивление. Трудно было сразу убедить галошницу, работающую 20—25 лет по старинке, изменить привычный ход операций[214].

Огромную роль в ломке подобных настроений сыграло социалистическое соревнование, развитие которого также было связано с преодолением определенных трудностей. Некоторые ударные бригады — зачинатели социалистического соревнования,— не находя поддержки, разваливались. В начале 1926 г., например, в центрально-инструментальном цехе Златоустовского механического завода не увенчалась успехом попытка создания бригады, ставившей цели рационализировать производство сверл и увеличить их выпуск на 30%. «Встретив упорное сопротивление со стороны мастеров и рабочих и пассивность со стороны ячейки и профсоюзов, эта бригада вскоре развалилась»[215].

Далеко не сразу нашла поддержку и другая ударная бригада, возникшая на том же заводе в 1929 г. Члены бригады выступили инициаторами новой организации работы цеха, которая способствовала значительному увеличению выпуска топоров. Накануне опробования работы по-новому члены бригады даже получили угрожающую записку. Но они не испугались ни трудностей, неизбежных на первых порах, ни угроз[216].

Успехи ударных бригад в труде часто объяснялись отсталыми рабочими не стремлением ударников хорошо

---

212 Там же, стр. 452.
213 *Н. Б. Лебедева, О. И. Шкаратан.* Очерки истории социалистического соревнования. Л., 1966, стр. 69.
214 «Индустриализация СССР. 1926—1928 гг.», стр. 449.
215 «История индустриализации Урала. 1926—1928 гг.», стр. 133.
216 «Идущие впереди». М., 1961, стр. 37.

трудиться, а другими причинами. Бытовали подозрения, что ударникам дают лучшее сырье, вообще создают лучшие условия для работы[217].

Секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев говорил однажды в своем выступлении: «Мне пришлось знакомиться с материалами отдельных текстильных фабрик Иваново-Вознесенской области, где девушки-ударницы прямо всем плачутся, что «мы сознательно участвуем в хозяйственном строительстве, делаем то-то и то-то, а мастер нас гоняет, дает плохой материал... Взрослые работницы нас травят, пускают про нас слухи, сплетни, дело доходит до штрафов по незначительным причинам. Обстановка злобы, придирок. Отсталые группы зачастую подговаривают бить наших ребят»[218].

Дело не всегда кончалось только проявлением недоверия или запугиванием. Иногда делались попытки сорвать ударную работу. «Были случаи, когда нам и вредили», — вспоминает ударница, москвичка Г. Г. Кожевникова[219].

Ударники часто шли на добровольное снижение расценок. Это тоже вызывало отрицательное отношение со стороны отсталых рабочих. Добровольно снизившему расценки Лялину, рабочему Златоустовского механического завода, прислали записку: «Переходи на старый расценок. Не выступай против рабочих»[220].

Случалось, что в борьбе нового со старым отсталые элементы прибегали к открытым действиям. А. И. Холод, вспоминая работу на угольной шахте в 1926 г., писал, что вследствие заниженных норм ему с первого же дня удавалось намного перевыполнить норму и вскоре он стал перевыполнять ее в 3 раза. «Я считал своей обязанностью, как комсомолец, бороться за повышение нормы», говорил он, и в течение месяца снизил расценки с 1,5 рубля до 42 копеек за буровую скважину, что мало отразилось на заработке. «Из-за этих бурок несколько рвачей меня чуть не кокнули: подсте-

---

217 «Неизведанными путями». Воспоминания участников социалистического строительства. Л., 1967, стр. 131; см. также «Четыре поколения». Л., 1933, стр. 432.
218 *А. Косарев.* Комсомол в реконструктивный период. М.—Л., 1931, стр. 132
219 «Неизведанными путями», стр. 134.
220 Там же, стр. 134.

регли как-то около шахты, один хватанул меня и сбил с ног... Мы тебе покажем,— кричит,— как сбивать цены» [221].

Не раз подвергалась нападениям прославленная бригада Мирсаида Ардуанова на строительстве Березниковского химического комбината. Как-то бригада работала на подземных галереях; сверху раздались крики: «Бей ударников!» На рабочих посыпались камни, доски, обломки кирпичей. В другой раз на ударников напали после работы, когда они возвращались домой через безлюдное поле. В схватке один рабочий был убит, двое серьезно ранены. Едва не погиб и сам бригадир. Однажды Ардуанова зазвали на балку, которая была подпилена. Она обломилась, как только Ардуанов встал на нее. Врачам с трудом удалось спасти ему жизнь [222].

Настроения особенно отсталых рабочих часто использовали классовые враги, ставившие целью сорвать строительство социализма в стране. В докладной записке парткома Магнитогорского коксокомбината от 19 ноября 1931 г. отмечалось, что «классовый враг избивал лучших ударников из бригады Галиуллина, Сагадеева» [223].

В корреспонденции газеты «Уральский рабочий» от 21 июня 1931 г. говорилось об убийстве организатора ударной бригады на Уралмашстрое Ларионова [224].

Различной силы противодействие новым формам трудовой активности отмечается и в других случаях. Например, первой реакцией одного из членов бригады М. Е. Путина на социалистический договор, содержащий пункт о снижении расценок, было: «Это что же такое? Выходит, должно получиться ухудшение материального положения рабочего класса. Я это дело не одобряю». Другой рабочий «нахохлился, как индюк, и ничего не сказал», третий молчком отошел в сторону. Поддержали лишь коммунисты. Соседняя бригада также не сразу приняла вызов на соревнование. «Это политически вредная затея, ущемление интересов трудящихся масс»,—

---

[221] «Рассказы строителей метро». М., 1935, стр. 195.

[222] «Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк (1917—1973)». М., 1975, стр. 194.

[223] «История индустриализации Урала. 1926—1928 гг.», стр. 256.

[224] Там же, стр. 481—482.

говорил о предложении Путина один из членов этой бригады [225].

Неодобрительно была встречена отсталыми рабочими и идея организации хозрасчетных бригад. А. И. Капков, один из инициаторов создания, подвергся даже открытым нападениям со стороны уволенных за прогулы и пьянство с завода [226].

Некоторые отсталые рабочие неодобрительно отнеслись и к начинанию Н. А. Изотова, который в мае 1932 г. опубликовал в «Правде» статью о передовых методах работы на угольной шахте. Многие забойщики заворчали: «Ишь, грамотный нашелся секреты выдавать! Работал бы себе втихую» [227].

С большим подозрением относились отсталые рабочие к тем, кому удавалось намного перевыполнять нормы выработки. Знатный токарь Г. Лихорадов рассказывал, как он, едва став на самостоятельную работу, начал выполнять по три нормы в смену. «Это всех удивило. В цехе стали распространяться про меня всякие вздорные слухи — говорили, что я себе приписываю, откуда-то достаю готовые бандажи, и всякий иной вздор... Отдельные рабочие прямо требовали от меня, чтобы я давал меньше выработки,— они боялись, что повысят нормы» [228].

Некоторые рабочие не сразу поверили в возможность работы по-стахановски. «Немало людей на нашей же шахте... не поверили, что я за одну смену мог нарубить 102 тонны. Это, говорили они, ему приписали»,— рассказывал А. Г. Стаханов [229]. Почин Н. С. Сметанина тоже не сразу нашел признание. «После этого моего рекорда начались разговоры, что, мол, Сметанин это сделал за счет физического перенапряжения, что уве-

---

[225] «Рассказы о социалистическом мастерстве». М., 1936, стр. 345, 346.

[226] «Социалистическое соревнование на предприятиях Ленинграда в годы первой пятилетки. 1928—1932 гг.». Сборник документов и материалов. Л., 1961, стр. 187.

[227] «Родина Советская». М., 1964, стр. 141.

[228] *И. Гудов.* Путь стахановца. М., 1938, стр. 46; см. также: «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев 14—17 ноября 1935 г.». Стенографический отчет. М., 1935, стр. 179.

[229] «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев». Стенографический отчет, стр. 12.

личилось количество брака, что работа была выполнена не так, как нужно, и т. д.» [230]

Противодействие новым формам труда вызывалось боязнью, что они означают простое прибавление работы. Хорошо выразила психологию таких рабочих стахановка А. С. Неудахина. «Моя работа часто вызывает нарекания со стороны других стрелочников,— писала она.— Часто слышишь такие разговоры: «Подумаешь — взялась чистить (стрелки.— *Авт.*), теперь и на нас налягут» [231]. Некоторые боялись, что стахановский труд приведет к необходимости сокращать число рабочих на предприятиях. «Нельзя сказать, чтоб все одинаково хорошо относились к нашей работе,— говорила про таких Е. В. Виноградова.— Есть отсталые ткачихи, которые говорят: «Вы отнимаете у нас кусок хлеба. Переходите на сто станков, и нам скоро работы не будет»» [232].

Когда через год после стахановского почина были пересмотрены устаревшие нормы, «среди некоторых отсталых слоев рабочих была некоторая растерянность,— писал И. И. Гудов.— Им казалось, что это мы — стахановцы — виноваты в том, что нормы пересматриваются» [233].

Таким образом, противодействие новому выражалось в разных формах. Очень часто это проявлялось в непродолжительных отрицательных настроениях, неверии и т. д., которые быстро рассеивались. «Отсталость» рабочих здесь очень относительна. Вскоре такие «отсталые» могли быть самыми ревностными пропагандистами новых методов труда (как это было, например, с членами бригады М. Е. Путина). В других случаях дело обстояло сложнее и борьба с неприятием нового шла дольше. Противодействие отсталых рабочих прогрессивным формам организации труда порождалось консервативностью привычек и боязнью, что новшества вынудят их покинуть привычное место работы, заставят трудиться с такой же производительностью, как и передовые рабочие, что в сознании отсталых связывалось только с дополнительной затратой энергии. Передовые формы труда были несовместимы с нарушением трудовой дисциплины, с

[230] Там же, стр. 37.
[231] *А. С. Неудахина.* На стрелочном посту. М., 1935.
[232] «Рассказы о социалистическом мастерстве», стр. 166.
[233] *И. Гудов.* Путь стахановца, стр. 57.

халатным отношением к выполнению обязанностей. Все это вызывало у отсталой части рабочих поначалу пассивное отношение к новым методам работы, которое в отдельных случаях принимало и активные формы в виде препятствования осуществлению замыслов передовиков, осмеивания, запугивания, а иногда — физических расправ. Последнее справедливо расценивалось как действие классово враждебных элементов.

Итак, влияние новых рабочих — выходцев из непролетарских слоев на рабочий класс в целом выражалось в замедлении качественного роста его рядов и вело к подкреплению психологии наиболее отсталых слоев класса. Однако психология нового рабочего не оставалась неизменной, она обнаруживает необычайный динамизм, сущностью которого является приобщение к пролетарской психологии и социалистическому общественному сознанию.

Подлинным организатором этого процесса являлась Коммунистическая партия. Теснейшая связь с массами трудящихся позволила партии очень быстро увидеть негативные моменты, получавшие распространение в психологии отсталых рабочих, наметить практические меры по исправлению создавшегося положения.

Политику Коммунистической партии всегда отличало и тонкое знание, и умение правильно выражать в политике то, что народ сознает, умение в каждый конкретный исторический момент «поднять энергию, героизм, энтузиазм масс, сосредоточивая революционно напряженные усилия на важнейшей очередной задаче» [234], превращать коммунизм «из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет... непосредственную работу...» [235]

Уже XIV съезд партии указал, что наряду с возвращением старых рабочих в производство «вливаются новые слои, еще не прошедшие производственной и организационной рабочей школы. Меньшая часть этих новых пролетарских кадров — дети рабочих (подростки и переростки) — в большинстве комсомольцы, дети революции, но совершенно не знакомые с укладом и бытом дореволюционной фабрики.

[234] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 305.
[235] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 308.

9 Зак. 172

Большая часть — молодые крестьяне прямо из деревни, совершенно не знакомые с фабрикой, борьбой рабочего класса, его задачами и организациями. Эта часть новых рабочих, еще больше связанная с землей, чем с фабрикой, целиком проникнутая крестьянскими интересами, полуграмотная или совсем неграмотная, в своем большинстве склонная держаться в стороне от основной пролетарской массы, ее интересов и общественности и рассматривать себя как случайных, временных гостей фабрики, завода, города»[236].

Председатель ВСНХ Ф. Э. Дзержинский, выступая с речью в июле 1926 г., подчеркнул, что в стране «исчерпался запас квалифицированной рабочей силы», а вовлечение в производство новых рабочих сопровождается рядом отрицательных моментов. В частности, на предприятиях расшаталась трудовая дисциплина. «...Это не настоящая, пролетарская, не трудовая дисциплина,— говорил о ней Ф. Э. Дзержинский,— а стала она такой благодаря тому, что на наши фабрики и заводы пришлось привлечь сотни тысяч новых рабочих...»[237].

XV конференция ВКП(б) указала на связь наблюдавшегося тогда замедления роста производительности труда, ухудшения качества работы, резко возросшего числа прогулов с вовлечением в производство новых рабочих[238].

Из письма ЦК ВКП(б) всем партийным организациям страны «О поднятии трудовой дисциплины» от 21 февраля 1929 г. видна серьезная озабоченность партии состоянием производительности труда и трудовой дисциплины. «...Неудовлетворительное состояние производительности труда и ослабление трудовой дисциплины, имеющие место на наших предприятиях,— отмечалось в письме,— внушают серьезную тревогу за успешность выполнения как общего плана промышленности на текущий хозяйственный год, так и особенно заданий по снижению себестоимости»[239]. Такое положение ставилось в прямую зависимость от состава и особенностей психологии новых пополнений: «Особенное внимание

[236] «КПСС в резолюциях...», т. 3, стр. 265—266.
[237] *Ф. Э. Дзержинский.* Избранные сочинения в 2-х томах, т. 2, М., 1967, стр. 356, 361.
[238] «КПСС в резолюциях...», т. 3, стр. 380.
[239] «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 169.

должно быть уделено связи между падением труддисциплины и вовлечением в производство новых слоев рабочих, в большинстве связанных с деревней»[240].

Коммунистическая партия вела борьбу за воспитание новых и отсталых слоев рабочего класса не только потому, что их существование отрицательно сказывалось на темпах выполнения планов социалистического строительства. Такие слои представляли определенную угрозу единству партии. Завершив идейный и организационный разгром троцкизма, XV съезд партии отмечал, например, что «оппозиция в своих демагогически-агитаторских требованиях пытается опираться на предрассудки и хвостизм наиболее отсталых слоев пролетариата с полукрестьянской потребительской психологией»[241]. Апрельский (1929 г.) объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) констатировал, что «внутри партии базой правого уклона являются наименее устойчивые, наиболее подверженные влиянию и опасности перерождения элементы в непролетарском секторе партии и наиболее отсталые, не прошедшие еще длительной фабрично-заводской школы, связанные с деревней и городской мелкой буржуазией прослойки рабочих»[242].

Коммунистическая партия сосредоточила внимание на организации работы по воспитанию отсталых масс в пролетарском духе и нейтрализации различных отрицательных мелкобуржуазных влияний на класс в целом. Для достижения этих целей предпринимался целый комплекс мер. Именно комплексный подход к решению важнейших социальных задач обеспечивал глубокую жизненность и эффективность политики Коммунистической партии и Советского государства. Особую роль играли при этом пятилетние планы развития народного хозяйства. Планы давали рабочим ясную перспективу грандиозного роста экономики, показывали им, что строительство социализма будет завершено в кратчайший исторический срок, и тем самым стимулировали творческую инициативу рабочего класса. Партия глубоко верила в беспредельную энергию и энтузиазм миллионов, и не только верила, но и принимала в расчет при составлении пяти-

[240] Там же, стр. 170.
[241] Там же, стр. 50.
[242] Там же, стр. 185.

летних планов в качестве одного из решающих условий их успешного выполнения. Хорошо сказал об этом Е. О. Патон: «Я честно признал свою ошибку: большевики, которых я... считал мечтателями и чуть ли не фантазерами, умели гораздо лучше считать и планировать, чем я. Я подсчитывал, как мне казалось, все: деньги, металл, кирпич и т. п. Все — кроме энтузиазма советских людей, кроме народной энергии, народной воли...» [243].

Важнейшим средством преодоления мелкобуржуазных настроений среди отдельных отсталых групп рабочих являлось политическое просвещение масс, всесторонняя деятельность КПСС, направленная на повышение квалификации и рост общеобразовательной подготовки новых пополнений рабочего класса. Грамотность открывала дорогу к усвоению марксистско-ленинской идеологии, более умелому использованию новой техники, способствовала росту производительности труда. Рабочие с энтузиазмом откликнулись на лозунги своей партии. Естественно, что все это не могло не влиять на укрепление социалистического сознания как рабочего класса в целом, так и новых его пополнений.

Отношение рабочих к учебе выражалось краткой, но очень выразительной формулой: «грамотным жить лучше». Вот типичные высказывания рабочих. Г. Ф. Масляев, шахтер, говорил о роли образования в жизни трудящегося человека: «Трудно было мне жить с плохой грамотой, и я решил, убедившись на горьком опыте своей собственной жизни, учить своих детей. Если бы это было при капитализме, выросли бы мои дети такими же малограмотными, как и я. А Советская власть дала нам все возможности учиться» [244]. «Передо мной маячило будущее: хорошая профессия, заработки, жизнь и работа в заводском коллективе, новые интересы. Дорога ко всему этому лежала через усердную учебу. И я принялся учиться с душой»,— писал И. И. Гудов [245]. «На заводе я стал другим человеком. Мне страстно захотелось познать процессы производства. Любопытство

---

[243] *Е. О. Патон.* Воспоминания, стр. 126.

[244] «Красная книга имени XVII съезда и краевой конференции ВКП(б). Мастера высокой культуры труда». Ростов-на-Дону, 1934, стр. 33.

[245] *И. Гудов.* Путь стахановца, стр. 24.

очень скоро сменилось любознательностью. Отсюда стремление к учебе»,— вспоминал прославленный сталевар Макар Мазай [246].

Возможность получить образование бесплатно, широкое развертывание ликвидации малограмотности и технической учебы, огромный спрос на квалифицированную рабочую силу делали вполне возможной реализацию стремлений к учебе. «Теперь, вспоминая первую пятилетку, мы говорим: в ту пору страна покрылась лесами новостроек. Не боясь преувеличения, можно сказать и другое: именно тогда вся страна села за книги. Учились все — от мала до велика» [247].

«Учились жадно,— вспоминает И. П. Бардин,— ибо каждый день давал людям чувствовать реальную пользу получаемых знаний. Десятки тысяч людей впитывали в себя знания, как мудрость, как откровение, внезапно открывшее им глаза на мир; они читали книги, изучали формулы, задачи, как средство, дающее им силу, указывающее им путь победы, ведущее их к счастливой, радостной жизни, полной смысла, борьбы и интереса» [248].

На долю новых пополнений выпали немалые трудности. Отношение к этим трудностям — одна из важнейших черт социальной психологии новых рабочих. Часть новых рабочих, как это было отмечено выше, бежала от трудностей или спекулировала на них, проявляя рвачество, «летая» с предприятия на предприятие, и т. д. Но эти качества были характерны лишь для незначительного меньшинства новых рабочих. Анализ документов показывает, что подавляющее большинство новых рабочих довольно быстро воспринимало основные установки идеологии и психологии рабочего класса: идею о необходимости скорейшей индустриализации страны и преодоления неизбежно возникающих при этом трудностей, веру в правоту линии партии, наметившей пути строительства новой жизни.

Если кратко резюмировать воспоминания рабочих о трудностях реконструктивного периода, то их можно выразить следующим образом: «Было трудно, но, лишь преодолев эти трудности, можно было завоевать лучшее

---

[246] *М. Мазай.* Записки сталевара. М., 1940, стр. 61.

[247] «Родина Советская», стр. 232.

[248] *И. П. Бардин.* Жизнь инженера (Автобиографическая повесть), стр. 193.

будущее для всех трудящихся, для государства рабочих и крестьян». Многие осознавали это в то время инстинктивно, полагаясь на свое верное классовое чутье. Вспоминая годы первых пятилеток, П. Пичугина писала, например: «...осознали мы, что и как сделали за свою трудовую жизнь, много позднее. А тогда мы просто работали, потому что всем нутром своим чувствовали: наш труд позарез нужен рабоче-крестьянскому государству» [249]. Так же воспринимали трудности и строители Московского метро [250]. «Сейчас, после стольких лет, все вспоминается с улыбкой, — пишет один из строителей Комсомольска Л. А. Качев, — но это был, конечно, очень тяжелый и опасный труд» [251].

Трудности не давили, не принижали рабочего. Действительность оставляла большие возможности для мечты, устремленной к грядущим годам. Землянки не смущали строителей Комсомольска. Они верили, что скоро построят «такие дома и квартиры, каким позавидуют жители старых городов» [252]. Строители Кузнецка также считали, что «все трудности надо пережить», и верили, что они построят совершенно не похожий на другие новый город [253].

Преодоление трудностей для многих рабочих было естественной нормой поведения. «Надо! И мы не считались с трудностями» [254]. Вспоминая годы первых пятилеток, рабочий Кировского завода В. Я. Карасев пишет в своей книге, что он невольно сравнивает те годы с военными. «...Мы чувствовали себя в великом походе, в борьбе. Овладевали новой техникой, учились быстрее работать, и так, чтобы на ходу передать свой опыт товарищу, чтоб он не отстал, не сбил шеренгу, не сломал общий шаг» [255]. Один из разделов воспоминаний В. Я. Карасева называется «Штурмовые будни». «Теперь, — писал он по поводу этого названия в 1967 г., — штурмовщина давно

[249] «Класс созидателей». М., 1967, стр. 74—75.
[250] «Как мы строили метро». М., 1935, стр. 446.
[251] «Комсомольск-на-Амуре». Рассказы строителей города. — «Дальний Восток», 1947, № 3, стр. 75.
[252] «Дальний Восток», 1947, № 3, стр. 71.
[253] *С. Бойко.* Записки доменщика. — «Сибирские огни», 1939, № 4, стр. 52.
[254] *В. Я. Карасев.* Таковы мы — рабочие. Записки рабочего Кировского (бывшего Путиловского) завода. М., 1962, стр. 144.
[255] Там же, стр. 147.

стала бранным словом. А в первые пятилетки мы любили штормы и штурмы. Да это и понятно. Штурм — не штурмовщина. В ту пору мы ощущали в них первозданную прелесть потому, что работать шли как на приступ — недосыпая ночей, не считаясь со временем. Завоевывали будущее, приближали завтрашний день. Мы не жалели себя» [256]. Примерно такими же словами передает атмосферу, царившую на многих промышленных предприятиях, А. В. Болотов: «Были у нас и такие штурмовые периоды, когда сутками не выходили из цеха, чтобы в срок выполнить заказ. Никто не роптал в таких случаях. Каждый понимал — темпы решали будущее страны» [257].

Новые рабочие вместе со всеми советскими людьми верили в будущее, сознавая, что для его достижения придется преодолеть многие недостатки. «У нас много недостатков,— писал ударник А. Дикарев,— но у нас жизнь кипит, и поэтому мы уверены, то, чего у нас нет сегодня, то будет завтра» [258]. «У нас недостаточно одежды и обуви,— говорили московские работницы делегатам чехословацких женщин-трудящихся.— Наши склады не переполнены так, как у вас; перед нашими кооперативными магазинами вы увидите очереди. Но спросите, почему это так, и каждый вам ответит: мы кладем основу, строим тяжелую индустрию, чтобы дать трудящимся то, что им нужно» [259]. «Одежонка, обувка были плохенькие, но ничего, не пугали нас ни холод, ни голод,— вспоминает П. Пичугина и объясняет: — Потому не пугали, что каждая из нас оставила позади горькую бабью долю — ведь почти все мы пришли на стройку из деревни неграмотные, а здесь видели перед собой ясную цель: поднимались заводские стены, поднимались и мы вместе с ними — получали квалификацию, становились специалистами» [260]. Быстрее индустриализовать страну (построить быстрее каждое отдельное предприятие) означало для каждого рабочего значительно приблизить будущее с его новой, лучшей жизнью.

[256] «Неизведанными путями». Л., 1967, стр. 221.
[257] Там же, стр. 306.
[258] «Корабль ударников». Сб. очерков участников первой заграничной экскурсии рабочих-ударников на теплоходе «Абхазия». Л., 1931, стр. 141.
[259] «Гости пролетариата СССР». М., 1932, стр. 197.
[260] «Класс созидателей». М., 1967, стр. 76.

Вера в партию, вера в социализм, признание его своим кровным делом — все это стало составной частью психологии рабочего класса. «Трудностей, конечно, было много»,— вспоминал рабочий С. И. Иванов, назначенный в 20-х годах директором ленинградского завода им. Ф. Энгельса, и, задумываясь над вопросом о том, что побуждало рабочих самоотверженно трудиться, отвечал: «Мы черпали силы в глубокой преданности делу партии. Мы знали, что путь, указанный ленинской партией,— это единственный правильный путь, который, несмотря на все трудности, ведет нас к новой жизни» [261]. «Видя впереди светлые цели, поставленные партией,— писал М. Е. Путин,— рабочий класс готов был идти на любые подвиги, готов был отказать себе во многом сегодня, лишь бы скорее пришло то радостное завтра, к которому советских людей с первых дней революции вела партия коммунистов-ленинцев» [262].

Таким образом, документы показывают, что наиболее существенными чертами психологии рабочих рассматриваемого периода являлись самоотверженность, энтузиазм, беспредельная вера в счастливое будущее и готовность идти на тяжкие испытания ради его приближения, глубокая вера в партию коммунистов. Все это являлось залогом успешного выполнения планов реконструкции.

Ярким примером перевоспитания нового рабочего в истинно пролетарском духе может служить жизненный путь И. И. Гудова, описанный им в своих книгах. Из них видно, как под действием различных факторов растут интересы Гудова, расширяется его кругозор, формируется новое отношение к труду.

Свой путь рабочего И. И. Гудов начал на Московском станкозаводе им. Орджоникидзе чернорабочим. «Когда летом 1934 г. я приехал в Москву,— рассказывает он о своих помыслах того времени,— я хотел получить специальность. На первом плане у меня была личная жизнь, семья — жена, дети. Когда я поступил на завод, я не знал разницы между револьверщиком и фрезеровщиком» [263].

[261] «Неизведанными путями», стр. 57.
[262] «Говорят строители социализма», стр. 231.
[263] *И. Гудов.* Путь стахановца, стр. 122.

Большую роль на пути становления Гудова как передового рабочего имело признание и поощрение добросовестного труда. Ему навсегда запомнилась первая премия, полученная в конце второго месяца работы. «Сколько ни получал после этого в жизни премий, благодарностей, наград, а ту — первую — никогда не забуду... Может быть, впервые в жизни почувствовал себя стоящим человеком». Поощрение порождало стремление к новым достижениям. «Еще внимательнее стал я присматриваться к цеху, к людям, хотелось понять тайны производства»,— пишет И. И. Гудов [264].

Стремление овладеть специальностью оказалось делом хотя и нелегким, но вполне осуществимым. Осенью на заводе происходил набор на шестимесячные производственно-технические курсы. Уровень подготовки Гудова был настолько низок, что сначала его не допустили к изучению сложного фрезерного дела. Пришлось идти в револьверщики. Усердным отношением к учебе Гудов сумел доказать, что может освоить более сложную программу, и он был переведен в отделение фрезеровщиков. Учебу пришлось совмещать с трудом чернорабочего. «Не легко доставалась мне учеба,— признавался Гудов.— Ради учебы я лишил себя отдыха» [265].

20 марта 1935 г., успешно окончив курсы, Гудов стал на самостоятельную работу к станку. В этот момент в его стремлении к большей производительности преобладали личные мотивы: «Чтоб больше заработать». Однако постепенно растет сознание общественной значимости своего труда. Большую роль в этом сыграла речь И. В. Сталина перед выпускниками военных академий 4 мая 1935 г. Труженики Советской страны призывались в ней овладевать техникой. Молодой рабочий глубоко прочувствовал, что путь, который намечает партия,— это путь к счастью людей, к довольству всего народа. Однако понимание это не сразу стало убеждением Гудова. «Внутренне, интуитивно я понимал, что права партия... Но во мне еще жили остатки старого самосознания». Гудов не преодолел еще до конца психологию, в соответствии с которой систематическое превышение установленных норм выработки одним из рабочих не

[264] *И. Гудов.* Судьба рабочего. М., 1970, стр. 13.
[265] Там же, стр. 22.

имело никакого положительного смысла. «Некоторые рабочие цеха,— писал он,— увидев, что я в самом деле стараюсь выжать из своего станка максимум возможного, советовали не очень-то стараться, потому что, говорили они, могут снизить расценки». Поэтому Гудов преуменьшал свою выработку. Только когда началось мощное стахановское движение, сомнения Гудова пропали окончательно, и он до конца понял смысл своих рекордов. Он осознал, что труд не на хозяев, а на себя, на свою Родину является главной движущей силой его успехов. В осознании этого, говорил он далее, «объяснение всей «загадки» моей жизни и тысяч таких же людей, как и я» [266].

Одновременно с ростом технической грамотности, с изменениями в своем отношении к труду Гудов отмечает и изменения в своем духовном облике. «Лично я каждый день все явственнее ощущаю, как я расту. Мир и вся жизнь, все отношения между людьми становятся мне все виднее, понятнее. У меня появился новый круг интересов, я начал задумываться над такими вещами, которые раньше не могли бы и в голову прийти». Гудов отмечает, какую роль сыграла в его жизни грамота. И если вначале ему казалось, что «грамота нужна только для дела, иначе хорошей профессии не научишься, мало будешь зарабатывать», то потом он видит, как вместе с ней пришло новое понимание газеты, художественной литературы, театра и др. [267]

Пример И. И. Гудова показывает необычайный динамизм в перестройке общественного сознания и психологии, характерный для новых рабочих в 30-е годы. Этот динамизм отчетливо осознавался в то время и самими рабочими. «Я присматриваюсь к своим товарищам,— писал А. Х. Бусыгин.— За 4—5 лет своего пребывания на заводе они превратились из отходников-крестьян в высококвалифицированных, сознательных рабочих» [268].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что определяющими чертами психологии новых пополнений в 20—

[266] *И. Гудов.* Путь стахановца, стр. 132—133.
[267] Там же, стр. 123—131.
[268] *А. Бусыгин.* Жизнь моя и моих друзей. М., 1939, стр. 28.

30-е годы были самоотверженность и решимость в борьбе за преодоление трудностей, встающих на пути строительства социализма в нашей стране, упорный труд ради приближения коммунистического завтра, беспредельная вера в Коммунистическую партию. Однако значительный рост численности рабочего класса за счет выходцев из полупролетарских и непролетарских слоев на протяжении сравнительно короткого времени имел и некоторые негативные последствия. Объективно, по крайней мере на время, выходцы из полупролетарских и непролетарских слоев населения в силу своей массы вызывали увеличение средних и отсталых слоев рабочего класса, замедляли рост квалификации, производительности труда, подкрепляя отсталую психологию, находившую выражение в нарушениях производственной дисциплины, текучести и т. п.

Но все это не остановило развития и роста рабочего класса как субъекта истории: годы первой пятилетки, отмеченные самыми высокими темпами вовлечения новых рабочих, в то же время характеризуются высоким пафосом, беспредельным героизмом и самопожертвованием советского рабочего класса на всех фронтах социалистического строительства. Новая социальная среда, созданная в СССР после победы Октябрьской революции, громадная воспитательная работа Коммунистической партии и передовых рабочих по отношению к новым и отсталым слоям рабочего класса не только нейтрализовали отрицательные явления, но и привели к дальнейшему улучшению качественных характеристик рабочего класса в целом. «Морально-политические качества советских людей формируются всем социалистическим укладом нашей жизни, всем ходом дел в обществе, но прежде всего целенаправленной, настойчивой идейно-воспитательной работой партии, всех ее организаций» [269], — подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии.

Процесс классового воспитания (превращения новых рабочих в достойных представителей своего класса) занимал в переходный период гораздо меньше времени, чем прежде. Это находит свое объяснение в том, что, с одной стороны, постоянно возрастали способности ра-

[269] «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 83.

бочего класса «переваривать», перевоспитывать отсталые слои новых пополнений, с другой стороны, постоянно улучшались качественные характеристики новых пополнений, возрастала их социальная близость к рабочему классу. Крестьянин, приходящий на работу в промышленность, приносил с собой нравы и обычаи мелкого собственника. Но сказать только это о новых пополнениях рабочего класса из деревни — это значит исказить подлинную картину событий. В город приходил не просто мелкий собственник, а человек труда, получивший землю из рук Советской власти, прошедший школу борьбы с контрреволюцией и интервенцией, преданный новой власти и своей Родине. Это являлось объективной основой изживания мелкособственнической психологии в кратчайшие исторические сроки. Уже в ходе коллективизации сельского хозяйства начал меняться социальный облик новых рабочих из деревни. В город приходили люди, прошедшие школу коллективного труда, связанные с колхозно-кооперативной собственностью.

Меньше всего времени для приобщения к социальной психологии рабочего класса требовалось для вступающих в его ряды молодежи и женщин из семей рабочих. Не случайно рабочая молодежь, комсомольцы являлись зачинателями многих патриотических починов в духе лучших революционных и трудовых традиций рабочего класса. Это положение справедливо и для какой-то части новых рабочих, вышедших из трудовых слоев непролетарского происхождения. Что касается основной массы новых пополнений рабочего класса, то, судя по времени, необходимому для приобретения квалификации, а также для воспитания наиболее важных качеств социальной психологии рабочего класса, процесс превращения нового рабочего в кадрового в условиях реконструктивного периода занимал приблизительно 3—5 лет.

Данные о распределении рабочего класса по стажу работы показывают, что в его составе находилось крепкое, постоянно увеличивавшееся во второй и третьей пятилетках ядро закаленных кадровых рабочих, вокруг которого объединялся и сплачивался весь рабочий класс. Все другие сдвиги, происшедшие в советском рабочем классе в эти годы, свидетельствуют о том, что он вырос и в количественном и в качественном отношении.

Процесс качественного роста выразился в значительном омоложении состава рабочего класса, в достижении более оптимального соотношения между мужчинами и женщинами, занятыми на производстве, в значительном росте квалификации советских рабочих, их грамотности и культуры. Развитие и укрепление социалистических производственных отношений, новые условия социального бытия рабочего класса обусловили глубокие изменения в его психологии и во всем духовном облике — в них все больше проявлялись и укреплялись социалистические черты. В огромной степени этому способствовала работа Коммунистической партии по воспитанию рабочего класса и особенно его новых пополнений в духе социалистической идеологии. Результатом качественных сдвигов, происходящих в рабочем классе, явилась невиданная социальная активность, героический трудовой энтузиазм советских рабочих, выразившийся, в частности, в ударничестве и стахановском движении.

Огромный количественный рост рабочего класса, происходящий в переходный период как на своей собственной основе, так и за счет широкого вовлечения в его ряды других слоев населения, и прежде всего крестьянства, имел большие последствия социального характера. Была навсегда ликвидирована безработица в СССР. Вовлечение миллионных масс крестьян в индустриальные отрасли народного хозяйства, где производительность труда была значительно выше, чем в сельском хозяйстве, означало повышение производительности труда всего советского общества и ускорение построения материально-технической базы социализма. Большое значение имело также и то, что многомиллионные массы трудящихся, влившиеся в состав рабочего класса и «переварившиеся» в фабричном котле, приобщились к сознанию передового класса советского общества.

Создав в кратчайшие сроки мощную индустрию, ставшую рычагом коренных общественных изменений, советский рабочий класс проявил себя в качестве решающей силы строительства социализма.

ственности и малейшего чинопочитания, ненависть ко всему мещанскому и филистерскому, стремление к высотам культуры.

Облик пролетариата, пришедшего к власти в 1917 г., характеризовался не только исключительно положительными чертами. В наибольшей мере эти черты были свойственны передовым слоям класса. Условия эксплуататорского общества не могли не отразиться на облике рабочего класса. В. И. Ленин отмечал, выступая в январе 1919 г., что у рабочих «сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества. Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи. Приходится только мечтать о том, чтобы очиститься от этой грязи. Было бы глубочайшей утопией думать, что это можно сделать немедленно»[7]. В составе класса, захватившего власть в государстве, сохранялись горстки, группы, слои рабочих, «которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже,— содрать с «него» денег побольше»[8]. Многие рабочие еще продолжали придерживаться правила «каждый за себя, один бог за всех»[9].

На облик рабочих накладывала отпечаток конкурентная борьба за более выгодную продажу рабочей силы капиталистам. «Конкуренция,—указывали К. Маркс и Ф. Энгельс,— изолирует друг от друга индивидов — не только буржуа, но ещё более пролетариев, несмотря на то, что она сводит их вместе»[10]. Эта конкуренция являлась одной из главных помех росту сплоченности рабочих и усвоению ими пролетарской психологии и общего классового сознания.

Весьма сильные элементы несоциалистического сознания — религия, мелкособственническая психология, стремление к наживе, недобросовестность и пр., которые не исчезают в обществе сразу после свержения эксплуататорских классов, продолжали оказывать влияние на некоторые слои отсталых рабочих. Этим тоже в

[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 449.
[8] Там же, стр. 90.
[9] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 449; т. 41, стр. 108.
[10] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 61.

какой-то степени объясняется, что в условиях диктатуры пролетариата ведется «упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества»[11].

Освобождение рабочих из-под власти этих сил и традиций начинается со времени установления господства класса и происходит постепенно в ходе укрепления социалистических принципов производства и общежития, по мере осуществления культурной революции; оно являлось результатом массовой воспитательной работы, подъема материального и культурно-технического уровня рабочих, развертывания социалистического соревнования. Оно достигалось особым вниманием партийных, профсоюзных и комсомольских организаций к составу и работе среди новых пополнений рабочего класса, являвшихся основными носителями традиций старого общества в рабочем классе.

Превращение российского пролетариата в господствующий класс имеет совершенно определенную дату — 7 ноября (25 октября) 1917 г., когда российский пролетариат под руководством большевистской партии сверг в России власть буржуазии. Начавшийся после победы социалистической революции переходный период по своему содержанию является периодом ожесточенной классовой борьбы между захватившим господство пролетариатом и свергнутыми эксплуататорскими классами. Рабочий класс в ходе этой борьбы добивается осуществления социалистических преобразований. «Этот переходный период,— говорил В. И. Ленин,— не может не быть периодом борьбы между... побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом»[12].

Пролетариат, представляющий в этой борьбе коммунизм[13], одерживая в переходный период все новые и новые победы над капитализмом, все больше утверждает свое господство в политической, экономической, идеологической и всех других областях общественной жизни. Одерживая победы над капитализмом, он одновременно изменяет условия своего бытия, превращаясь из собст-

[11] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 27.
[12] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 271.
[13] См. там же, стр. 272.

венно пролетариата (лишенного средств производства, угнетенного) в передовой класс социалистического общества.

Последовательность превращения пролетариата в рабочий класс социалистического общества, как следует из работ В. И. Ленина, такова: завоевание политической власти — изменение отношения к собственности — приведение в соответствие с новым общественным бытием общественного сознания класса, развитие и перевоспитание самих рабочих в ходе перестройки всего общественного хозяйства на социалистической основе.

«После захвата власти,— говорил В. И. Ленин,— рабочий класс держит, сохраняет власть и укрепляет ее, как всякий класс, изменением отношения к собственности и новой конституцией» [14].

Обобществление средств производства в размерах, характерных для весны 1920 г., позволили В. И. Ленину на IX съезде партии отметить, что господство рабочего класса к тому времени было осуществлено полностью. «Когда практически решили вопрос о собственности,— подчеркивал он,— этим было обеспечено господство класса. Когда Конституция записала после этого на бумаге то, что жизнь решила — отмену собственности капиталистической, помещичьей — и прибавила: рабочий класс по Конституции имеет больше прав, чем крестьянство, а эксплуататоры не имеют никаких прав,— этим было записано то, что мы господство своего класса осуществили...» [15]

Однако осуществление господства не означало еще завершения превращения пролетариата в рабочий класс социалистического общества. Перед рабочим классом в переходный период стояли задачи не только упрочения своей власти, он должен был довести до конца обобществление средств производства, проделав при этом огромную работу по социалистической перестройке экономики. В ходе решения этих задач рабочий класс и сам должен был получить всестороннее развитие как главная социально-политическая сила общества. Он должен был научиться управлять ходом этой грандиозной перестройки. Но «уменье управлять,— как говорил

[14] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 270.
[15] Там же, стр. 251.

В. И. Ленин,— с неба не валится и святым духом не приходит, и оттого, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению» [16]. Далее, рабочий класс должен был для достижения своих конечных целей осуществить «более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом» [17], «возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» [18]. В соответствии с этим рабочий класс должен был получить громадное развитие как главная производительная сила общества, что должно было найти отражение в увеличении его численности, составе, росте культурно-технического уровня, и в конечном счете в производительности общественного труда. И наконец. Новые условия социалистического быта должны были закрепиться в массовом сознании и психологии рабочего класса. Большое значение в этом плане имела борьба за преодоление пережитков капитализма в сознании самих рабочих (особенно отсталых слоев рабочего класса). В. И. Ленин учил, что «перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу... а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями» [19].

Осуществляя перестройку общественного производства в переходный период от капитализма к социализму, рабочий класс выполняет большую работу по ликвидации классов. За это время были полностью уничтожены эксплуататорские классы. Практически перестал существовать класс мелких частных собственников, главным представителем которого в СССР были крестьяне-единоличники. Некоторая часть крестьянства перешла в ряды рабочего класса, остальная и бóльшая его часть превратилась на базе кооперативной собственности в социалистический класс колхозного крестьянства.

Изменение экономической основы существования бывших мелких собственников сопровождалось глубо-

[16] Там же, стр. 252.
[17] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 13.
[18] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 446.
[19] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 101.

64—31

ОГЛАВЛЕНИЕ

4
ДАЛЬНЕЙШИЙ РОСТ СОЦИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И СПЛОЧЕННОСТИ СОВЕТСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вдовин Александр Иванович
Дробижев Владимир Зиновьевич

РОСТ РАБОЧЕГО КЛАССА СССР. 1917—1940 гг.

Заведующий редакцией *В. С. Антонов*
Редактор *Ю. В. Мочалова*
Младший редактор *Е. Р. Зазульская*
Оформление художника *П. В. Логинова*
Художественный редактор *В. А. Захарченко*
Технический редактор *Л. П. Гришина*
Корректор *И. В. Равич-Щербо*

Сдано в набор 26 января 1976 г. Подписано в печать 12 июля 1976 г. Формат 84×108[1]/32. Бумага типогр. № 1. Усл. печатных листов 13,86. Учетно-издательских листов 14,78. Тираж 7000 экз. А05975. Заказ № 172. Цена 1 р. 36 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Хохловский пер., 7.